

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика»)

Выходит три раза в год

2

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ПРИГОДИЧ Н. Г.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: prigodichNG@bsu.by

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
РОВДО И. С. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rovdais@bsu.by

**Ответственный
секретарь** **ЕФИМОВА Н. В.** – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Аллинёль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Буняк П. Белградский университет, Белград, Сербия.
Бутырчик А. М. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Важник С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Кузнецов С. А. Центр экспертиз Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
Лебединский С. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Саверченко И. В. Институт литературоведения им. Янки Купалы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Саевич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Синькова Л. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хентшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Хмельницкий Н. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Чеховский Г. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шешкен А. Г. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Минск, Россия.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** **ПРЫГОДЗІЧ М. Р.** – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: prigodichNG@bsu.by
- Намеснікі галоўнага рэдактара** **ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я.** – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
РОЎДА І. С. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: rovdais@bsu.by
- Адказны сакратар** **ЯФІМАВА Н. В.** – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com
- Алініэль К.** Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
Буняк П. Бялградскі ўніверсітэт, Бялград, Сербія.
Бутырчык Г. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Важнік С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Валодзіна Т. В. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Валочка Г. М. Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
Валынец Т. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Ваявода А. У. Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
Генчэль Г. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Гладкава Г. Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
Дубінка С. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Золтан А. Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
Колер Г.-Б. Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
Крэчмер А. Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
Кузняцоў С. А. Цэнтр экспертыз Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта, Санкт-Пецярбург, Расія.
Лебядзінскі С. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Мячкоўская Н. Б. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Паплаўская Т. В. Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Саверчанка І. В. Інстытут літаратуразнаўства Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Саевіч М. Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
Сінькова Л. Д. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Старычонак В. Д. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
Тараненка А. А. Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
Хаўстовіч М. В. Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
Хмяльніцкі М. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Цзян Цюнь Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.
Чахоўскі Г. К. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Шэікен А. Г. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	PRYHODZICH M. R. , doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: prigodichNG@bsu.by
Deputy editors-in-chief	GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y. , doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: goncharova_s@tut.by ROVDO I. S. , doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: rovdos@bsu.by
Executive secretary	JAFIMAVA N. V. , PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: natallia.janienka@gmail.com
<i>Allignol C.</i>	Stendhal University Grenoble 3, Grenoble, France.
<i>Bunjak P.</i>	University of Belgrade, Belgrade, Serbia.
<i>Butyrchik G. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Chahouski G. K.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Dubinko S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gladkova H.</i>	Charles University, Prague, Czech.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Jiang Qun</i>	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
<i>Khaustovich M. V.</i>	University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Khmalnitski M. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Kohler G.-B.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Kretschmer A.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Kuznetsov S. A.</i>	Centre of Expertise of the Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
<i>Lebedinskiy S. I.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Mechkovskaya N. B.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Poplavskaya T. V.</i>	Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
<i>Sajewicz M.</i>	Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
<i>Saverchanka I. V.</i>	Institute of Literature Researches of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Sheshken A. G.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Sin'kova L. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Starichenok V. D.</i>	Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
<i>Taranenko A. A.</i>	A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
<i>Valochka H. M.</i>	National Institute of Education, Minsk, Belarus.
<i>Valodzina T. V.</i>	Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Vazhnik S. A.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Voevoda E. V.</i>	Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
<i>Volynets T. M.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Zoltan A.</i>	Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 821.112.2

СТЕНА КАК СИМВОЛ (ЛОЖНОГО) ПОЗНАНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АВСТРИЙСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.

Д. К. ДАВЫДЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается образ стены в произведениях австрийских писательниц второй половины XX – начала XXI в.: романах М. Хаусхофер «Стена» и И. Бахман «Малина», мини-драме Э. Елинек «Стена». Анализируется символическое значение стены в них. Исследуется эволюция образа, которую особенно четко можно проследить в пьесе Э. Елинек. Критика и переосмысление Э. Елинек наследия ее предшественниц, М. Хаусхофер и И. Бахман, в рамках проблем, связанных с построением женской идентичности через авторство, раскрывают еще одну грань ее творчества – продолжение поисков решения назревших в этой области конфликтов. Выявляется, что в указанных произведениях образ стены не только служит смыслообразующим звеном, но и отражает изменения восприятия автора-женщины в патриархальном дискурсе.

Ключевые слова: образ стены; личностная идентичность; австрийская литература; литературный дискурс; интертекстуальность.

Образец цитирования:

Давыденко ДК. Стена как символ (ложного) познания в произведениях австрийских писательниц второй половины XX – начала XXI в. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2024;2:5–12.
EDN: NNBLIK

For citation:

Davydzenka DK. The wall as a symbol of (false) knowledge in the works of Austrian women writers in the second half of the 20th – beginning of the 21st century. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2024;2:5–12. Russian.
EDN: NNBLIK

Автор:

Дарья Константиновна Давыденко – аспирантка кафедры зарубежной литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент О. Ч. Гронская.

Author:

Darja K. Davydenka, postgraduate student at the department of foreign literature, faculty of philology.
ruseckaja.darja@gmail.com

СЦЯНА ЯК СІМВАЛ (ПАМЫЛКОВАГА) ПАЗНАННЯ Ў ТВОРАХ АЎСТРЫЙСКІХ ПІСЬМЕННІЦ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XX – ПАЧАТКУ XXI ст.

Д. К. ДАВЫДЗЕНКА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разглядаецца вобраз сцяны ў творах аўстрыйскіх пісьменніц другой паловы XX – пачатку XXI ст.: раманах М. Хаўсхофер «Сцяна» і І. Бахман «Маліна», міні-драме Э. Елінек «Сцяна». Аналізуецца сімвалічнае значэнне сцяны ў іх. Даследуецца эвалюцыя вобраза, якую асабліва выразна можна прасачыць у п'есе Э. Елінек. Крытыка і пераасэнсаванне Э. Елінек спадчыны яе папярэдніц, М. Хаўсхофер і І. Бахман, у рамках праблем, звязаных з пабудовай жаночай ідэнтычнасці праз аўтарства, раскрываюць яшчэ адну грань яе творчасці – працяг пошукаў рашэння наспелых у гэтай галіне канфліктаў. Выяўляецца, што вобраз сцяны не толькі служыць сэнсаўтваральным звяном у названых творах, але і адлюстроўвае змены ўспрымання аўтара-жанчыны ў патрыярхальным дыскурсе.

Ключавыя словы: вобраз сцяны; асобная ідэнтычнасць; аўстрыйская літаратура; літаратурны дыкурс; інтэргэстэуальнасць.

THE WALL AS A SYMBOL OF (FALSE) KNOWLEDGE IN THE WORKS OF AUSTRIAN WOMEN WRITERS IN THE SECOND HALF OF THE 20th – BEGINNING OF THE 21st CENTURY

D. K. DAVYDZENKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The wall image in the works of Austrian women writers in the second half of the 20th – beginning of the 21st century: in the novels «The wall» by M. Haushofer and «Malina» by I. Bachmann, as well as in the mini-play «The wall» by E. Jelinek. The symbolic meaning of the wall in each of the works is analysed. The evolution of the image is explored, which can be particularly clearly traced in E. Jelinek's mini-play. E. Jelinek's critique and reinterpretation of the work of her predecessors, M. Haushofer and I. Bachmann, within the framework of the problems associated with the search for female identity through authorship, reveals another facet of her work, namely, as a writer as the work of the next generation of authors who continue to search for solutions to the conflicts that have arisen in the field. It is revealed that the image of the wall is not only a meaning-forming link in the above-mentioned works, but also reflects the changes in the perception of the female author in the patriarchal discourse.

Keywords: wall image; personal identity; Austrian literature; literary discourse; intertextuality.

Введение

Писательницы XX в. постоянно сталкивались с проблемой отсутствия для них места в символическом пространстве патриархальной культуры и языка. Данный факт привел к появлению новых тем и созданию уникальных авторских эстетик, сочетающих в себе внешнее, приемлемое для современной культуры, и внутреннее, непроговоренное, содержание. Женщины в литературе обращаются к произведениям своих предшественниц и современниц, перенимают друг у друга опыт столкновения с обозначенной выше проблемой. Одним из важных, объединяющих их творчество символов является образ стены. Особое звучание он получил в произведениях австрийских писательниц второй половины XX – начала XXI в. В настоящей статье рассмотрены тексты, в которых стена становится своеобразным способом взаимодействия с окружающим миром и даже его познания, а именно романы Марлен Хаусхофер «Стена» («Die Wand», 1963), Ингеборг Бахман «Малина» («Malina», 1971) и мини-драма Эльфриды Елинек «Стена» («Die Wand», 2003).

Актуальность статьи состоит в том, что, хотя в зарубежном литературоведении насчитывается довольно много исследований, посвященных раскрытию творчества писательниц не изолированно от творчества их современниц, переключки между подобными текстами практически не изучались (правда,

некоторые специалисты отмечают эти взаимосвязи). Несмотря на то что в последнее время на постсоветском пространстве появляется все больше публикаций об австрийской литературе, написанной женщинами, данная тема по-прежнему требует детального анализа.

Цели работы – выявление изменений образа стены в произведениях австрийских писательниц второй половины XX – начала XXI в. и наблюдение за его эволюцией, а также рассмотрение связи этого образа с темой самоопределения женщины как творца. Задачами выступают анализ актуальных для женской литературной традиции значений образа стены, по-разному выразившихся в повествовательных стратегиях писательниц, и изучение взаимодействия текстов через отсылки, аллюзии.

Стена – важный экзистенциальный образ, который неоднократно обыгрывался в мировой литературе (рассказах Ж.-П. Сартра «Стена» и В. Быкова «Стена», повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» и др.), получал всевозможные интерпретации – от маркера ситуации экзистенциального выбора до символа внешнего и внутреннего ограничения свободы человека. Несмотря на схожую функцию, которую несет образ стены в произведениях австрийских писательниц, он толкуется в них различными способами, зависящими от взаимоотношений главных героинь с миром и обществом. Мини-драма Э. Елинек выбрана для анализа не только потому, что в ней существенную роль играет образ стены, но и потому, что автор подытоживает и пересматривает опыт своих предшественниц – М. Хаусхофер, И. Бахман и С. Плат. Э. Елинек вводит в текст героинь, прототипами которых послужили ее коллеги, а также переосмысливает идеи и образы, заимствованные из их произведений. Причем эти прототипы являются скорее медийными, чем реальными, а опыт, накопленный писательницами, представляется в сатирическом ключе.

Романы М. Хаусхофер и И. Бахман рассматривались в одном контексте и до публикации мини-драмы Э. Елинек. Например, Э. Брюнс [1] и Р. Мориен [2], в центре внимания которых находится тема женского авторства, проанализировали в сравнительном аспекте стилистику творчества этих непохожих друг на друга писательниц через призму теорий Фрейда и Лакана. По-иному подошла к изучению текстов И. Дусар, посвятившая статью [3] вопросам рецепции творчества М. Хаусхофер и И. Бахман. В большом исследовании М. Помм [4] акцент сделан на поиске интертекстуальных связей между произведениями И. Бахман и Э. Елинек. Фундаментальный труд С. Шмид-Бортеншлагер [5] направлен на систематизацию женской литературной традиции последних двух столетий, немало внимания уделено также взаимодействию писательниц как в плане человеческого общения, сотрудничества в рамках общественных организаций, так и в плане использования отсылок к текстам друг друга. Сложности в раскрытии творческого потенциала И. Бахман и Б. Фришмут, а также причины данных трудностей в контексте их произведений раскрыла К. Гюнтер в издании [6]. Крупнейшим специалистом по творчеству М. Хаусхофер является Д. Штригль, изложившая биографию писательницы и посвятившая ей множество работ. Одной из интереснейших в данном контексте представляется статья [7].

На постсоветском пространстве очевидно возрастание интереса к творчеству австрийских писательниц, в том числе тех, чьи работы рассматриваются в настоящей статье. Так, например, А. Э. Воронникова в публикации [8] анализирует произведения австрийской и немецкой литературы, в центре которых стоит женский образ. Особое внимание она уделяет текстам И. Бахман и Э. Елинек. Творчество австрийских писательниц изучается также в диссертациях О. Ч. Гурло [9] и Е. С. Яриной¹.

Результаты и их обсуждение

В перечисленных произведениях стена представляет собой экзистенциальный символ и выполняет разные функции. В своем самом важном романе «Стена» М. Хаусхофер создает многозначную метафору, смысл которой шире семантики бинарной оппозиции *добро – зло*. В первом и единственном законченном произведении цикла И. Бахман «Виды смерти» («Todesarten»), романе «Малина», стена появляется лишь в самом конце, становясь пристанищем главной героини. В пятой части сборника маленьких пьес Э. Елинек «Смерть и девушка. I–V: драмы принцесс» («Der Tod und das Mädchen. I–V: Prinzessinnendramen»), мини-драме «Стена», писательница переосмысливает символ стены, критикует и раскрывает его несостоятельность, которая стала очевидной только спустя время.

Например, в романе М. Хаусхофер главная героиня пребывает одна в домике, расположенном в горах, когда происходит катастрофа и это относительно небольшое безопасное пространство ограничивает огромная невидимая стена. Люди, находящиеся за ее пределами, каменеют, а сама женщина оказывается взаперти. Стена не является непреодолимой, но героиня принимает решение не выбираться на свободу и просто пытается выжить. Подобное не вполне логичное на сюжетном уровне решение можно объяснить тем, что стену стоит рассматривать прежде всего в символическом ключе: наряду с буквальным

¹Ярина Е. С. Проблема самоидентификации личности и особенности поэтической системы в романах Э. Елинек 1975–1980-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03. Екатеринбург, 2011. 22 с.

значением, она имеет переносный смысл – символизирует каждодневный выбор героини создавать изолированный мир со своими правилами, устоями и собственным пониманием справедливости. Таким образом, несмотря на постапокалиптические обстоятельства, роман не имеет приключенческой основы. Он строится вокруг внутреннего мира героини, а также вокруг идеи переосмысления ее прошлого и воспитания новой личности.

Возникновение и существование стены, как событие, не занимает много места в тексте: *Über die Wand zerbrach ich mir nicht allzusehr den Kopf. Ich nahm an, sie wäre eine neue Waffe, die geheimzuhalten einer der Großmächte gelungen war; eine ideale Waffe, sie hinterließ die Erde unverseht und tötete nur Menschen und Tiere. Noch besser freilich wäre es gewesen, hätte man die Tiere verschonen können, aber das war wohl nicht möglich gewesen* [10, S. 41] ‘Над стеной я голову особо не ломала. Предположила, что это – новое оружие, создание которого одной из держав удалось утаить. Идеальное оружие: оно оставляет ландшафт нетронутым, просто убивает людей и животных. Ясное дело, было бы еще лучше, если бы и животные оставались, но, судя по всему, это невозможно’ [11, с. 41]. При этом присутствие преграды ощущается на протяжении всего повествования, так как стена служит отправной точкой экзистенциальной ситуации, которая меняет жизнь героини. Парадоксальным образом стена, как итог катастрофы, не несет угрозы. Большой страх вызывают люди, которые являются причиной катаклизма и, возможно, намереваются освоить захваченные территории. Опасения оправдываются, когда представитель милитаризованного, патриархального, жестокого человечества врывается в обустроенный утопический мир. Стена, таким образом, становится и «тюремщиком», и «защитником» героини. Эта идея особенно четко прослеживается при сравнении романа «Стена» с другими произведениями М. Хаусхофер. Например, в последнем романе писательницы «Мансарда» («Die Mansarde», 1969) чердак выступает местом, где героиня укрывается от мира и проблем, обретает свободу и личное пространство, но вместе с тем чувствует себя изолированной и одинокой: «Она как бы парит над территорией семейного застоя – подобием птичьей клетки, насесты которой состоят из соображений, домашних обязанностей, затихших мыслей и болезненных воспоминаний»² [12, S. 165]. Подобно тому как в романе «Мансарда» семейная жизнь заставляет главную героиню отказаться от амбиций, в романе «Стена» тишина и размеренность, возможность вырваться из рамок патриархального общества оборачиваются полной изоляцией, в том числе в пространстве письма: *Ich rechne nicht damit, daß diese Aufzeichnungen jemals gefunden werden* [10, S. 7] ‘Не рассчитываю, что эти записки когда-либо найдут’ [11, с. 7].

С одной стороны, функция стены состоит в том, чтобы оберегать героиню от окаменения в буквальном смысле, позволять ей выжить. С другой стороны, такая защита приводит к заточению, ведь женщина не может связаться с внешним миром или выйти в него, она способна только наблюдать окружающую ее действительность. Те же функции выполняет стена в своей символической ипостаси: эта преграда появляется между взрослой, выполнившей навязанный ей долг матери, однако никак иначе не реализовавшей себя женщиной и обществом, в котором ей нет места. Внутри своего дома она находится в относительной безопасности, но испытывает одиночество, причем попытка влиться в социум равносильна попытке сбежать в неизвестность.

В случае с романом И. Бахман «Малина» стена – это место, куда сбежало женское Я главной героини, иное пространство, где можно самоуничтожиться, перестать существовать для остального мира. Проблема внутреннего разлада женщины, пытающейся выстроить собственную идентичность, важна для автора. Этот конфликт в тексте представлен раздвоением личности, невозможностью сосуществования ее мужской и женской ипостасей. Кроме того, в произведении обнаруживается невидимая стена между героиней, стремящейся создать поэтический язык любви, и обществом насилия, не готовым ее услышать. Единственным, кто действительно понимает героиню, является Малина – ее мужская ипостась. Однако даже он часто ведет себя жестоко и холодно. Данный факт зло и иронично подчеркивается в сцене (само)убийства, когда героиня, совершая решающий трагический шаг, все же заботится о приготовлении кофе для Малины, который словно не замечает ее отсутствия. В тексте подчеркивается, как важно, чтобы обе части Я сосуществовали, поскольку иначе полноценная жизнь личности невозможна: *Ich sehe Malina unverwandt an, aber er sieht nicht auf. Ich stehe auf und denke, wenn er nicht sofort etwas sagt, wenn er mich nicht aufhält, ist es Mord, und ich entferne mich, weil ich es nicht mehr sagen kann. Es ist nicht mehr ganz furchtbar, nur unser Auseinandergeraten ist furchtbarer als jedes Aneinandergeraten. Ich habe in Ivan gelebt und ich sterbe in Malina* [13, S. 354] ‘Я встаю и думаю: если он прямо сейчас чего-нибудь не скажет, если он меня не удержит, это будет убийство, и я удаляюсь, потому что произнести этого не могу. Это уже не так страшно, только наш разрыв страшнее всякого срыва. Я жила в Иване, а умираю в Малине’ [14, с. 360]. Э. Елинек комментирует психологическое состояние героини И. Бахман следующим образом: «У Бахман мужчины иногда страдают, но женщины не могут ничего, кроме как страдать» [15, S. 151].

²Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – Д. Д.

Умирая, женская ипостась попадает «на “ничейную” землю» [4, S. 276], т. е. ускользает из-под контроля общественного дискурса, социальных норм и отношений, символического пространства языка.

Образы стены в произведениях М. Хаусхофер и И. Бахман амбивалентны. С одной стороны, стена имеет огромное значение для конструирования личности персонажей, понимания экзистенциальной ситуации, в которой оказались героини, и причин сделанного ими выбора. С другой стороны, она приводит к стиранию женщин из социального пространства. Стеной невозможно пренебрегать, но и ориентироваться на нее как на символ познания ошибочно с точки зрения личности, которая не стремится в той или иной степени к самоуничтожению.

В текстах обеих писательниц героини, не допущенные к символическому пространству культуры по половому признаку, не могут игнорировать в себе ни человеческое, ни женское, ни творческое начало. М. Хаусхофер и И. Бахман, осознавая, что совместить эти начала в современном им патриархальном обществе невозможно, находят собственный выход из ситуации. Конфликт в их произведениях состоит в том, что внутреннее (онтологическое) состояние, т. е. осознание и принятие героинями себя, не совпадает с внешними (социальными) условиями, в которых они находятся. Женщины описываются в момент кризиса, проистекающего из данного конфликта. К важнейшим вопросам, которые поднимаются в романах, относятся вопросы о том, что такое женственность и чем она обусловлена. Как пишет Р. Мориен, «...в феминистских исследованиях иррациональное чувство вины, самоуничижение и неполноценность писательниц часто связывают с нарушенной психосексуальной идентичностью, не в последнюю очередь благодаря фрейдовской теории фемининности. Прежде всего речь идет о том, что дочери трудно утвердить себя в борьбе за собственную субъектную позицию против всемогущего символического отца. В терминологии Ж. Лакана имеется в виду необходимость артикулировать желание и быть признанной *Другим*» [2, S. 3]. Вопрос о женском авторстве, проблемы самоопределения и поисков самостоятельной женской традиции раскрыты в анализируемых текстах во всей своей остроте, но, к сожалению, общественность не была готова их понять. Именно поэтому многие работы М. Хаусхофер и цикл И. Бахман «Виды смерти» литературоведы открывали заново в 1970-х гг., когда шла вторая волна феминизма.

Э. Елинек обобщает и переосмысляет обозначенные выше образы стены. В мини-драме «Стена» она явно дает понять, что не принимает ни путь самолегитимации через страдания, как у И. Бахман, ни стратегию демонстрации агрессии и фантазию всемогущества, как у М. Хаусхофер [4, S. 362]. В первых четырех частях сборника Э. Елинек пересматривает общеизвестные истории принцесс с точки зрения гендерных и властных отношений и только в пятой части обращается к биографиям реальных людей – писательниц. По сюжету искаженные образы И. Бахман и С. Плат представляются читателям посредством героинь Инге и Сильвии, которые совершают ритуальное заклинание барана. Отметим, что писательницы не были радикальными, воинствующими феминистками. Эпизод с кастрацией животного отражает скорее то, какими считают феминисток люди, видящие в их движении ненависть к мужчинам, а не к патриархальной системе, стремление к захвату власти, а не к достижению равных прав и свобод.

Трагедия поиска женщиной собственных путей познания, своей идентичности подкрепляется в текстах Э. Елинек тем, что созданные ей героини соглашаются с патриархальным дискурсом, транслируют его, подчиняются этой системе. Так, уже в авторских ремарках Э. Елинек описывает действия Инге и Сильвии как нелепые, смешные. Попытка персонажей побороть патриархат через кастрацию «животного мужского пола» (*ein männliches Tier* [16, S. 103]) оборачивается постыдным представлением, так как женщины, запачкавшись кровью, переодеваются: Инге – в дирндль, национальный костюм, а Сильвия – в купальник. Действие, которое должно было выглядеть «очень архаично и жестоко» (*sehr archaisch und grausam* [16, S. 103]), приводит, по сути, к принятию женщинами своих традиционных ролей в патриархальном обществе.

Инге и Сильвия словами и действиями демонстрируют неспособность женщины создавать, созерцать, познавать: *Da kann schließlich irgendwer daherkommen übers Meer und den Samen ohne unsre Hilfe, einfach so, zerstreuen, soviel er will. Wir warens nicht. Es wird nie was draus, wenn wir es in die Hand nehmen. Nicht einmal wenn wir eine Sichel dafür nehmen, wird was draus. Futter für die Kaninchen vielleicht, aber sonst nichts. Und da sind auch keine Kinder zu fressen und überhaupt. Wären wir wenigstens geschlechtsliebend, aber warum sollten wir das sein? Nur weil wir aus einem Geschlecht herausgetreten sind? Da, wo wir hintreten, sind ja doch nur Steine* [16, S. 104] ‘В конце концов кто-то может прийти через море и рассеять семя без нашей помощи, просто так, сколько захочет. Это были не мы. Ничего не выйдет, если мы возьмем это в свои руки. Даже если мы возьмем в руки серп, из этого ничего не выйдет. Корм для кроликов – может быть, но не более того. И детей жрать не надо, и вообще. Если бы мы по крайней мере любили свой пол, но почему мы должны его любить? Только потому, что мы переступили свой гендер? Там, где мы ступаем, есть только камни’. Так как в тексте имеется в виду семя Урана и Кроноса, женщины не чувствуют себя причастными к созданию ни этого мира, ни новой жизни. Они не способны совершить

поступок, который повлечет за собой глобальные изменения: серп в их руках только запасает корм для кроликов. Блюдо, приготовленное из жертвенного животного, также позиционируется всего лишь как суп, который Инге и Сильвия, забравшись на стену, разливают в детскую посуду: *Die beiden Frauen stemmen sich, nach einem kurzen Verschnaufen, auf den Fels, packen ihre Blutsuppe aus und füllen sie in die Puppentassen und -teller* [16, S. 140] ‘После короткой передышки обе женщины опираются на камень, распаковывают кровавый суп и разливают его по кукольным чашкам и тарелкам’. Женщинам так и не удается пересоздать мир, увидеть его другими глазами, не застланными пеленой патриархальных установок. Путь, который задумывался ими как попытка познания, начался с патриархального мифа об Уране и Кроносе, в котором мужское начало становится истоком жизни. Пьеса заканчивается тем, что нежный голос говорит словами из поэтического сочинения Гесиода «Теогония». Героини же больше не произносят ни слова, они обречены на молчание.

В творчестве всех трех знаковых для мини-драмы Э. Елинек «Стена» писательниц (М. Хаусхофер, И. Бахман, С. Плат) образ стены раскрыт по-разному. Тема ограниченности женщины, ее изолированности от общества, пространства языка, мира литературы приобретает в их работах различные оттенки. Писательницы предлагают особые способы взаимодействия с образом стены, однако читатель видит только патриархальный дискурс, в рамках которого эта общая тема разъединяет женщин, заставляет их конкурировать между собой: *Diese Wand ist meine! Mach dich woanders wichtig!* [16, S. 106] ‘Эта стена моя! Сделай себя важной в другом месте!’.

Д. Штригль делает акцент на том, что критики и литературоведы чаще обращают внимание на фигуры И. Бахман и С. Плат, однако в мини-драме присутствует достаточное количество интертекстуальных отсылок и на М. Хаусхофер [7, S. 88]. По ее словам, роман М. Хаусхофер становится своеобразной эхокамерой для пьесы Э. Елинек [7, S. 89]. И действительно, Инге и Сильвия как будто помещены в несколько искаженный мир романа М. Хаусхофер, созданный в результате попытки поставить героиню в ситуацию познания себя и окружающей действительности индивидуальным, не соприкасающимся с патриархальными подавляющими схемами способом.

На официальном сайте Э. Елинек наряду с огромным количеством других ее работ опубликована названная пьеса. Оформление сайта может послужить ключом к пониманию замысла писательницы: перед текстом слева направо размещены три фотографии – снимки И. Бахман (профиль, смотрит влево), М. Хаусхофер (анфас, смотрит прямо) и С. Плат (профиль, смотрит вправо)³. Несмотря на откровенную критику их подходов к решению женского вопроса, Э. Елинек видит в М. Хаусхофер, И. Бахман и С. Плат авторов, которые создали фундамент современной женской литературы. М. Помм комментирует это так: «Хотя она (Э. Елинек. – Д. Д.) описывает Бахман и Плат как “важных” и “невероятно одаренных” женщин, эти две писательницы не служат для Елинек образцами для подражания; напротив, они являются предостерегающими примерами соответствия смертельному гендерному порядку» [4, S. 329].

Сказанное выше в полной мере относится и к М. Хаусхофер. На упомянутом сайте фигура писательницы находится в центре композиции, однако в тексте пьесы ее присутствие завуалировано. Данный факт может быть обусловлен несколькими причинами. Во-первых, в произведениях Э. Елинек нет точных психологических портретов или глубоко проработанных персонажей. Вместо этого писательница делает героев носителями дискурсов, что позволяет ей сатирически отражать действительность не с точки зрения отдельных личностей, а с точки зрения того, что говорится о женщинах, австрийцах, евреях, нацистах и конкретных людях в средствах массовой информации, критике, и того, как они представлены в общественном сознании. Так, М. Помм замечает, что в мини-драме «Стена» Э. Елинек «сосредоточена не столько на творчестве Плат и Бахман, сколько на общественных дискурсах о них» [4, S. 334]. И если И. Бахман и С. Плат были «иконами» своего времени, то о М. Хаусхофер начали говорить намного позже. Во-вторых, М. Хаусхофер фактически изолирует своих героинь от общества, направляет их творческие импульсы вовнутрь, в пространство внутри стены. Писательница задала образ стены для будущих поколений, сама оставшись в тени.

Э. Елинек в саркастической манере упрекает предшественницу не только в пассивности, но и в агрессивности: «Кажущийся защитным акт инкапсуляции на самом деле означает огромную агрессию (потому что только смерть всех остальных делает ее возможной), освободительный удар связан с фантазией о всемогуществе: женщина воссоздает мир» [7, S. 95]. По мнению писательницы, попытка М. Хаусхофер выстроить свою идентичность и познать мир в ограниченных условиях, смирившись с ними и приняв эти установки как данность, не увенчалась успехом. И, критикуя М. Хаусхофер, Э. Елинек устами своих героинь говорит следующее: *Hör mal, da hat sich eine andre Frau als wir doch glatt eine Wand einfallen lassen, die vollkommen unsichtbar sein soll! Da hättest du doch endlich deinen Grund, nicht verreisen zu müssen. Du dürftest dableiben, weil du gar nicht weg könntest. Müßtest nicht hinaus ins Leben!* [16, S. 107] ‘Слушай, одна

³Elfriede Jelinek : Seite. URL: <https://www.elfriedejelinek.com> (Datum der Bewerbung: 09.03.2022).

женщина, кроме нас, придумала стену, которая должна быть совершенно невидимой! У вас наконец-то появится причина не путешествовать. Вам разрешат остаться, потому что вы не сможете уйти. Вам не пришлось бы выходить в жизнь!».

В обезображенной действительности текста Э. Елинек все положительные эффекты и находки образа стены нивелируются, подаются через призму цинизма. Экзистенциальное и физическое одиночество безымянной женщины превращается в лень и малодушие, привязанность к насиженному месту. Во всех произведениях (включая, помимо названных, роман С. Плат «Под стеклянным колпаком» («The bell jar», 1963)) нет ни одного позитивного примера, ни одной сильной и значимой женской модели поведения, читатель видит только критику женских персонажей. Э. Елинек указывает на отсутствие солидарности (соревнование в красоте), заставляет женщин говорить языком патриархального мира, показывает их карикатурами на самих себя, сформированными мифами СМИ: «Таким образом, в центре сборника “Смерть и девушка. I–V: истории принцесс” находится не столько творчество Плат и Бахман, сколько общественный дискурс о двух звездах литературы» [4, S. 334].

Д. Штригль, как и многие другие исследователи, указывает на то, что стена в мини-драме Э. Елинек выполняет функцию платоновской пещеры – аллегории ложного познания [7, S. 89]. Данный символ объединяет предшественниц писательницы. Она закономерно ставит под сомнение вопрос о целесообразности усилий, направленных на изучение этого символа, а также о познании мира через его призму: *Und du hast es nicht auf den Begriff bringen können und du hast den Begriff nicht auf den Punkt bringen können und jetzt ist der Punkt zu einer Wand vor deinem Kopf geworden, und nicht einmal die kannst du sehen!* [14, S. 119] «И вы не смогли довести его до точки, и вы не смогли довести точку до точки, и теперь точка стала стеной перед вашей головой, и вы даже не можете ее увидеть!».

В эссе Э. Елинек об И. Бахман можно прочесть горькие слова: «Женщине нет места» [15, S. 151]. Между написанием данного эссе и публикацией сборника пьес «Смерть и девушка. I–V: истории принцесс» прошло 20 лет, однако проблема разлада личности женщины, пытающейся найти место в символическом пространстве культуры, актуальна и теперь. Именно эта проблема отражена в образе стены, который разрабатывали в своих произведениях три австрийские писательницы.

Заключение

Для австрийских писательниц второй половины XX – начала XXI в. символ стены приобрел важное значение. Он прошел путь от обозначения иллюзорной утопии до маркера критического переосмысления особого способа познания и разочарования в нем. Образ стены как средства добровольной и вынужденной изоляции, немоты, невозможности сойти с уготованного обществом пути сыграл существенную роль в процессах самоопределения и самопознания женщин в австрийской литературе указанного периода.

Библиографические ссылки

1. Brüns E. *Aussenstehend, ungelenk, kopfüber weiblich: psychosexuelle Autorpositionen bei Marlen Haushofer, Marie Louise Fleisser und Ingeborg Bachmann*. Stuttgart: J. B. Metzler; 1998. 334 S.
2. Morrien R. *Weibliches Textbegehren bei Ingeborg Bachmann, Marlen Haushofer und Unica Zürn*. Würzburg: Königshausen und Neumann; 1996. 242 S.
3. Duser I. Marlen Haushofer versus Ingeborg Bachmann. Fragen der Kanonisierung in der Literaturkritik «Eine geheime Schrift aus diesem Splitterwerk enträtseln...». In: Bosse A, Ruthner C, Herausgeber. *Marlen Haushofers Werk im Kontext*. Tübingen: Francke; 2000. S. 231–256.
4. Pommé M. *Ingeborg Bachmann – Elfriede Jelinek: intertextuelle Schreibstrategien in Malina, Das Buch Franz, Die Klavierspielerin und Die Wand*. St. Ingbert: Röhrig Universitätsverlag; 2009. 467 S.
5. Schmid-Bortenschlager S. *Österreichische Schriftstellerinnen 1800–2000*. Darmstadt: WBG Academic; 2009. 240 S.
6. Günter C. *Schreiben Frauen anders? Untersuchungen zu Ingeborg Bachmann und Barbara Frischmut*. Stuttgart: Akademischer Verlag Hans-Dieter Heinz; 1983. 426 S.
7. Strigl D. Die Wand: nichts dahinter – oder doch? Zu Elfriede Jelineks kritischer Lektüre von Marlen Haushofers Roman in Tod und das Mädchen V. In: Eder T, Vogel J, Herausgeber. *Lob der Oberfläche: zum Werk von Elfriede Jelinek*. München: Wilhelm Fink Verlag; 2010. S. 87–102. DOI: 10.30965/9783846750049_007.
8. Воронцова АЭ. *Гиноцентрические романы Германии и Австрии 1970–1980-х гг.* [диссертация]. Воронеж: Воронежский государственный университет; 2008. 443 с.
9. Гурло ВЧ. *Хранителі прози Інгеборґ Бахман* [диссертация]. Мінск: БДУ; 2003. 117 с.
10. Haushofer M. *Die Wand*. Berlin: List Taschenbuch; 2020. 285 S.
11. Хаусхофер М. *Стена*. Крепак Е, переводчик. Санкт-Петербург: Фантакт; 1994. 287 с.
12. Polt-Heinzl E. Marlen Haushofers Die Mansarde als Roman des Wiederaufbaus nach 1945. In: Arlaud S, Lacheny M, Lajarrige J, Leroy du Cardonnoy É, Herausgeber. *Dekonstruktion der symbolischen Ordnung bei Marlen Haushofer*. Berlin: Frank & Timme; 2019. S. 159–172.
13. Bachmann I. *Malina*. Frankfurt am Main: Schurkamp; 2021. 568 S.

14. Бахман И. *Малина*. Шлапоберская СЕ, переводчик. Москва: Аграф; 1998. 368 с.
15. Jelinek E. Der Krieg mit anderen Mitteln. *Die schwarze Botin*. 1983;21:149–153.
16. Jelinek E. *Der Tod und das Mädchen. I–V: Prinzessinnendramen*. Berlin: Berliner Taschenbuch Verlag; 2004. Der Tod und das Mädchen V (Die Wand); S. 101–143.

References

1. Brüns E. *Aussenstehend, ungelenkt, kopfüber weiblich: psychosexuelle Autorpositionen bei Marlen Haushofer, Marieluise Fleisser und Ingeborg Bachmann*. Stuttgart: J. B. Metzler; 1998. 334 S.
2. Morrien R. *Weibliches Textbegehren bei Ingeborg Bachmann, Marlen Haushofer und Unica Zürn*. Würzburg: Königshausen und Neumann; 1996. 242 S.
3. Dusař I. Marlen Haushofer versus Ingeborg Bachmann. Fragen der Kanonisierung in der Literaturkritik «Eine geheime Schrift aus diesem Splitterwerk enträtseln...». Im: Bosse A, Ruthner C, Herausgeber. *Marlen Haushofers Werk im Kontext*. Tübingen: Francke; 2000. S. 231–256.
4. Pommé M. *Ingeborg Bachmann – Elfriede Jelinek: intertextuelle Schreibstrategien in Malina, Das Buch Franz, Die Klavierspielerin und Die Wand*. St. Ingbert: Röhrig Universitätsverlag; 2009. 467 S.
5. Schmid-Bortenschlager S. *Österreichische Schriftstellerinnen 1800–2000*. Darmstadt: WBG Academic; 2009. 240 S.
6. Günter C. *Schreiben Frauen anders? Untersuchungen zu Ingeborg Bachmann und Barbara Frischmut*. Stuttgart: Akademischer Verlag Hans-Dieter Heinz; 1983. 426 S.
7. Strigl D. Die Wand: nichts dahinter – oder doch? Zu Elfriede Jelineks kritischer Lektüre von Marlen Haushofers Roman in Tod und das Mädchen V. Im: Eder T, Vogel J, Herausgeber. *Lob der Oberfläche: zum Werk von Elfriede Jelinek*. München: Wilhelm Fink Verlag; 2010. S. 87–102. DOI: 10.30965/9783846750049_007.
8. Vorotnikova AE. *Gynocentric novels in Germany and Austria in the 1970s and 1980s* [dissertation]. Voronezh: Voronezh State University; 2008. 443 p. Russian.
9. Gurlo VCh. *Hranatop prozy Ingeborg Bahman* [Chronotope of the prose of Ingeborg Bachman] [dissertation]. Minsk: Belarusian State University; 2003. 117 p. Belarusian.
10. Haushofer M. *Die Wand*. Berlin: List Taschenbuch; 2020. 285 S.
11. Haushofer M. *Stena* [The wall]. Krepak E, translator. Saint Petersburg: Fantakt; 1994. 287 p. Russian.
12. Polt-Heinzl E. Marlen Haushofers Die Mansarde als Roman des Wiederaufbaus nach 1945. Im: Arlaud S, Lacheny M, Lajarrige J, Leroy du Cardonnoy É, Herausgeber. *Dekonstruktion der symbolischen Ordnung bei Marlen Haushofer*. Berlin: Frank & Timme; 2019. S. 159–172.
13. Bachmann I. *Malina*. Frankfurt am Main: Schurkamp; 2021. 568 S.
14. Bachmann I. *Malina* [Malina]. Shlapoberskaya SE, translator. Moscow: Agraf; 1998. 368 p. Russian.
15. Jelinek E. Der Krieg mit anderen Mitteln. *Die schwarze Botin*. 1983;21:149–153.
16. Jelinek E. *Der Tod und das Mädchen. I–V: Prinzessinnendramen*. Berlin: Berliner Taschenbuch Verlag; 2004. Der Tod und das Mädchen V (Die Wand); S. 101–143.

Статья поступила в редколлегию 01.03.2024.
Received by editorial board 01.03.2024.

УДК 821:004.738.5

СЕТЕВАЯ ЛИТЕРАТУРА И ТРАДИЦИОННАЯ ЛИТЕРАТУРА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

ЦЗЮЙ ХУНЯНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается сетевая литература как особая форма словесности. Определяются ее границы. Устанавливаются отличия сетевой литературы от традиционной. Уточняются особенности сетевой литературы, обусловленные как цифровой формой существования произведений (виртуальность, нелинейность, цикличность, интегративность, мультимедийность), так и способом их создания, распространения и потребления (фрагментарность, высокая доступность, интернациональность, актуальность). Доказывается, что одной из важнейших черт сетевой литературы выступает интерактивность, проявляющаяся в активной коммуникации между авторами и читателями. Подтверждается, что размещение произведений в интернете предоставляет большую свободу творческого самовыражения, чем их публикация в традиционном формате.

Ключевые слова: сетевая литература; интернет-литература; онлайн-литература; киберлитература; традиционная литература; интернет.

СЕТКАВАЯ ЛІТАРАТУРА І ТРАДЫЦЫЙНАЯ ЛІТАРАТУРА: ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ

ЦЗЮЙ ХУНЯНЬ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разглядаецца сеткавая літаратура як асаблівая форма словеснасці. Вызначаюцца яе межы. Устаўляюцца адрозненні сеткавай літаратуры ад традыцыйнай. Удакладняюцца асаблівасці сеткавай літаратуры, абумоўленыя як лічбавай формай існавання твораў (віртуальнасць, нелінейнасць, цыклічнасць, інтэгрэтыўнасць, мультымедыінасць), так і спосабам іх стварэння, распаўсюджвання і ўжывання (фрагментарнасць, высокая даступнасць, інтэрнацыянальнасць, актуальнасць). Даказваецца, што адной з найважнейшых рыс сеткавай літаратуры выступае інтэрактыўнасць, якая праяўляецца ў актыўнай камунікацыі паміж аўтарамі і чытачамі. Пацвярджаецца, што размяшчэнне твораў у інтэрнэце дае большую свабоду творчага самавыяўлення, чым іх публікацыя ў традыцыйным фармаце.

Ключавыя словы: сеткавая літаратура; інтэрнэт-літаратура; анлайн-літаратура; кіберлітаратура; традыцыйная літаратура; інтэрнэт.

Образец цитирования:

Цзюй Хунянь. Сетевая литература и традиционная литература: сравнительный анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2024;2:13–18.
EDN: IPRUGV

For citation:

Tzui Hunyan. Network literature and traditional literature: comparative analysis. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2024;2:13–18. Russian.
EDN: IPRUGV

Автор:

Цзюй Хунянь – аспирантка кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент С. В. Шамякина.

Author:

Tzui Hunyan, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic literary studies, faculty of philology.
xiaojumarina@gmail.com

NETWORK LITERATURE AND TRADITIONAL LITERATURE: COMPARATIVE ANALYSIS

TZUI HUNYAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Network literature is considered as a special form of literature. Its boundaries are determined. The differences between network literature and traditional literature are established. The features of network literature are clarified, determined both by the digital form of existence of works (virtuality, nonlinearity, cyclicity, integrativeness, multimedia), and by the method of their creation, distribution and consumption (fragmentation, high availability, internationality, relevance). It is proved that one of the most important features of network literature is interactivity, manifested in active communication between authors and readers. It is confirmed that posting works on the Internet provides greater freedom of creative expression than publishing them in a traditional format.

Keywords: network literature; Internet literature; online literature; cyberliterature; traditional literature; Internet.

Введение

В условиях современной глобализации и цифровизации особый интерес вызывает сетевая литература (интернет-литература, онлайн-литература), получившая признание во всем мире [1]. Хотя в определениях литературы данного типа существуют некоторые различия, в целом под ней понимается корпус произведений, которые публикуются в интернете, распространяются и потребляются через него [2; 3].

Изучение литературы, функционирующей в электронном формате, началось еще на заре интернета. У. Павличка [4], А. Моррис [5] и другие исследователи обратили внимание на активность читателей сетевой литературы, перформативный характер художественных текстов. Оуян Юцюань рассмотрел общие свойства интернет-литературы в условиях современной культуры¹. Ван Сян проанализировал феномен сетевых романов и особенности их создания [6]. Ван Мин обозначил мультимедийные элементы как важную составляющую произведений онлайн-литературы [7]. В России одним из крупнейших специалистов в данной области является Л. Р. Ким – автор многих статей, затрагивающих различные аспекты истории становления сетевой литературы и ее специфику (см., например, публикацию [8]). Существуют работы, в которых анализируются отличия сетевой литературы от традиционной, в частности статьи К. Н. Урбан и О. В. Токарь [9], З. В. Мирзакаримовой [10].

Несмотря на то что сетевая литература исследуется все больше, новизна подобной формы функционирования произведений и ее активное развитие обуславливают малую степень изученности многих проблемных аспектов. В частности, актуальным остается вопрос о соотношении сетевой литературы и традиционной литературы: одни специалисты считают, что размещенные в интернете художественные тексты не отличаются от традиционных, тогда как другие ученые полагают, что особая форма существования наделяет сетевую литературу специфическими чертами. По замечанию К. С. Лицаревой, эта проблема до сих пор не решена, соответственно, она требует дальнейших исследований [11].

Цели настоящей работы – обобщение и углубление данных о характеристиках сетевой литературы в сравнении с традиционной. Объектом исследования выступает интернет-литература как особая форма словесности, предметом – ее своеобразие.

Результаты и их обсуждение

Определение границ сетевой литературы – сложный вопрос, который включает в себя множество аспектов (технологии, формы, темы, жанры, методы коммуникации и др.). Для его решения некоторые специалисты предлагают рассматривать интернет-литературу в контексте теории искусства и теории текста [12]. Исследования онлайн-литературы в русле теории искусства подчеркивают ее черты как формы художественного самовыражения (инновационность, жанровое разнообразие, интерактивность и т. д.) [13, с. 43]. С этой точки зрения границы сетевой литературы обусловлены тем, является ли произведение художественным, и тем, оказали ли цифровые медиа существенное влияние на используемые в нем приемы. В свою очередь, при анализе интернет-литературы в рамках теории текста фокус смещается на текстовые атрибуты произведений: содержание, структуру, стиль и др. С этой позиции границы онлайн-литературы определяются характером отношений между различными текстами, а также тем, удовлетворяет ли произведение основным художественным критериям, таким как эстетичность,

¹Оуян Юцюань. Общее введение в сетевую литературу : учебник. Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2008. 264 с. (на кит.).

сюжетность и языковое выражение. На наш взгляд, сетевую литературу можно изучать и в контексте теории текста, и в контексте теории искусства, так как подобные произведения имеют текстовую форму и представляют собой образцы нового искусства, использующего возможности цифровых технологий.

На данный момент граница между сетевой литературой и традиционной литературой характеризуется как не очень четкая. Существуют различные формы их влияния друг на друга. Кроме того, границы онлайн-литературы меняются с течением времени по мере развития технологий. Например, взаимодействие со средами виртуальной реальности расширяет возможности сетевой литературы и углубляет ее специфику. Следует отметить, что с течением времени граница между сетевой литературой и традиционной литературой стирается [4]. Перекрестное взаимодействие между ними усиливается, но каждый тип литературы имеет ценность и вносит вклад в развитие литературного творчества.

Большинство исследователей разделяют произведения классической и современной литературы, перенесенные в электронный формат посредством оцифровки, и произведения, функционирующие только в интернете, считая собственно сетевой литературой только вторые². На эту тему размышляет также А. С. Рослый: «С одной стороны, практически весь корпус художественных текстов, созданных как до появления сети Интернет, так и после, сегодня имеет свое “представительство” в электронном виде. <...> Можно ли это назвать “сетевой литературой”, ведь, по сути, читателя не ждет ничего нового, кроме формы носителя? Нет. Как известно, художественное произведение – это в первую очередь диалог авторского и читательского сознаний, а не его материальное воплощение, которое может существовать и на бумаге, и на дисплее».

С другой же стороны, читатель “сетевой литературы” имеет дело с совокупностью художественных текстов, которые не только не представлены в “традиционном варианте”, но даже не могут быть адекватно прочитаны вне дисплея, вне электронной среды, поскольку создавались с учетом новых, дарованных сетью Интернет изобразительно-выразительных возможностей. Именно такая литература является собственно “сетевой” и заслуживает звания уникального социокультурного явления» [14, с. 150].

Ученые отмечают ряд отличий сетевой литературы от традиционной, которые обусловлены воздействием на нее цифровых медиа и современных технологий. Так, например, произведения интернет-литературы существуют в электронном, виртуальном формате, что облегчает копирование, распространение и архивирование художественных текстов, повышает удобство доступа к ним. Традиционная литература представлена произведениями в материальном, бумажном формате. Чжао Синь отмечает, что традиционная литература существует на физических носителях, таких как бумажные книги, журналы и газеты, в то время как сетевая литература – на цифровых носителях, т. е. компьютерах, мобильных телефонах и других устройствах [12].

С развитием интернета возможности распространения сетевой литературы увеличились, она преодолела пространственные и временные ограничения. Иными словами, цифровые ресурсы позволяют создавать, публиковать и потреблять художественные тексты в режиме реального времени без привязки к конкретному месту. По этой причине онлайн-литература отличается высокой актуальностью, интернациональностью и широтой охвата аудитории. Ее доступность способствует международному признанию произведений и культурному взаимодействию между авторами и читателями из разных стран. Как отмечает Л. Р. Ким, интернет «...подарил людям возможность мгновенного обмена информацией вне зависимости от географической и... социальной удаленности. Сетевые авторы называли это “смертью расстояния”» [8, с. 234].

Исследователи разграничивают произведения, созданные в интернете и опубликованные в традиционном, т. е. линейном, формате, и произведения, электронный формат размещения которых является единственно возможным или преимущественным³. Одним из первых на необходимость подобной дифференциации художественных текстов обратил внимание Э. Дж. Орсет, давший определение понятию «кибертекст» [15]. Киберлитература, или кибература, – «вид виртуального творчества, в котором основную смысловую нагрузку получает не содержание произведения, а его... визуальная оболочка» [16, с. 13], причем ключевую роль играет мультимедийность – «возможность непосредственно авторского визуально-графического решения, оформления создаваемых... феноменов» [17, с. 196]. Такие произведения основываются «на интеграции литературы, визуального искусства, музыки в интерактивной, мультимедийной среде» [18]. Интернет-страницы, на которых они публикуются, часто содержат иллюстрации, видео- и аудиофайлы и другие материалы. Произведения традиционной литературы обычно лишены таких технических возможностей, они не отличаются интегративностью.

²Гаджиев А. А. Русская сетевая литература: контекст, история, типология, поэтика : учеб. пособие. Саратов : Вуз. образование, 2019. 87 с.

³Grigar D. Electronic literature: where is it? // Electronic book review : site. URL: <https://electronicbookreview.com/essay/electronic-literature-where-is-it/> (date of access: 05.01.2024).

При переносе на бумажные носители тексты киберлитературы теряют ценность и привлекательность для читателей [19, с. 208] из-за невозможности полностью передать замысел автора, необходимости чрезмерного искажения произведения, разрушения его связующих элементов. По замечанию Т. В. Шомина, киберлитература, представляя собой материал, в основе которого лежат гипертекстовые переходы с многоуровневыми вложениями, образующими несколько вариантов изначального целого, выступает проектом литературы будущего, пронизанной сетевыми технологиями и графическими инновациями [16, с. 13].

В отличие от произведений традиционной литературы произведениям киберлитературы свойственна нелинейность, вызванная особенностями интернет-пространства: такие художественные тексты размещаются на нескольких страницах, связанных гиперссылками. Система гиперссылок, в свою очередь, позволяет читателям легко (часто легче, чем в случае с циклами произведений в традиционной литературе) ориентироваться в структуре художественных текстов, обуславливая их цикличность. В этом отношении Е. В. Пономарёва отмечает, что в рамках онлайн-литературы «...можно говорить о мощной тенденции циклизации... При этом сама циклизация имеет разновекторный характер и содержит несколько смыслов. Творчество понимается как процесс, имеющий циклические характеристики; из отдельных произведений складываются рубрики-циклы, которые, в свою очередь, формируют более масштабные циклические единства – книги; книги могут пониматься как циклически продолжающие друг друга феномены» [17, с. 198–199]. Специфика подобных художественных текстов состоит в том, что они воспринимаются как неделимый мегатекст.

Произведения традиционной литературы обычно публикуются в полном объеме после завершения работы над ними, в то время как произведения сетевой литературы часто выпускаются постепенно, по мере написания глав. Такой фрагментарный формат создания и распространения художественных текстов называется сериализацией, он может относиться к публикации не только одного произведения, но и нескольких взаимосвязанных произведений одного или даже нескольких авторов.

Интерес представляет и специфическая форма взаимоотношений между автором и его аудиторией. Так, при рассмотрении онлайн-литературы в аспекте теории коммуникации оказывается, что «...акцент перемещается с результата на процесс взаимодействия... При этом значима не только форма репрезентации содержания, но и сама коммуникация» [18]. Из-за интерактивности сетевой литературы читатели могут влиять на творческий процесс посредством лайков, репостов, комментариев, отзывов, рецензий, вопросов и других способов выражения мнения. На основе их пожеланий авторы корректируют первоначальный замысел, пишут бонусные главы и т. д. Таким образом, работа над произведением и коммуникация писателя с читателями происходят в режиме реального времени, что усиливает чувство сопричастности и обогащает социальный опыт аудитории.

Обсуждение различных вопросов в интернет-сообществах, возникающих вокруг тех или иных художественных текстов, также является специфической формой коммуникации в рамках сетевой литературы. По мнению Э. В. Гмызиной, «...интернет позволяет немедленно включить опубликованный текст в процесс коммуникации по поводу литературы. Нередко опубликованное произведение становится лишь поводом для общения, которое приобретает самостоятельный характер. В таких случаях продуктом сетевой литературы является не единичный прозаический или поэтический текст одного из десятков тысяч авторов, а потенциально бесконечная цепочка реплик, порожденная этим текстом, сформировавшаяся вокруг этого текста коммуникативная среда» [18]. Вокруг произведений традиционной литературы также формируются сообщества, однако общение поклонников художественных текстов между собой и их взаимодействие с авторами носят более ограниченный характер.

Перед публикацией произведения традиционной литературы должны пройти редакторскую и издательскую проверку. Данное обстоятельство с давних времен отсеивало значительную часть произведений от печати. Единственной альтернативой для распространения бумажной литературы, по сути, выступает самостоятельное изготовление автором определенного количества копий произведения с последующей их раздачей друзьям и знакомым. Однако к сетераторам предъявляются меньшие требования с точки зрения уровня их таланта и профессионализма. Оуян Юцюань подчеркивает, что «большую часть истории литература была скорее элитарным искусством, доступным (как в плане написания, так и в плане прочтения) ограниченному количеству людей, интернет впервые в истории стал площадкой, на которой результаты своих творческих экспериментов может разместить любой желающий» (перевод наш. – Ц. Х.) [20, с. 34]. В связи с этим на заре интернета некоторые исследователи даже рассматривали сетевую литературу как специфическую форму самиздата (один из первых русскоязычных сайтов со свободной публикацией произведений называется «Самиздат»).

Онлайн-литература отличается гибкостью, охватывает широкий круг тем и описывает разнообразные типы героев. Во многом по этой причине в интернете могут быть размещены произведения, которые не входят в бумажном формате по соображениям морали, цензуры и т. д. С одной стороны, это обстоятельство обуславливает наличие в интернете большого количества произведений низкого качества, провоцирует

активизацию многих противоречивых феноменов, таких как пиратство и неоднозначный контент, вызывает трудности, связанные с защитой авторских прав и др. С другой стороны, интернет позволяет талантливым авторам, которые по различным конъюнктурным соображениям не смогли бы добиться публикации своих произведений в бумажном формате, показать себя миру. Большая открытость и доступность сетевой литературы как для авторов, так и для читателей способствуют плюрализму и демократизации литературного творчества, быстрому продвижению писателей на литературном рынке [21, с. 56]. По мнению О. И. Бычковой, «тот факт, что для публикации и широкого распространения текста не нужны посредничество “печатного станка” и финансы, не только перестраивает экономические отношения, определяющие появление литературного произведения, но и влияет на форму и содержание текстов» [21, с. 56].

Сетевая литература представлена многочисленными жанрами и разновидностями произведений. В дополнение к традиционным жанрам прозы и поэзии в интернете появились новые литературные формы, такие как микрофантастика, игровая литература и интерактивные рассказы, развились традиционные жанры фэнтези, мистики, научной фантастики, детектива, а также исторического, любовного, приключенческого романа и т. д. В китайской сетевой литературе возник особенный поджанр литературы фэнтези – сянься, а в западной онлайн-литературе, в том числе в русскоязычной, утвердился специфический поджанр хоррора и мистики – криппаста. В сетевой литературе, как и в традиционной, в рамках популярных жанров формируются общие темы, например стремление стать небожителем, бессмертным или путешествие во времени.

Заключение

Сетевая литература во многом отличается от традиционной. Ее специфика обусловлена как цифровой формой существования произведений (виртуальность, нелинейность, цикличность, интегративность, мультимедийность), так и способом их создания, распространения и потребления (фрагментарность, высокая доступность, интернациональность, актуальность). Одной из важнейших черт сетевой литературы выступает интерактивность, проявляющаяся в активной коммуникации между авторами и читателями. Размещение литературных произведений в интернете предоставляет большую свободу творческого самовыражения, чем их публикация в традиционном формате. За годы своего существования сетевая литература, как часть литературы в целом и самостоятельное направление искусства в частности, внесла огромный вклад в мировую культуру. Ее развитие тесно связано с непрерывными инновациями.

Библиографические ссылки

1. 蒋平, 王笑梅. 中国当代网络文学研究综述. 当代作家评论. 2012;4:30–35 = Цзян Пин, Ван Сяомэй. Исследование современной китайской онлайн-литературы. *Обзор современных писателей*. 2012;4:30–35.
2. 张光普. 中国网络文学的形成与发展. 外国文学评论. 2015;1:48–59 = Чжан Гуанпу. Становление и развитие китайской онлайн-литературы. *Обзор зарубежной литературы*. 2015;1:48–59.
3. Hayles NK. *Electronic literature: new horizons for the literary*. Notre Dame: University of Notre Dame Press; 2008. 225 p.
4. Pawlicka U. Towards a history of electronic literature. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2014;16(5):3–9.
5. Morris A, Swiss T, editors. *New media poetics: contexts, technotexts, and theories*. Cambridge: The MIT Press; 2006. 425 p.
6. 王祥. 网络文学创作原理. 北京: 中国人民大学出版社; 2015. 296 页 = Ван Сян. *Принцип создания интернет-литературы*. Пекин: Издательство Китайского народного университета; 2015. 296 с.
7. 王敏. 网络文学中的多媒体元素及其表现形式. 大众传媒. 2017;5:77–78 = Ван Мин. Мультимедийные элементы и их выражение в онлайн-литературе. *Журнал средств массовой информации*. 2017;5:77–78.
8. Ким ЛР. Изучение русской сетевой литературы фольклористическими методами: к постановке проблемы. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018;2–2:232–236. EDN: YODNVU.
9. Урбан КН, Токарь ОВ. Особенности сетевой литературы, отличия и сходства с традиционной литературой. *Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии*. 2019;2:95–100. EDN: YZMGGQ.
10. Мирзакаримова ЗВ. «Традиционная» и «сетевая» литература в информационном пространстве. *Интернет-пространство как вызов научному сообществу XXI века*. 2021;1:32–36.
11. Лицарева КС. Типологические черты сетературы. Проблема автора и читателя. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2012;2:125–127. EDN: PGRYAH.
12. 赵辛. 网络文学的定义、属性与评判标. 学习与实践. 2011;5:72–73 = Чжао Синь. Определение, атрибуты и критерии оценки онлайн-литературы. *Журнал обучения и практики*. 2011;5:72–73.
13. 范周. 网络文学批评. 北京: 知识产权出版社; 2019. 196 页 = Фань Чжоу. *Критика сетевой литературы*. Пекин: Интеллектуальная собственность; 2019. 196 с.
14. Рослый АС. «Сетевая литература» как феномен актуальной словесности. *Научная мысль Кавказа*. 2014;1:149–153. EDN: SIUMKV.
15. Aarseth EJ. *Cybertext: perspectives on ergodic literature*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press; 1997. 216 p.
16. Шомин ТВ. Категории, связанные с литературой, размещенной в сети Internet. *Вестник Ульяновского государственного технического университета*. 2012;2:12–14. EDN: QIOXSP.
17. Пономарёва ЕВ. «Оппозиция» или «позиция»: сетевая литература в современном литературном пространстве. *Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков. Направления и течения*. 2012;1:193–207. EDN: PHNVXP.

18. Гмызина ЭВ. Литературный интернет как среда взаимодействия автора и читателя. *Научное обозрение* [Интернет]. 2018 [протитировано 5 января 2024 г.];1. Доступно по: <https://srjournal.ru/wp-content/uploads/2018/01/ID83.pdf>.
19. Проект ЮЛ. Сетевая литература. *Universum. Вестник Герценовского университета*. 2012;2:208–209. EDN: QIRJZT.
20. 欧阳友权, 編輯. 中国网络文学二十年: 1998–2018. 北京: 江苏凤凰文艺出版社; 2019. 424 頁 = Оуян Юцюань, редактор. *Двадцать лет китайской интернет-литературы: 1998–2018*. Пекин: Издательство литературы и искусства Цзянсу Феникс; 2019. 424 с.
21. Бычкова ОИ. Сетевая литература: вопросы формы и стиля. *Наследие веков*. 2015;2:55–59. EDN: VPJHYD.

References

1. Jiang Ping, Wang Xiaomei. [A review of research on contemporary Chinese online literature]. *Contemporary Writers Review*. 2012;4:30–35. Chinese.
2. Zhang Guangpu. [The formation and development of Chinese online literature]. *Foreign Literature Review*. 2015;1:48–59. Chinese.
3. Hayles NK. *Electronic literature: new horizons for the literary*. Notre Dame: University of Notre Dame Press; 2008. 225 p.
4. Pawlicka U. Towards a history of electronic literature. *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 2014;16(5):3–9.
5. Morris A, Swiss T, editors. *New media poetics: contexts, technotexts, and theories*. Cambridge: The MIT Press; 2006. 425 p.
6. Wang Xiang. *Wangluo wenxue chuangzuo yuanli* [Principles of Internet literature creation]. Beijing: China Renmin University Press; 2015. 296 p. Chinese.
7. Wang Min. [Multimedia elements and expression forms in online literature]. *Dazhong chuanmei qikan*. 2017;5:77–78. Chinese.
8. Kim LR. Studying Russian network literature by folkloristic methods: problem formulation. *Philology. Theory & Practice*. 2018;2–2:232–236. Russian. EDN: YODNVU.
9. Urban KN, Tokar OV. Features of online literature, differences and similarities with traditional literature. *Proceedings of BSTU. Issue 4, Print and Media Technologies*. 2019;2:95–100. Russian. EDN: YZMGGQ.
10. Mirzakarimova ZV. «Traditional» and «network» literature in the information space. *Internet-prostranstvo kak vyzov nauchnomu soobshchestvu XXI veka*. 2021;1:32–36. Russian.
11. Litsareva KS. Typological features of web literature: the problem of the author and the reader. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2012;2:125–127. Russian. EDN: PGRYAH.
12. Zhao Xin. [The definition, attributes and evaluation criteria of online literature]. *Xuexi yu shijian qikan*. 2011;5:72–73. Chinese.
13. Fan Zhou. *Wangluo wenxue pipin* [Network literature criticism]. Beijing: Intellectual Property Press; 2019. 196 p. Chinese.
14. Roslyy AS. Network literature as a phenomenon of relevant literature. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2014;1:149–153. Russian. EDN: SIUMKV.
15. Aarseth EJ. *Cybertext: perspectives on ergodic literature*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press; 1997. 216 p.
16. Shomin TV. Categories connected with literature posted on the Internet. *Bulletin of Ulyanovsk State Technical University*. 2012; 2:12–14. Russian. EDN: QIOXSP.
17. Ponomareva EV. [«Opposition» or «position»: network literature in the modern literary space]. *Ural Philological Herald. Series: Russian Literature of the XX–XXI Centuries. Directions and Trends*. 2012;1:193–207. Russian. EDN: PHNVXP.
18. Gmyzina EV. Online literary as a medium of interaction between author and reader. *Nauchnoe obozrenie* [Internet]. 2018 [cited 2024 January 5];1. Available from: <https://srjournal.ru/wp-content/uploads/2018/01/ID83.pdf>. Russian.
19. Proekt YL. [Network literature]. *Universum. Bulletin of Herzen University*. 2012;2:208–209. Russian. EDN: QIRJZT.
20. Ouyang Youquan, editor. *Zhongguo wangluo wenxue ershi nian: 1998–2018* [Twenty years of Chinese Internet literature]. Beijing: Jiangsu Phoenix Literature and Art Publishing House; 2019. 424 p. Chinese.
21. Bychkova OI. Network literature: issues of form and style. *Nasledie vekov*. 2015;2:55–59. Russian. EDN: VPJHYD.

Статья поступила в редколлегию 09.04.2024.
Received by editorial board 09.04.2024.

УДК 821.133.1

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУБИЗМ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ XX–XXI вв.

Н. С. ИВАНОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Уточняется представление о литературном кубизме как об авангардистском течении, оформившемся во французской поэзии и распространившемся в литературах разных стран. Выделяются характерные для него эстетические и поэтические принципы, подтверждающие интермедийные связи литературы и живописи того времени. Особое внимание уделяется творческому взаимовлиянию поэтов и художников эпохи авангарда. Раскрывается интерпретация литературного кубизма в современной научной парадигме, а также осмысливается рецепция данного понятия в литературоведческих школах разных стран, что позволяет обосновать его использование в рамках изучения творческого наследия французских поэтов-авангардистов (Г. Аполлинера, Б. Сандрара, П. Реверди и др.). Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в целостном рассмотрении понятия «литературный кубизм», называющего важное явление в мировом искусстве первой половины XX в.

Ключевые слова: авангард; интермедийность; кубистическая поэзия; литературный кубизм; симультанность; современное литературоведение.

ЛІТАРАТУРНЫ КУБІЗМ У НАВУКОВЫМ ДЫСКУРСЕ XX–XXI стст.

Н. С. ИВАНОВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Удакладняецца ўяўленне аб літаратурным кубізме як аб авангардысцкай плыні, якая аформілася ў французскай паэзіі і распаўсюдзілася ў літаратурах розных краін. Вылучаюцца характэрныя для яго эстэтычныя і паэтычныя прынцыпы, якія пацвярджаюць інтэрмедыйныя сувязі літаратуры і жывапісу таго часу. Адмысловая ўвага надаецца творчаму ўзаемаўплыву паэтаў і мастакоў эпохі авангарда. Раскрываецца інтэрпрэтацыя літаратурнага кубізму ў сучаснай навуковай парадыгме, а таксама асэнсоўваецца рэцэпцыя дадзенага паняцця ў літаратуразнаўчых школах розных краін, што дазваляе абгрунтаваць яго выкарыстанне ў рамках вывучэння творчай спадчыны французскіх паэтаў-авангардыстаў (Г. Аполінер, Б. Сандра, П. Рэвердзі і інш.). Тэарэтычная і практычная значнасць даследавання заключаецца ў цэласным разглядзе паняцця «літаратурны кубізм», якое называе важную з'яву ў сусветным мастацтве першай паловы XX ст.

Ключавыя словы: авангард; інтэрмедыйнасць; кубістычная паэзія; літаратурны кубізм; сімультаннасць; сучаснае літаратуразнаўства.

Образец цитирования:

Иванова НС. Литературный кубизм в научном дискурсе XX–XXI вв. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2024;2:19–27.
EDN: KSIPLJ

For citation:

Ivanova NS. Literary cubism in the scientific discourse of the 20th–21st centuries. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2024;2:19–27. Russian.
EDN: KSIPLJ

Автор:

Наталья Сергеевна Иванова – аспирантка кафедры зарубежной литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Е. А. Борисеева.

Author:

Natallia S. Ivanova, postgraduate student at the department of foreign literature, faculty of philology.
natalie_ivanova33@mail.ru
<http://orcid.org/0009-0007-4996-3894>

LITERARY CUBISM IN THE SCIENTIFIC DISCOURSE OF THE 20th – 21st CENTURIES

N. S. IVANOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article clarifies the concept of literary cubism as an avant-garde movement that took shape in French poetry and spread in the literature of different countries. The aesthetic and poetic principles characteristic of cubism are highlighted, confirming the intermedial connections between literature and painting of that time. Particular attention is paid to the creative mutual influence of poets and artists of the avant-garde era. The interpretation of literary cubism in the modern scientific paradigm is revealed, as well as the reception of this concept in literary schools of different countries, which allows us to justify its use in the framework of the study of the creative heritage of French avant-garde poets (G. Apollinaire, B. Cendrars, P. Reverdy, etc.). Theoretical and practical significance of the study lies in a holistic consideration of the concept of literary cubism, which denotes an important phenomenon in world art of the first half of the 20th century.

Keywords: avant-garde; intermediality; cubist poetry; literary cubism; simultaneity; modern literary criticism.

Введение

Поэзия французского авангарда, которая развивалась в 1900–1915 гг. (т. е. до формирования дадаизма, сюрреализма и т. д.), обычно не соотносится в научном дискурсе с определенным течением. В этот период живопись, занимая ведущее положение в иерархии западноевропейского искусства, характеризуется становлением и функционированием примитивизма, фовизма, вортицизма, кубизма и др. В англо-американской литературе начало XX в. связано с имажизмом, в немецкой – с экспрессионизмом, в русской – с акмеизмом и кубофутуризмом, в итальянской – с футуризмом.

Во Франции параллельно с развитием кубизма в живописи создаются новаторские литературные произведения, в которых на первый план выходят формальный и интермедийный аспекты. К кубистическим произведениям обычно причисляют поэму Г. Аполлинера «Зона» («Zone», 1913) и его сборник «Каллиграммы» («Calligrammes», 1918), поэму Б. Сандрапа «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» («La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France», 1913) и его сборник «Девятнадцать эластических стихотворений» («Dix-neuf poèmes élastiques», 1919), лирические сборники П. Реверди «Овальная люкарна» («La lucarne ovale», 1916) и «Кровельные плитки» («Les ardoises du toit», 1918) и др.

Проблема существования и интерпретации понятия «литературный кубизм» до сих пор остается нерешенной в научном дискурсе, вызывая дискуссии среди ученых и критиков. Актуальность темы исследования определяется интересом современного литературоведения к изучению французской поэзии авангарда, анализу особенностей реализации форм интермедийности в литературе, в частности к рассмотрению поэтики кубизма. Введение понятий «литературный кубизм» и «поэзия кубизма», закрепленных исторически во множестве критических и научных работ, в современное русско- и белорусскоязычное литературоведение обусловлено необходимостью конкретизации начального периода авангардистской литературы, что, в свою очередь, позволит уточнить факторы влияния французской поэзии начала XX в. на мировую литературу и проследить логику смены художественных систем и тенденций.

Цель настоящей статьи – эстетико-теоретическое обоснование понятия «литературный кубизм». Ее достижение обусловит легитимизацию обозначенного термина в современном литературоведении. Данная цель предполагает решение следующих задач: наблюдение за генезисом понятия «литературный кубизм» в научном дискурсе, выявление особенностей его использования сегодня, обобщение основных подходов к интерпретации литературного кубизма в интеллектуальных исканиях XX–XXI вв.

Теоретические основы исследования

Литературный кубизм в научном дискурсе рассматривается с позиции представлений о нем поэтов, прозаиков и литературоведов эпохи авангарда, в том числе художественного критика Ф. Лефевра, который одним из первых анализирует специфику кубистической поэзии. Кроме того, теоретическую основу статьи составляют работы современных исследователей из разных стран. Понятие «литературный кубизм» апробируется в большинстве случаев именно французскими учеными (К. Дебонном [1], А. С. Кимбалл [2], М. Декоденом [3]) и художественными критиками (Ж. Польти¹, А. Мальро [4],

¹Polti G. Romantisme et symbolisme ou d'un «cubisme» littéraire // Les Horizons. 1912. № 1. P. 21–26.

Н. Франком², П. Фором и Л. Манденом [5]), используется в публикациях зарубежных исследователей французской литературы (М. Гине [6], С. Леви [7], Д. Саранги [8], Д. М. Ж. Гортер [9] и др.). Среди англоязычных специалистов, в работах которых поднимается проблема существования литературного кубизма, можно отметить У. Сайфера [10], Л. К. Бренига [11; 12], Б. Штайнер [13], Д. Штайн [14], Ж. В. Бруган [15], Д. Келли [16], среди чешскоязычных – Ф. Гетца [17], среди немецкоязычных – О. А. Ханзена-Лёве [18], среди русскоязычных – Н. А. Бердяева [19], Н. И. Харджиева [20], Т. В. Балашову [21], Н. Т. Рымаря³, А. В. Расторгуева [22] и др. В статье используются методы историко-культурного, структурно-аналитического и интермедиального анализа.

Результаты и их обсуждение

Понятие «кубизм» зарождается на первых этапах формирования нового течения (около 1908 г.) благодаря художнику-фовисту А. Матиссу и искусствоведа Л. Вокселю как реакция на выставку картин Ж. Брака [23, с. 92]. Однако тогда этот термин приобретает несколько пейоративную оценку из-за заложенного в него сравнения с геометрической фигурой и поверхностного отражения принципов кубизма (художественная теория течения разрабатывается позже в трудах Г. Аполлинера [24–26], А. Сальмона [27], А. Глеза [28] и др.). Выражение «кубистическая литература» появляется в феврале 1912 г. во французской прессе, в частности в сатирическом журнале «Фантасио» («Fantasio») и литературном журнале «Оризон» («Les Horizons»). В первом периодическом издании оно используется в заголовке («Littératures cubistes»), предваряющем небольшое прозаическое произведение поэта-символиста Сен-Поля Ру «Два змея, которые пьют слишком много молока» («Les deux serpents qui burent trop de lait»), а также в предисловии к нему: «В литературе есть свои крайности, свои кубики, часто свои ребусы, и особенно интересно это отметить у некоторых действительно значимых писателей»⁴ (здесь и далее перевод наш. – Н. И.). В том же месяце в журнале «Оризон» публикуется статья литературоведа Ж. Польти, в которой автор кратко обозревает французскую литературу эпохи романтизма и символизма и в нескольких строках рассуждает о возможности существования кубизма в литературе: «Почему нет? В эту эпоху, когда даже явления жизни сводятся к алгебраическим пропорциям, речь идет уже не о реализме и натурализме, а скорее о математизме. О чем-то вроде литературного “кубизма”»⁵. Ж. Польти подчеркивает наукоцентризм, тяготение к пространственному интеллекту и конструктивности форм, а также другие черты современного (авангардистского) искусства в частности и художественного мышления в целом.

Предположение о возможности присутствия кубизма в литературе выдвигается в 1914 г. писателем и художественным критиком Э. Ф. Парментье. В книге, посвященной истории французской литературы рубежа XIX–XX вв., он перечисляет более 30 новых литературных школ. Описывая новаторскую поэтику симультанизма как отдельного течения (на примере творческого метода А.-М. Барзена), автор, как и Ж. Польти, задается вопросом о существовании кубизма в слове, не углубляясь, однако, в дальнейшие размышления: «Не правда ли тогда можно применить кубизм к литературе?» [29, р. 302]. В свою очередь, поэт-авангардист А.-М. Барзен отмечает пластический и полиритмический характер новой поэтической формы [29, р. 302–303], симультанность представления и восприятия художественного текста, что реализуется в творчестве других авангардистов (Г. Аполлинера, Б. Сандра, Р. Делоне, С. Делоне и др.).

Далее в 1917 г. выходит в свет пьеса Г. Аполлинера «Грудь Тиресия» («Les mamelles de Tirésias») – сюрреалистическая (по выражению автора [23, с. 181]) драма, во французской прессе представленная как первая кубистическая пьеса (Ж. де Гурмон в журнале «Меркюр де Франс» («Mercure de France»), П. Судэ в газете «Пари-Миди» («Paris-Midi»), а также как сюрреалистическая, кубистическая и симультанистская драма (В. Баш в газете «Пэи» («Le Pays»))⁶. Через год, уже во время расцвета течения во французской поэзии, Ф. Лефевр посвящает отдельную главу своей книги литературному кубизму, отмечая общность философско-эстетических воззрений современных живописцев и поэтов: «Художники и поэты являются сторонниками идентичной концепции искусства, которая называется кубизмом и вдохновляет одних на картины (это живописный кубизм), а других на стихотворения (это литературный кубизм)» [30, р. 203–204]. Кроме того, понятие используется начинающим тогда писателем А. Мальро в эссе «Истоки кубистической поэзии» (1920) [4], поэтами П. Фором и Л. Манденом в их совместной работе «История французской поэзии с 1850-х гг.» (1926) [5] применительно к творчеству Г. Аполлинера. Поэтам-кубистам посвящена одноименная статья Н. Франка, опубликованная в 1925 г. в итальянском литературном журнале «Баретти»

²Frank N. Poeti cubisti // Il Baretto. 1925. № 6–7. P. 32.

³Рымарь Н. Т. Кубистический принцип и проблема аутентичного мимезиса // Проблема аутентичности художественного высказывания в ситуации кризиса языка в XX в. : учеб. пособие. Самара : Самар. гос. ун-т, 2013. С. 39–51.

⁴Saint-Pol Roux. Littératures cubistes // Fantasio. 1912. № 133. P. 464.

⁵Polti G. Romantisme et symbolisme ou d'un «cubisme» littéraire. P. 26.

⁶Albert-Birot P. Extraits de la presse concernant la représentation des «Mamelles de Tirésias» le 24 juin 1917 // SIC. 1917. № 19–20.

(«Il Baretti»)⁷. В ней автор призывает обстоятельно подходить к включению авангардистских литераторов 1910-х гг. в ряды кубистов, перечисляет имена французских представителей данного течения, выявляет специфику их поэтики, особое внимание уделяя интермедияльным связям.

Понятие «литературный кубизм» фигурирует и в зарубежном литературоведении второй половины XX – начала XXI в., что, в свою очередь, вызвано распространением влияния течения на различные национальные литературы (англо-американскую, чешскую, чилийскую, русскую и др.). Исследователи, которые пишут о литературном кубизме, интерпретируют его шире, не как присущий только изобразительному искусству феномен, что было близко и многим кубистам, определявшим данное течение как некое трансмедияльное явление, признак нового сознания (в терминологии Г. Аполлинера *esprit nouveau* [26]) и закономерную художественную реакцию: «Кубизм, будучи не методом, а эстетикой и даже духовным состоянием, должен непременно соотноситься со всеми проявлениями современной мысли» (Х. Грис) (цит. по [31, р. 382]); «Кубизм не есть, как принято думать в обществе, искусство изображать все в виде кубов... Кубизм – необходимая реакция» (Г. Аполлинер) [24, р. 198–199]. К французским поэтам-кубистам обычно относят Г. Аполлинера, Б. Сандрара, М. Жакоба, П. Реверди, П. Альбер-Биро, Л.-П. Фарга, А. Сальмона, находящихся с художниками в постоянном взаимодействии, что подтверждает взаимовлияние пластического (живописи) и временного (литературы) видов искусства.

По мнению Ж. В. Броган, поэзия кубизма развивается «в ответ на выставки и репродукции различных кубистических картин и рисунков, а также в результате постоянного сотрудничества с рядом художников-кубистов» [15, р. 9]. Общежития «Корабль-прачечная» («Le bateau-lavoir») на Монмартре и «Улей» («La ruche») недалеко от Монпарнаса, многочисленные кварталы, кафе и кабаре становятся местами встречи парижских деятелей искусства. В эпоху синтеза искусств Г. Аполлинер способствует организации выставок начинающих авангардистов, пишет рецензии и статьи, Б. Сандрар добавляет в поэму «Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» рисунок С. Делоне, посвящает своим друзьям-художникам (Р. де ла Френе, М. Шагалу, Ф. Леже, Р. Делоне) стихотворения, в том числе связанные с их картинами.

Понятие «кубистическая поэзия» включается в художественную парадигму русского модернизма. О литературном кубизме в творчестве Андрея Белого пишет в 1916 г. Н. А. Бердяев, при этом трактуя данный термин в двойственной манере: «Андрей Белый, которого я считаю самым оригинальным, значительным, близким к гениальности явлением русской литературы, может быть назван кубистом в литературе» [19, с. 32]; «Формально его можно сопоставить с Пикассо в живописи. Кубистический метод – метод аналитического, а не синтетического восприятия вещей. <...> Творчество А. Белого и есть кубизм в художественной прозе, по силе равный живописному кубизму Пикассо» [19, с. 41]. Наиболее близкой французской поэзии 1910-х гг. оказывается поэтика русских кубофутуристов (В. В. Хлебникова, Д. Д. Бурлюка, В. В. Каменского, В. В. Маяковского, А. Е. Крученых и др.), разрабатывающих концепцию беспредметного языка. Специфика кубофутуризма раскрыта в различных теоретических работах, докладах, статьях, манифестах представителей литературно-художественного объединения «Гилея» и научного объединения «ОПОЯЗ», достаточно изучена как в русскоязычном, так и зарубежном научном дискурсе. Искусствовед Н. И. Харджиев, друживший со многими русскими футуристами, отмечает освоение французской (впоследствии и русской) литературой живописных техник кубизма: «Кубисты прокламировали право художника и поэта на изобретательство, на построение художественного произведения как замкнутого в себе индивидуального мира. <...> Эти тенденции перешли от живописи и на поэзию французских новаторов – Аполлинера, Жакоба, Сандрара, Сальмона, Реверди, Кокто и др., которых принято называть поэтами-кубистами. Футуризм в русской поэзии также развивался параллельно росту живописного кубизма» [20, с. 111–112]. Известный славист и специалист по интермедияльности О. А. Ханзен-Лёве в 2001 г. публикует книгу [18], значительная часть которой посвящена исследованию кубофутуризма, истории его становления, в частности раскрытию понятий типа «сдвиг», «фактура», «контрастный монтаж», «заумь», что позволяет соотнести достижения западно- и восточноевропейского вариантов авангардизма.

Итак, активное взаимодействие живописцев и поэтов в начале XX в. является первым и общепризнанным показателем, положительно влияющим на легитимизацию понятий «литературный кубизм» и «поэзия кубизма» в научном дискурсе. Из этого положения, в свою очередь, вытекает главный фактор соотношения поэзии и живописи кубизма – формирование единой модернистской эстетики и поэтики в западноевропейском искусстве (как в живописи, так и в литературе). Художественная парадигма кубизма, имеющая в основе символистский творческий опыт, философию интуитивизма А. Бергсона, феноменологические идеи Э. Гуссерля, математические концепции многомерного пространства и времени, эстетику фотографии и кинематографа и другие принципы, характеризуется переосмыслением привычных

⁷Frank N. Poeti cubisti. P. 32.

онтологических ценностей, выстраиванием новых внутренних (поиск идентичности) и внешних (взаимодействие субъекта и объекта, познание действительности) отношений.

Схожесть на идейно-эстетическом уровне в развитии художественных практик Франции 1910-х гг. предполагает, соответственно, что литература и живопись пересекаются и в плане формальных приемов. Поэты экспериментируют с типографическим оформлением, подвергая острашению визуальную рецепцию текстуальных символов, добавляют рисунки, орнаменты, зрительные эффекты и иные графические элементы, расширяя понимание функционального пространства страницы, реализуют образное содержание посредством фрагментации сознания лирического героя и самой реальности, а также с помощью монтажной композиции и коллажной техники.

Важным для кубистической эстетики является прием симультанного, т. е. одновременного, восприятия субъектом-творцом объекта и представления им нескольких его граней, в результате чего пространство и время в произведении становятся открытыми, нелинейными и абстрактными структурами: «...разные сцены могут накладываться друг на друга в одной строке; подобно художникам-кубистам, поэты-модернисты могут представить одно и то же с разных сторон» [32, р. 94–95]. Н. Т. Рымарь выдвигает понятие «кубистический принцип», применяющееся не только для изложения механизма построения живописного образа, но и «для характеристики фундаментальных структур художественного языка XX века в целом и в частности для описания характерных аспектов строения художественного образа в различных жанрах литературного творчества»⁸. В книге М. Гине, посвященной поэзии П. Реверди, внимание уделяется в том числе образной системе поэзии кубизма и ее фасциативному воздействию на реципиента: «Литературный кубизм подчеркивает сближение отдаленных в реальности вещей, которые в образном представлении сливаются в один новый объект» [6, р. 24]. М. Д. Мартел, исследуя типографические и коллажные приемы фрагментации художественной реальности, сравнивает визуальную поэзию и живопись кубизма: «Литературный кубизм, в русле которого написан сборник Г. Аполлинера “Каллиграммы”, разделяет с пластическим кубизмом поиск стратегий симультанного изображения различных точек зрения на реальность в соответствии с идеей, согласно которой такое изображение будет более реальным, более всесторонним, более значащим» [33, р. 77]. Л. К. Брениг вычленяет следующие поэтические приемы поэзии кубизма: создание эффекта многомерности и фрагментацию художественной реальности, нарушение логической и синтаксической связи между строками (что напоминает технику коллажа кубистов), использование настоящего времени (симультанное восприятие происходящего), проявление идентичности героя через несколько личных местоимений и их регулярное чередование (представление субъекта с разных ракурсов), отсутствие пунктуации, а также визуализацию формы текста (например, каллиграммы) [11, р. 34–36]. Так, поэты-кубисты различными языковыми и визуальными приемами воплощают кубистическую концепцию фрагментированной динамичной реальности, в которой личность субъекта растворяется в хаосе бессвязных образов, неопределенных ассоциаций, противоречивых чувств.

В монографии Д. Келли исследуется творчество П. Альбера-Биро – поэта, непосредственно связанного с парижским кубизмом. Автор книги называет его поэзию визуальной или пластической (*visual poetry or «poésie plastique»*) [16, р. 12]). Кроме того, Д. Келли раскрывает специфику типографических приемов П. Реверди, а также допускает использование в научном дискурсе понятия «литературный кубизм»: «“Транспозиция” кубистических техник в поэтическое творчество вполне предсказуемо привела к применению терминов “литературный кубизм” или “кубистическая поэзия” относительно творчества Аполлинера, Реверди, Жакоба и Альбера-Биро» [16, р. 351]. В целом начало XX в. характеризуется доминированием пластических искусств, главенством формальных категорий, которые реализуются параллельно и во французской поэзии (о новых тенденциях пишет П. Реверди в статье «Кубизм, пластическая поэзия» (1919) [34]).

Тем не менее правомерность анализа живописных практик кубизма и поэтических экспериментов как явлений одного порядка ставится некоторыми учеными под сомнение. Так, Б. Штайнер посвящает отдельную главу своей книги [13, р. 131–160] интермедияльным связям в литературном кубизме, настаивая при этом на невозможности сопоставления художественных методов живописи и поэзии авангарда. По мнению С. Леви, антимимесис, симультанная и коллажная техники характерны для современного художественного текста в целом, однако «выражение “кубизм в литературе” было в тот момент (в 1910-х гг. – Н. И.) наиболее подходящим для описания литературной и живописной практик, разделявших общие модернистские идеи»⁹ [7, р. 13–14]. Схожего мнения придерживается и К. Дебон: «...сравнение изобразительных техник с техникой

⁸Рымарь Н. Т. Кубистический принцип и проблема аутентичного мимезиса. С. 40.

⁹А. С. Кимбалл, полемизируя с С. Леви о сопоставлении поэтики кубистической живописи и литературы, акцентирует внимание на том, что речь идет об эстетической общности, устремленности писателей и художников эпохи, а не об использовании одинаковых техник [2, р. 94–95].

письма головоломно и не очень обоснованно» [1, р. 124]. При этом, сопоставляя стихотворение «Окна» («Les fenêtres») из сборника Г. Аполлинера «Каллиграммы» и одноименную серию картин симульаниста Р. Делоне, К. Дебон находит схожесть в рецепции поэтики двух творцов: «...формы и цвета представляют собой не чистые материалы, как в живописи, а смысловые эффекты. <...> Речь идет о создании семантического эффекта, сравнимого с живописным и почти безупречно чувственным эффектом, который производит картина Делоне» [1, р. 124]. Художественный текст в привычном понимании является динамичным во времени и линейным в плане восприятия, тогда как изображение в живописи статично и симультанно. В авангардистской поэзии происходит изменение структурно-формальных приемов, художественный текст приобретает фрагментированную, нелинейную и семантически насыщенную пластическую конфигурацию в пространстве страницы.

Специалист по творчеству Г. Аполлинера М. Декоден в работе, посвященной его сборнику «Алкоголи» («Alcools», 1913), также выступает против употребления выражения «литературный кубизм», называя, однако, привлекательной гипотезой сопоставление фрагментации реальности у поэтов и художников: «Можно ли назвать “Алкоголи” кубистической композицией, как портрет автора Пикассо, иллюстрирующий оригинальное издание?» [3, р. 39]; «...кубистическая геометрия представляет лишь смутные аналогии со структурой “Алкоголей”» [3, р. 40]. Д. Штайн решает проблему соотношения двух видов искусства с внутренней (структурно-содержательной) стороны произведения: «Сходство между живописью и поэзией основано не на технике, поскольку визуальное изображение редко напрямую адаптируется к написанному слову. Общим для них является отношение к структуре и содержанию» [14, р. 57], что возвращает к вопросу об общем художественном языке в искусстве авангарда.

В русском литературоведении термины «литературный кубизм» и «поэзия кубизма» встречаются редко. Отдельные статьи посвящены реализации принципов кубизма в литературе. Д. Р. Насырова исследует в данном контексте творчество американского поэта и художника Э. Э. Каммингса, которое охватывает 1920–50-е гг. [35] (в англоязычном литературоведении имя творца также неразрывно связано с кубизмом [36]). К. А. Дементьев раскрывает специфику коллажной композиции романа американского писателя Дж. Дос Пассоса «42-я параллель», анализирует кубистические приемы в его прозе [37]. Н. В. Голубицкая пишет об адаптации художественных приемов кубизма [38]. Влияние кубизма на поэзию, в частности на французскую, учеными не отрицается: Г. Аполлинер представлен как теоретик и апологет данного течения в книге Т. В. Балашовой [21] и диссертации А. В. Расторгуева [22]. Последний вписывает критическое и творческое наследие поэта в контекст художественного течения и, шире, в контекст нового сознания эпохи, в том числе автор рассматривает литературный кубизм как предтечу сюрреализма.

В литературоведении США научный интерес к литературному кубизму выражается в публикации книг, посвященных не только поэзии, но и прозе. В исследовании Ж. В. Бруган история американского кубизма представлена четырьмя этапами: 1) зарождением в 1910-х гг. (под западноевропейским влиянием); 2) эстетической революцией в 1920-х гг.; 3) расцветом в конце 1920-х – начале 1930-х гг.; 4) увяданием в начале 1940-х гг. [15]. Среди представителей течения указываются Г. Стайн, У. Стивенс, Т. С. Элиот, М. Лой, Э. Э. Каммингс, А. Креймборг, Э. Паунд и др. При этом многие англоязычные исследования направлены на изучение творчества французских поэтов-кубистов: М. Жакоба [39], Г. Аполлинера [40], П. Реверди [41; 42] и т. д. В антологии Л. К. Бренига перечислены 15 поэтов-кубистов, среди которых фигурируют французы (кроме уже названных в статье) Ж. Кокто, П. Дриё ля Рошель, Ш. Гардель, М. Лорансен, Э. Оттинген, Р. Радиге, американцы У. К. Уильямс, Г. Стайн и Э. Э. Каммингс [12]. Ученый стремится заполнить лакуны в изучении кубизма, обратившись к французской кубистической поэзии: «Эта практика взаимного обмена лежала в основе кубистического движения, и мы можем оценить ее, только отдав должное поэтам» [12, р. 27]. Он также предлагает переводы произведений на английский язык с небольшим предисловием о творчестве поэтов. У. Сайфер относит кубизм к сфере литературы, переводя композиционные структуры из изобразительного искусства в язык. Автор выделяет такие жанры, как кубистическая драма (пьеса Л. Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора») и кубистический роман (произведение А. Жида «Фальшивомонетчики»). Поэзия Т. С. Элиота и У. Стивенса рассматривается в работе в контексте неопластицизма [10]. Так, кубизм оказывает глубокое влияние на литературный процесс не только стран Европы, но и США, и американская кубистическая литература представляет собой широкий художественный пласт.

Чешский вариант литературного кубизма, как и американский, возникает позже расцвета французского кубизма. В 1922 г. выходит книга известного критика Ф. Гетца «Анархия в молодой чешской поэзии», отдельная глава которой посвящена поэзии кубизма [17, s. 49–87]. К представителям течения автор относит писателей Р. Вайнера (также близкого к экспрессионизму и сюрреализму) и К. Чапека, художника Й. Чапека, жизненные и творческие пути которых были связаны с Парижем и французским авангардом:

«Чешский литературный кубизм... сформировался благодаря общеевропейскому настроению, которое можно назвать абсолютным нигилизмом... Это осознание абсурдности и бессмысленности жизни во вселенной» [17, s. 51–52]. Чешская поэзия кубизма выделяется острой социальной и экзистенциальной проблематикой.

Испаноязычные исследования литературы кубизма обычно связаны с именем чилийского поэта В. Уидобро, пишущего на испанском и французском языках. Он считается основоположником и теоретиком креационизма, характерного для латиноамериканских авторов начала XX в. Однако поэт начинает свой творческий путь в интернациональном кругу парижских авангардистов, испытывая влияние Г. Аполлинера, П. Реверди, П. Дерме и других авторов, о чем упоминает аргентинский поэт Х.-Я. Бахарлия [43]. Э. Караччоло-Трехо изучает поэзию В. Уидобро в контексте различных авангардных течений, в том числе кубизма [44]. Р. де Коста представляет креационизм В. Уидобро как одну из разновидностей литературного кубизма [45, p. 13].

Заключение

Понятие «литературный кубизм» появляется в 1912 г., во время расцвета и философско-теоретического оформления кубизма в живописи. Первоначально оно используется французскими поэтами и критиками как ироническое (Сен-Поль Ру) или вероятностное (Ж. Польти, Э. Ф. Парментье). Далее в дискуссию о поэзии кубизма вступают Г. Аполлинер и П. Реверди, не стремящиеся вписывать свое творчество в рамки конкретной школы, и другие литераторы (Ф. Лефевр, А. Мальро, П. Фор, Л. Манден), которые, напротив, подчеркивают кубистические тенденции в авангардистской версификации.

На протяжении всего XX в. литературный кубизм находится в фокусе исследователей разных стран. Для одних ученых (Б. Штайнер, М. Декодена, С. Леви, Т. В. Балашовой), работы которых созданы на базе интеракций живописной и поэтической практик эпохи авангарда, использование понятия «литературный кубизм» является спорным. Другие специалисты (Н. А. Бердяев, К. Дебон) дают ему противоречивую оценку. Выявление кубистического метода в литературных текстах становится основанием для введения отдельными авторами (А. С. Кимбалл, Ф. Гетцем, Ж. В. Броган, А. В. Расторгуевым, М. Гине, М. Д. Мартел, У. Сайфером, Л. К. Бренигом, Д. Штайн, Н. Франком, Н. Т. Рымарем) в научный дискурс понятия «литературный кубизм». Кроме того, в литературоведении существуют синонимичные и родственные выражения, в частности «кубистическая поэзия» (А. Мальро, Н. Франк, Ж. В. Броган), «стиховой кубизм» (Н. И. Харджиев), «кубизм в слове» (О. А. Ханзен-Лёве), «кубизм в прозе» (Н. А. Бердяев, Ж. В. Броган), «пластическая поэзия» (Д. Келли) и др. Ученые используют различные наименования для характеристики процессов, происходящих между живописью и поэзией того времени, например «транспозиция живописных техник в литературу» (Д. Келли), «перенос конструктивных принципов» (О. А. Ханзен-Лёве), «взаимопроникновение форм двух видов искусства» и «бифуркация художественных стилей» (А. В. Расторгуев) и т. д.

Легитимизации понятия «литературный кубизм» в научном дискурсе способствуют: 1) общая идейная направленность художественных практик в эпоху авангарда, освоивших достижения науки и искусства рубежа XIX–XX вв., в том числе интуитивистское понимание времени, феноменологическое обращение к опыту сознания, отвлеченное погружение символистов в суггестию и мир знаков, открытие многомерного пространства в геометрии; 2) взаимовлияние кубистического визуального языка и авангардистской поэзии, в результате чего текст приобретает новую формальную конфигурацию, схожую в плане поэтики с параллельно развивающимися живописными приемами; 3) распространение кубистических тенденций на англо-американскую (представлена рядом поэтов и прозаиков в исследовании Ж. В. Броган), чешскую (описана в работе Ф. Гетца), чилийскую (креационизм В. Уидобро изучен в трудах Х.-Я. Бахарлия, Э. Караччоло-Трехо, Р. де Коста), русскую (поэтика кубофутуризма) литературу; 4) функциональность понятия «литературный кубизм», так как оно уточняет важный (начальный) период авангарда, позволяя обозначить генезис мировой модернистской литературы. Специфику кубистической поэзии составляет ее неразрывная связь с живописью того времени. Само понятие «литературный кубизм» акцентирует внимание на интермедийальном характере художественного текста, что раздвигает рамки течения, а также делает слово полноправным участником кубистического эксперимента.

Библиографические ссылки

1. Debon C. L'écriture cubiste d'Apollinaire. *Europe*. 1982;638–639:118–127.
2. Kimball AS. Cubisme et poésie. Dans: Centre de Recherches Max Jacob. *Les Cahiers Max Jacob. Actes du colloque international; 27–30 septembre 1983; Saint-Etienne, France. Numéro 7*. Saint-Étienne: Centre de Recherches Max Jacob; 1985. p. 94–107. DOI: 10.3406/maxja.1985.1236.

3. Décaudin M. *Alcools de Guillaume Apollinaire*. Paris: Gallimard; 1993. 220 p.
4. Malraux A. Des origines de la poésie cubiste. Dans: Cazenave M, compilateur. *André Malraux*. Paris: Editions de l'Herne; 1982. p. 89–92.
5. Fort P, Mandin L. *Histoire de la poésie française*. Paris: Flammarion; 1926. 392 p.
6. Guiney M. *La poésie de Pierre Reverdy*. Genève: Librairie de l'université Georg et Cie; 1966. 261 p.
7. Lévy S. *The play of the text: Max Jacob's «Le cornet à dés»*. Madison: University of Wisconsin Press; 1981. 159 p.
8. Sarangi D. Cubisme et littérature: une étude de calligrammes de Guillaume Apollinaire. Dans: Vencatesan V, coordinateur. *Approche polyphonique de la langue et de la culture françaises dans l'inde historique et contemporaine. Numéro 1*. Bombay: Revue du GERFLINT; 2006. p. 101–127.
9. Gorter DMJ. *Reverdy entre poésie et peinture. Cubisme et paragone dans les écrits sur l'art (1912–1926) de Pierre Reverdy* [thèse]. Amsterdam: Vrije Universiteit Amsterdam; 2016. 190 p.
10. Sypher W. *Rococo to cubism in art and literature*. New York: Vintage Books; 1960. 353 p.
11. Breunig LC. *Guillaume Apollinaire*. New York: Columbia University Press; 1969. 48 p.
12. Breunig LC, editor. *The cubist poets in Paris: an anthology*. Lincoln: University of Nebraska Press; 1995. 326 p. (Series «French Modernist Library»).
13. Steiner W. *Exact resemblance to exact resemblance: the literary portraiture of Gertrude Stein*. New Haven: Yale University Press; 1978. 225 p.
14. Stein D. *Cubist prints, cubist books*. New York: Franklin Furnace; 1983. 128 p.
15. Brogan JV. *Part of the climate: American cubist poetry*. Oxford: University of California Press; 1991. 343 p.
16. Kelly D. *Pierre Albert-Birot: a poetics in movement, a poetics of movement*. Cranbury: Associated University Presses; 1997. 440 p.
17. Götz F. *Anarchie v nejmladší české poesii*. Brno: St. Kočí; 1922. 211 s.
18. Ханзен-Лёве ОА. *Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения*. Ромашко СА, переводчик. Москва: Языки русской культуры; 2001. 672 с.
19. Бердяев НА. *Кризис искусства*. Москва: СП Интерпринт; 1990. 48 с.
20. Харджиев НИ. *От Маяковского до Крученых. Избранные работы о русском футуризме*. Кудрявцев С, составитель. Москва: Гилея; 2006. 557 с.
21. Балашова ТВ. *Французская поэзия XX века*. Москва: Наука; 1982. 392 с.
22. Расторгуев АВ. *Эстетика Г. Аполлинера и искусство кубизма* [диссертация]. Москва: Литературный институт имени А. М. Горького; 2003. 159 с.
23. Турчин ВС. *По лабиринтам авангарда*. Москва: Издательство Московского государственного университета; 1993. 248 с.
24. Apollinaire G. *Chroniques d'art (1902–1918)*. Breunig LC, éditeur et compilateur. Paris: Gallimard; 1960. Les cubistes; p. 198–201.
25. Apollinaire G. *Les peintres cubistes. Méditations esthétiques*. Genève: P. Cailler; 1950. 152 p.
26. Apollinaire G. *L'esprit nouveau et les poètes*. Paris: J. Haumont; 1946. 29 p.
27. Salmon A. *L'art vivant*. Paris: Éditions G. Crès et Cie; 1920. Cubisme; p. 109–166.
28. Gleizes A. *Du cubisme et des moyens de le comprendre*. Paris: Éditions La Cible; 1920. 55 p.
29. Parmentier EF. *La littérature et l'époque; histoire de la littérature française ce 1885 à nos jours*. Paris: Eugène Figuière & Cie; 1914. 682 p.
30. Lefèvre F. *La jeune poésie française: hommes et tendances*. Paris: Éditions G. Crès et Cie; 1918. 259 p.
31. Cabanne P. *L'épopée du cubisme*. Paris: La table ronde; 1963. 431 p.
32. Whitworth MH. *Reading modernist poetry*. Chichester: Wiley-Blackwell; 2010. 250 p.
33. Martel MD. *L'œuvre comme interaction: anti-textualisme, actionnalisme et ontologie écologique* [thèse]. Montreal: McGill University; 2004. 413 p.
34. Reverdy P. *Nord-Sud, self-défence et autres écrits sur l'art et la poésie (1917–1926)*. Paris: Flammarion; 1975. Le cubisme, poésie plastique; p. 142–148.
35. Насырова ДР. Принципы кубизма в поэзии Э. Э. Каммингса. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2015;6:191–195. EDN: YIDEYL.
36. Kidder RM. Cummings and cubism: the influence of the visual arts on Cummings' early poetry. *Journal of Modern Literature*. 1979;7(2):255–291.
37. Дементьев КА. Приемы кубизма в композиции романа Дж. Дос Пассоса «42-я параллель». В: Бочкарёва НС, редактор. *Мировая литература в контексте культуры. Материалы Международной научной конференции и Всероссийской студенческой научной конференции; 12–19 апреля 2008 г.; Пермь, Россия*. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет; 2015. с. 127–133.
38. Голубицкая НВ. Визуальная конфигурация стиха как особый тип семиозиса во французской экспериментальной поэзии: от Стефана Малларме к Тристану Тцара. *НЛО*. 2019;2:143–162.
39. Kamber G. *Max Jacob and the poetics of cubism*. Baltimore: The Johns Hopkins Press; 1971. 182 p.
40. Mathews T. *Reading Apollinaire: theories of poetic language*. Manchester: Manchester University Press; 1987. 252 p.
41. Rothwell A. Cubism and the avant-garde prose-poem: figural space in Pierre Reverdy's «Au soleil du plafond». *French Studies*. 1988;42(3):302–319. DOI: 10.1093/fs/XLII.3.302.
42. Howe E. The «cubist» poetry of Pierre Reverdy. *The French Review*. 2014;87(3):145–160. DOI: 10.1353/tfr.2014.0315.
43. Bajarlia JJ. *La polémica Reverdy-Huidobro: origen del ultraísmo*. Buenos Aires: Devenir; 1964. 59 p.
44. Caracciolo-Trejo E. *La poesía de Vicente Huidobro y la vanguardia*. Madrid: Gredos; 1974. 137 p.
45. de Costa R. *Vicente Huidobro y el creacionismo*. Madrid: Taurus; 1975. 389 p.

References

1. Debon C. L'écriture cubiste d'Apollinaire. *Europe*. 1982;638–639:118–127.
2. Kimball AS. Cubisme et poésie. Dans: Centre de Recherches Max Jacob. *Les Cahiers Max Jacob. Actes du colloque international; 27–30 septembre 1983; Saint-Etienne, France. Numéro 7*. Saint-Étienne: Centre de Recherches Max Jacob; 1985. p. 94–107. DOI: 10.3406/maxja.1985.1236.
3. Décaudin M. *Alcools de Guillaume Apollinaire*. Paris: Gallimard; 1993. 220 p.

4. Malraux A. Des origines de la poésie cubiste. Dans: Cazenave M, compilateur. *André Malraux*. Paris: Editions de l'Herne; 1982. p. 89–92.
5. Fort P, Mandin L. *Histoire de la poésie française*. Paris: Flammarion; 1926. 392 p.
6. Guiney M. *La poésie de Pierre Reverdy*. Genève: Librairie de l'université Georg et Cie; 1966. 261 p.
7. Lévy S. *The play of the text: Max Jacob's «Le cornet à dés»*. Madison: University of Wisconsin Press; 1981. 159 p.
8. Sarangi D. Cubisme et littérature: une étude de calligrammes de Guillaume Apollinaire. Dans: Vencatesan V, coordinateur. *Approche polyphonique de la langue et de la culture françaises dans l'inde historique et contemporaine. Numéro 1*. Bombay: Revue du GERFLINT; 2006. p. 101–127.
9. Gorter DMJ. *Reverdy entre poésie et peinture. Cubisme et paragone dans les écrits sur l'art (1912–1926) de Pierre Reverdy* [thèse]. Amsterdam: Vrije Universiteit Amsterdam; 2016. 190 p.
10. Sypher W. *Rococo to cubism in art and literature*. New York: Vintage Books; 1960. 353 p.
11. Breunig LC. *Guillaume Apollinaire*. New York: Columbia University Press; 1969. 48 p.
12. Breunig LC, editor. *The cubist poets in Paris: an anthology*. Lincoln: University of Nebraska Press; 1995. 326 p. (Series «French Modernist Library»).
13. Steiner W. *Exact resemblance to exact resemblance: the literary portraiture of Gertrude Stein*. New Haven: Yale University Press; 1978. 225 p.
14. Stein D. *Cubist prints, cubist books*. New York: Franklin Furnace; 1983. 128 p.
15. Brogan JV. *Part of the climate: American cubist poetry*. Oxford: University of California Press; 1991. 343 p.
16. Kelly D. *Pierre Albert-Birot: a poetics in movement, a poetics of movement*. Cranbury: Associated University Presses; 1997. 440 p.
17. Götz F. *Anarchie v nejmladší české poesii*. Brno: St. Kočí; 1922. 211 s.
18. Hanzhen-Love AA. *Russkii formalizm. Metodologicheskaya rekonstruktsiya razvitiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian formalism. Methodological reconstruction of development based on the principle of defamiliarisation]. Romashko SA, translator. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2001. 672 p. Russian.
19. Berdyaev NA. *Krizis iskusstva* [Art crisis]. Moscow: SP Interprint; 1990. 48 p. Russian.
20. Khardzhiev NI. *Ot Mayakovskogo do Kruchenykh. Izbrannye raboty o russkom futurizme* [From Mayakovsky to Kruchenykh. Selected works on Russian futurism]. Kudryavtsev S, compiler. Moscow: Gileya; 2006. 557 p. Russian.
21. Balashova TV. *Frantsuzskaya poeziya XX veka* [French poetry of the 20th century]. Moscow: Nauka; 1982. 392 p. Russian.
22. Rastorguev AV. *Eстетика G. Apollinera i iskusstvo kubizma* [Aesthetics of G. Apollinaire and the art of cubism] [dissertation]. Moscow: Moscow Literature Institute named after A. M. Gorky; 2003. 159 p. Russian.
23. Turchin VS. *Po labirintam avangarda* [Through the labyrinths of the avant-garde]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta; 1993. 248 p. Russian.
24. Apollinaire G. *Chroniques d'art (1902–1918)*. Breunig LC, éditeur et compilateur. Paris: Gallimard; 1960. Les cubistes; p. 198–201.
25. Apollinaire G. *Les peintres cubistes. Méditations esthétiques*. Genève: P. Cailler; 1950. 152 p.
26. Apollinaire G. *L'esprit nouveau et les poètes*. Paris: J. Haumont; 1946. 29 p.
27. Salmon A. *L'art vivant*. Paris: Éditions G. Crès et Cie; 1920. Cubisme; p. 109–166.
28. Gleizes A. *Du cubisme et des moyens de le comprendre*. Paris: Éditions La Cible; 1920. 55 p.
29. Parmentier EF. *La littérature et l'époque; histoire de la littérature française ce 1885 à nos jours*. Paris: Eugène Figuière & Cie; 1914. 682 p.
30. Lefèvre F. *La jeune poésie française: hommes et tendances*. Paris: Éditions G. Crès et Cie; 1918. 259 p.
31. Cabanne P. *L'épopée du cubisme*. Paris: La table ronde; 1963. 431 p.
32. Whitworth MH. *Reading modernist poetry*. Chichester: Wiley-Blackwell; 2010. 250 p.
33. Martel MD. *L'œuvre comme interaction: anti-textualisme, actionnalisme et ontologie écologique* [thèse]. Montreal: McGill University; 2004. 413 p.
34. Reverdy P. *Nord-Sud, self-défence et autres écrits sur l'art et la poésie (1917–1926)*. Paris: Flammarion; 1975. Le cubisme, poésie plastique; p. 142–148.
35. Nasyrova DR. Cubist principles in E. E. Cummings' poetry. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2015;6:191–195. Russian. EDN: YIDEYL.
36. Kidder RM. Cummings and cubism: the influence of the visual arts on Cummings' early poetry. *Journal of Modern Literature*. 1979;7(2):255–291.
37. Dementyev KA. Cubist techniques in the composition of the novel «The 42nd parallel» by John Dos Passos. In: Bochkareva NS, editor. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii i Vserossiiskoi studencheskoi nauchnoi konferentsii; 12–19 aprelya 2008 g.; Perm', Rossiya* [World literature in the context of culture. Proceedings of the International scientific conference and the All-Russian student scientific conference; 2008 April 12–19; Perm, Russia]. Perm: Perm State National Research University; 2015. p. 127–133. Russian.
38. Golubitskaya NV. [The visual configuration of poetry as a distinct type of semiosis in French experimental literature: from Stéphane Mallarmé to Tristan Tzara]. *NLO*. 2019;2:143–162. Russian.
39. Kamber G. *Max Jacob and the poetics of cubism*. Baltimore: The Johns Hopkins Press; 1971. 182 p.
40. Mathews T. *Reading Apollinaire: theories of poetic language*. Manchester: Manchester University Press; 1987. 252 p.
41. Rothwell A. Cubism and the avant-garde prose-poem: figural space in Pierre Reverdy's «Au soleil du plafond». *French Studies*. 1988;42(3):302–319. DOI: 10.1093/fs/XLII.3.302.
42. Howe E. The «cubist» poetry of Pierre Reverdy. *The French Review*. 2014;87(3):145–160. DOI: 10.1353/tfr.2014.0315.
43. Bajarlia JJ. *La polémica Reverdy-Huidobro: origen del ultraísmo*. Buenos Aires: Devenir; 1964. 59 p.
44. Caracciolo-Trejo E. *La poesia de Vicente Huidobro y la vanguardia*. Madrid: Gredos; 1974. 137 p.
45. de Costa R. *Vicente Huidobro y el creacionismo*. Madrid: Taurus; 1975. 389 p.

УДК 811.112.2'373.46:61

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ С ЗОО- И ФИТОКОМПОНЕНТАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

О. Е. СУПРИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены медицинские термины немецкого языка с зоо- и фитокомпонентами. Очерчены их структурно-семантические и лингвокультурные особенности. Установлены группы зоонимических наименований (позвоночные животные (млекопитающие, птицы, земноводные), беспозвоночные животные (моллюски, черви, насекомые)). Выделены общие (полонейтральные), мифологические и фитонимические наименования. Определено, что значительная часть немецких медицинских терминов (94 %) являются сложными существительными (композидами), при этом 79 % наименований состоят из двух компонентов, 15 % – из трех и четырех компонентов. Зоо- и фитокомпоненты в преобладающем большинстве случаев выступают в качестве первого компонента сложных слов. Медицинские термины служат для обозначения болезней или их симптомов (62 %), органов и частей тела человека, методов диагностики и способов лечения, медицинских инструментов и единиц измерения. Зафиксированы 27 % случаев использования зоо- и фитоименований в прямом значении и 73 % случаев их употребления в переносном значении. Метафора является характерной чертой медицинской терминологии немецкого языка. Основными видами метафорического переноса выступают перенос по форме и цветовая метафора.

Образец цитирования:

Супринович ОЕ. Структурно-семантические и лингвокультурные особенности медицинских терминов с зоо- и фитокомпонентами (на материале немецкого языка). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2024;2:28–40.
EDN: KVSEKA

For citation:

Suprynovich OE. Structural-semantic and linguocultural peculiarities of medical terms with zoo- and phytocomponents (on the material of German language). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2024;2:28–40. Russian.
EDN: KVSEKA

Автор:

Оксана Евгеньевна Супринович – кандидат филологических наук; доцент кафедры немецкого языка факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Oksana E. Suprynovich, PhD (philology); associate professor at the department of the German language, faculty of social and cultural communications.
aksana.suprynovich@gmail.com

Представлены также другие виды метафорического переноса (по ассоциации, функции, действию, тактильным признакам). Подчеркнуто, что несовпадение переносных значений медицинских терминов с зоо- и фитокомпонентами в немецком и русском языках указывает на национальный характер метафоры.

Ключевые слова: медицинская терминология; термин; зоонимы; фитонимы; метафоризация; метафорический перенос; цветовая метафора; композиты.

СТРУКТУРНА-СЕМАНТЫЧНЫЯ І ЛІНГВАКУЛЬТУРНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ МЕДЫЦЫНСКІХ ТЭРМІНАЎ З ЗАА- І ФІТАКАМПАНАНТАМІ (НА МАТЭРЫЯЛЕ НЯМЕЦКАЙ МОВЫ)

А. Я. СУПРЫНОВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разгледжаны медыцынскія тэрміны нямецкай мовы з заа- і фітакампанентамі. Абрысаваны іх структурна-семантычныя і лінгвакультурныя асаблівасці. Устаноўлены групы заанімічных найменняў (пазваночныя жывёлы (млекакормячыя, птушкі, земнаводныя), беспазваночныя жывёлы (малюскі, чарвякі, насякомае)). Вылучаны агульныя (поланейтральныя), міфалагічныя і фітанімічныя найменні. Вызначана, што значная частка нямецкіх медыцынскіх тэрмінаў (94 %) з'яўляюцца складанымі назоўнікамі (кампазітамі), пры гэтым 79 % найменняў складаюцца з двух кампанентаў, 15 % – з трох і чатырох кампанентаў. Заа- і фітакампаненты ў пераважнай большасці выпадкаў выступаюць у якасці першага кампанента складаных слоў. Медыцынскія тэрміны служаць для абазначэння хвароб або іх сімптомаў (62 %), органаў і частак цела чалавека, метадаў дыягностыкі і спосабаў лячэння, медыцынскіх інструментаў і адзінак вымярэння. Зафіксаваны 27 % выпадкаў выкарыстання заа- і фітанайменняў у прамым значэнні і 73 % выпадкаў іх ужывання ў пераносным значэнні. Метафара з'яўляецца характэрнай рысай медыцынскай тэрміналогіі нямецкай мовы. Асноўнымі відамі метафарычнага пераносу выступаюць перанос па форме і каляровая метафара. Прадстаўлены таксама іншыя віды метафарычнага пераносу (па асацыяцыі, функцыі, дзеянню, тактыльных прыкметах). Падкрэслена, што несупадзенне пераносных значэнняў медыцынскіх тэрмінаў з заа- і фітакампанентамі ў нямецкай і рускай мовах паказвае на нацыянальны характар метафары.

Ключавыя словы: медыцынская тэрміналогія; тэрмін; заонімы; фітонімы; метафарызацыя; метафарычны перанос; каляровая метафара; кампазіты.

STRUCTURAL-SEMANTIC AND LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF MEDICAL TERMS WITH ZOO- AND PHYTOCOMPONENTS (ON THE MATERIAL OF GERMAN LANGUAGE)

O. E. SUPRYNOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The medical terms of the German language with zoo- and phytocomponents are considered. Their structural-semantic and linguistic-cultural features are revealed. Groups of zoonymic names (vertebrate animals (mammals, birds, amphibians), invertebrate animals (molluscs, worms, insects)) are established. General (poloneutral), mythological, and phytonymic names have been determined. A significant part of German medical terms (94 %) are complex nouns (compounds) (79 % consist of two components, 15% consist of three and four components) is defined. The zoo- and phytocomponents in the vast majority of cases acts as the first component of compound words. Medical terms are used to designate diseases or its symptoms (62 %), organs and parts of the human body, diagnostic methods and treatment methods, medical instruments and units of measurement. We identified 27 % of cases of using zoo- and phytonymic names in literal and 73 % in figurative meanings. Metaphor is a characteristic feature of the medical terminology of the German language. The main types of metaphorical transfer include transfer by form and colour metaphor. Other types of metaphorical transfer are also presented (by association, function, action, tactile features). The discrepancy between the figurative meanings of medical terms and the zoo- and phytocomponents in the German and Russian languages indicates the national nature of the metaphor is emphasised.

Keywords: medical terminology; term; zoonyms; phytonyms; metaphorisation; metaphorical transfer; colour metaphor; composites.

Введение

Термины, как разряд специальной лексики, сопровождают человека на протяжении всей его сознательной профессиональной жизни. Они выделились из общего словаря в глубокой древности. Известно, что современные научные термины содержат множество латинских и греческих элементов. По причине профессиональной необходимости терминосистема постоянно пополнялась новыми словами, заимствованными из разных частей мира, где развивалась аналогичная научная или трудовая деятельность. В некоторых случаях слова специально конструировались с целью сделать соответствующий подъязык удобнее и точнее [1, с. 241]. Соотношение национального и иноязычного компонентов в специальной лексике различно, что обусловлено особенностями развития научного знания.

В лингвистике традиционно под термином понимают слово или словосочетание специального (научного, технического и др.) языка, создаваемое или заимствуемое для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов¹. В статье А. А. Реформатского «Что такое термин и терминология» имеется следующий комментарий: «...термины связаны понятиями науки, они для каждой науки (в каком-то ее едином направлении) исчислимы и принудительно связаны с понятиями данной науки, так как словесно отражают систему понятий данной науки» [2, с. 49]. В современной трактовке термин определяют как языковой знак, обозначающий специальные смыслы, входящий в состав одного из профессиональных подъязыков национального литературного языка и выполняющий ориентирующую функцию относительно профессиональной картины мира [3, с. 21]. Таким образом, к главным признакам термина относятся: 1) особое назначение (предназначенность для чего-либо); 2) связанность с какой-либо отраслью науки (техники, искусства и т. д.).

Одним из наиболее ранних направлений практической терминологии является медицинская терминология, которая начала формироваться в эпоху Античности. Не случайно около 70 % медицинского терминологического словаря составляют слова с греко-латинскими корнями. В современной медицине насчитываются сотни тысяч терминов, при этом ежегодно происходит пополнение медицинского фонда новыми терминологическими единицами. Среди основных лексико-семантических групп медицинской терминологии выделяют: 1) наименования анатомической и гистологической номенклатуры; 2) номинации функций органов; 3) номинации способов обследования, лечения и оперативных вмешательств; 4) номинации нозологических единиц; 5) онкологические термины [4]. В то же время «...медицина – единственная из важнейших для человека наук, где до сих пор не создан единый научный язык. Даже отдельные ее области порой оперируют противоречивыми и перекрывающимися понятиями»².

В лингвистике медицинская терминология рассматривалась фрагментарно российскими (А. Н. Барановым, А. Н. Ваншенкер, Ю. Н. Карауловым) и зарубежными (М. Джонсоном, Дж. Лакоффом) исследователями политического дискурса в контексте метафорического употребления. Кроме того, имеются работы, в которых анализ медицинской лексики проводился на материале текстов художественной литературы [5], публицистического и разговорного стилей [6]. Данная группа терминов изучается также в рамках сопоставительного языкознания [7; 8].

Как показывает анализ специальной литературы, в медицинской терминологии с древних времен используются образные выражения, метафоры, мифологические и фольклорные имена, обозначающие различные симптомы, заболевания, а также методы их диагностики и лечения. В сравнении со строгими терминами метафорические термины усваиваются лучше и полнее, обеспечивая более быстрое и прочное запоминание³.

Изучению метафоризации медицинской лексики посвящены работы многих российских исследователей. Авторы рассматривают цветовую метафору как одну из наиболее продуктивных моделей ассоциативного переноса [12], особенности функционирования метафорических терминов в медицинских научных текстах [13], роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии⁴. Остановимся подробнее на некоторых исследованиях.

Так, главными источниками метафоризации в анатомической и терапевтической терминологии, согласно точке зрения М. В. Озингина, являются флористические и зооморфные метафоры. Основой переноса в анатомической терминологии служат признаки внешнего вида объекта (форма, размер, положение в пространстве, световая и цветовая характеристика), тактильные признаки, а также функция предмета.

¹Термин // Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. М. : Либроком, 2010. С. 474.

²Введение // Толковый словарь избранных медицинских терминов (эпонимы и образные выражения) / сост.: О. Л. Колобова, А. М. Константинова, В. И. Утехин; ред.: Л. П. Чурилов, А. В. Колобов, Ю. И. Строев. СПб. : Элби-СПб, 2010. С. 9.

³Введение // Метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине : словарь-справочник / сост. А. П. Дьяченко. Минск : Новое знание, 2003. С. 3.

⁴Озингин М. В. Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Саратов, 2010. 22 с.

В свою очередь, при создании терапевтических терминов-метафор модуль сравнения не ограничивается признаками формы, размера и цвета. Наряду с ними используются также консистенция (*восковидная пелена*), текстура, тактильные ощущения (*гусиная кожа*), издаваемый звук (*ритм перепелки, ритм галоп*)⁵.

Как утверждает Е. В. Пикалова, медицинская терминологическая лексика обладает значительным прагматическим потенциалом и достаточно высокой способностью к процессам метафоризации, происходящим по определенным моделям. В частности, автор выделяет восемь тематических групп медицинских метафор: 1) лексемы *боль, болезнь* и наименования болезней; 2) наименования симптомов и конкретных состояний; 3) наименования лекарственных форм и препаратов; 4) наименования отраслей медицинских наук; 5) наименования методов и приемов лечения; 6) наименования больного человека; 7) наименования лиц, обеспечивающих процесс лечения и выздоровления; 8) наименования составляющих организма человека. В результате Е. В. Пикалова формулирует вывод о разнообразии прагматических значений медицинской метафоры – «от выражения негативной/позитивной оценки до предупреждения, оскорбления, предостережения и привлечения внимания»⁶.

По мнению А. Э. Буженинова, терминологическая метафора не только выступает эффективным средством обработки полученных знаний, но и выполняет важную эвристическую функцию. Она облегчает понимание того или иного сложного научного явления, позволяя заменить громоздкую многокомпонентную терминологическую единицу [11, с. 125]. В качестве основных источников метафорической номинации в анатомической терминологии французского языка ученый называет архитектуру, одежду, геометрические фигуры и деревья, делая вывод о продуктивности данных сфер-источников и их принципиальном сходстве с анатомическими объектами [11].

Использование в медицинской терминологии зоо- и фитообразов еще не стало предметом устойчивого научного интереса. Однако лингвистические исследования номинативных единиц с зоо- и фитокомпонентами проводятся как на материале отдельных языков, так и в сопоставительном аспекте [12–15]. В частности, Е. А. Лаптева утверждает, что зоонимы в медицинских терминах не содержат оценки человека как личности. Метафорический перенос характеристик животного на человека отмечается не только в клинической, но и в анатомической терминологии [13, с. 55].

Обратимся к определению данной категории слов в лингвистике. Так, И. В. Холманских понимает под термином «зооним» общее наименование любого животного (млекопитающих, птиц, рыб, земноводных и пресмыкающихся)⁷. Белорусская исследовательница Е. В. Рубанова различает зоонимы (первичные значения зоонаименований) и зооморфизмы (их вторичные значения) [14, с. 5]. Анализируя зоометафоры в сленге английского и русского языков, ученый формулирует ряд важных выводов: 1) не все зоонаименования обладают одинаковым метафорическим потенциалом; 2) метафорический потенциал зоонаименований определяется экстралингвистическими (доступностью для восприятия, типичностью, известностью носителям языка, практической значимостью животного для жизнедеятельности человека) и лингвистическими (частотностью, происхождением, мотивированностью, словообразовательным типом и др.) факторами; 3) метафорическая активность отдельных групп зоонаименований в различных типах сленга не совпадает, что обусловлено номинативными потребностями носителей различных языковых подсистем; 4) зооморфизмам разных типов сленга свойственны как общие, так и специальные регулярные модели метафоризации [14, с. 131–132].

Материалы и методы исследования

Цель статьи – выявление структурно-семантических и лингвокультурных особенностей медицинских терминов немецкого языка, имеющих в своем составе наименования животных, насекомых и растений (зоонимы и фитонимы). Актуальность исследования объясняется тем, что изучение структурно-семантической и прагматической специфики медицинских терминологических единиц в немецком языке поможет глубже осмыслить природу данного типа организации семантической информации, своеобразие которого предопределяется разными факторами (общностью мыслительных процессов, сочетанием универсальных и идиоэтнических элементов в содержании его конститuentов и подобием способов их репрезентации в анализируемом языке). Научная новизна заключается в полном анализе номинаций немецкой медицинской терминологии с зоо- и фитокомпонентами.

Материалом исследования послужили медицинские термины (121 лексема), выделенные методом сплошной выборки из лексикографического издания «Большой немецко-русский и русско-немецкий

⁵Озингин М. В. Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии. С. 12–15.

⁶Пикалова Е. В. Медицинская лексика в метафорическом использовании : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Воронеж, 2015. С. 5

⁷Холманских И. В. Компаративные фразеологические единицы с компонентом-зоонимом (на материале русского и болгарского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Тюмень, 2000. 21 с.

медицинский словарь» под редакцией И. Ю. Марковиной⁸. Такой выбор обусловлен рядом факторов. Во-первых, в словаре содержится свыше 100 тыс. терминов, сочетаний, эквивалентов и значений из таких важнейших областей медицины, как анатомия, генетика, цитология, кардиология, терапия, хирургия, педиатрия, психиатрия, стоматология, акушерство и гинекология и др. Во-вторых, в корпус словаря включены термины, относящиеся к некоторым смежным с медициной наукам (биологии, ботанике, фармакологии, психологии, химии и т. д.). В-третьих, написание немецких терминов соответствует новым правилам немецкой орфографии. Отбор практического материала проводился в направлении от немецкого языка к русскому. Наименования лекарственных растений и препаратов анализу не подвергались. Для толкования медицинских терминов применялись издания «Новая популярная медицинская энциклопедия» под редакцией В. И. Покровского⁹, «Большая медицинская энциклопедия» под редакцией Т. Лосевой¹⁰. Установление источников происхождения немецких терминов осуществлялось с использованием этимологических словарей «Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache»¹¹, «Deutsches Wörterbuch»¹² и электронного словаря «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache»¹³. Методологическую основу исследования составляют описательный и количественный методы, а также метод компонентного анализа.

В табл. 1 содержится перечень медицинских терминов немецкого языка в алфавитном порядке. Даются информация о термине на немецком языке (наименование, род) и его перевод на русский язык.

Таблица 1

Медицинские термины немецкого языка с зоо- и фитокомпонентами

Table 1

Medical terms in German language with zoo- and phytocomponents

Наименование на немецком языке, род	Перевод на русский язык
Affenlücke, die	Диастема
Affenspalte, die	Обезьянья щель (порок развития головного мозга)
Augapfel, der	Глазное яблоко
Augapfelachse, die	Ось глазного яблока
Augapfelbindehaut, die	Конъюнктива
Augapfelhaut, die	Склера
Augapfelhervortreten, das	Лучеглазие, экзофтальм
Augapfelschrumpfung, die	Атрофия глаза
Augapfelvergrößerung, die	Врожденная глаукома
Augapfelzucken, das	Нистагм
Bärenkrankheit, die	Медвежья болезнь
Dorn, de	Шип
Dornfortsatz, der	Остистый отросток
Drachenschuss, der	Прострел, люмбаго
Eichel, die	Головка полового члена
Eichelentzündung, die	Баланит, воспаление кожи головки полового члена
Eichelkranz, der	Венчик головки полового члена
Eichelstein, der	Смегмолит, препуциальный камень
Eicheltripper, der	Гонорейный баланит

⁸Большой немецко-русский и русско-немецкий медицинский словарь = Großes deutsch-russisches und russisch-deutsches Wörterbuch der Medizin / под ред. И. Ю. Марковиной. М. : Живой язык, 2009. 576 с.

⁹Новая популярная медицинская энциклопедия / гл. ред. В. И. Покровский. М. : Энциклопедия, 2004. 768 с.

¹⁰Большая медицинская энциклопедия / под ред. Т. Лосевой. М. : АСТ Астрель, 2011. 734 [2] с.

¹¹Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Band 7. Mannheim, Wien, Zürich : Dudenverlag, 2007. 960 S.

¹²Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. [S. l.] : Mosaik Verlag, 1980. 4358 S.

¹³Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.dwds.de/> (Datum der Bewerbung: 23.12.2023).

Продолжение табл. 1
Continuation of the table 1

Наименование на немецком языке, род	Перевод на русский язык
Einpflanzung, die	Пересадка, имплантация (органа или ткани)
Elefantenaue, das	Гидрофтальмия
Ente, die	Утка (постельный мочеприемник)
Erbsenbein, das	Гороховидная кость
Feigendermatitis, die	Дерматит от инжира
Feigwarze, die	Острая (остроконечная) кондилома
Feigwarzenkrankheit, die	Кондиломатоз
Froschbauch, der	Лягушачий живот, асцит
Froschdosis, die	Лягушачья доза (в фармакологии)
Froschkopf, der	Анэнцефал
Fröschleingeschwulst, die	Подъязычная ретенционная киста, ранула
Froschtest, der	Проба на лягушках (для диагностики беременности)
Frucht, die	Плод
Fruchte, das	Плодное яйцо
Fruchtblase, die	Плодный пузырь
Gänsefuß, der	Гусиная лапка (в области колена: место прикрепления трех мышц – тонкой, портняжной и полусухожильной)
Gänsegurgelarterie, die	Кольцевидное обызвествление стенки артерии, артерия в виде гусиного горла
Gänsehaut, die	Гусиная кожа, фолликулярный гиперкератоз
Gerstenkorn, das	Ячмень (на глазу)
Haferkur, die	Овсяная диета по Нордену
Hahn-Einheit (Hahnenkammeinheit), die	Петушиная единица (мужских половых гормонов)
Hahnentrittgang, der	Петушиная походка
Hasenaue, das	Лагофтальм
Hasenscharte, die	Заячья губа, хейлосхизис
Iris, die	Радужная оболочка глаза, радужка
Irisbicolor, das	Неодинаковая окраска участков радужной оболочки, частичная гетерохромия
Irisbombe, die	Бомбированная радужная оболочка
Irisatrophie, die	Атрофия радужной оболочки
Irisentzündung, die	Воспаление радужной оболочки
Irisfortsatz, der	Отросток радужной оболочки
Irisknötchen, das	Узелок (гранулема) радужной оболочки
Iriskrause, die	Зубчатый валик радужной оболочки
Iriskrypte, die	Крипта (лакуна) радужной оболочки
Irisleprom, das	Лепрома радужной оболочки
Irispigmentblatt, das	Пигментный слой (листок) радужной оболочки
Irisprolaps (Irisvorfall), der	Выпадение радужной оболочки
Irisschnitt, der	Разрез радужной оболочки, иридотомия
Irisschwanken, das	Дрожание радужной оболочки, иридодонез
Irisschwund, der	Атрофия радужной оболочки
Irisstereokamera, die	Камера для стереофотографий радужной оболочки

Продолжение табл. 1
Continuation of the table 1

Наименование на немецком языке, род	Перевод на русский язык
Irisstroma, das	Строма радужной оболочки
Irisforderfläche, die	Передняя поверхность радужной оболочки
Kaninchentieber, das	Кроличья лихорадка, малая чума, туляремия
Katzenegelkrankheit, die	Описторхоз
Katzenpupille, die	Кошачий зрачок
Kiefer, der	Челюсть
Kieferbogen, der	Дуга (тело) нижней челюсти
Kieferdrüse, die	Подчелюстная слюнная железа
Kiefergelenk, das	Височно-нижнечелюстной сустав
Löwengesicht, das	Львиное лицо
Mandel, die	Миндалина
Medinawurm, der	Ришта
Nervenzwurzel, die	Нервный корешок
Ochsenauge, das	Воловий (бычий) глаз, буфтальм
Ochsengalle, die	Бычья желчь
Ochsenherz, das	Бычье сердце, кардиомегалия
Ochsenhunger, der	Волчий голод, булимия, кинорексия
Papageienkrankheit, die	Орнитоз, пситтакоз
Rabenschnabelfortsatz, der	Клювовидный отросток
Rabenschnabelzange, die	Клювовидные щипцы
Rattenbissfieber (Rattenbisskrankheit), die	Болезнь от укуса крыс, содоку
Rattenbissnekrose, die	Некроз тканей в месте укуса крысы
Rattenbiss-Spirille, die	Спирилла содоку
Ratteneinheit, die	Крысиная единица (активности гормонов)
Rattenfleckfieber, das (Rattentyphus, der; Rattenrickettsiose, die)	Крысиный риккетсиоз (сыпной тиф)
Rattentest, der	Опыт (проба) на крысах
Safranleber (Schafranleber), die	Шафранная печень
Schafhaut, die	Амнион
Scharbock, der	Цинга
Schmetterlingsflechte, die	Красная волчанка, эритематоз
Schnecke, die	Улитка (ушного лабиринта)
Spinnenfinger, die	Паучьи пальцы (при синдроме Марфана)
Spinnenfingrigkeit, die	Арахнодактилия
Tabak-Amblyopie, die	Никотиновая амблиопия
Tabakbeutelnaht, die	Кисетный шов
Tabakose (Tabaklunge), die	Табакоз, табачное легкое
Tannenzapfen, der	Шишковидная железа, эпифиз
Tierfavus, der	Фавус (парша) животных
Tierfellnävus, der	Пигментно-волосистой невус
Tierliebe, die	Зоофилия
Tierpassage, die	Пассаж (микроорганизма) через животных

Окончание табл. 1
Ending of the table 1

Наименование на немецком языке, род	Перевод на русский язык
Tierseuche, die	Эпизоотия
Tigerherz, das	Тигровое сердце
Tomatengesicht, das	Красное лунообразное лицо (при болезни Кушинга)
Tomatenurtikaria, die	Крапивница, возникающая при употреблении томатов
Traubenaugen, das	Стафилома роговицы
Traubenblase, die	Деформация мочевого пузыря в виде грозди винограда
Traubenhaut, die	Сосудистая оболочка глаза
Traubenkörner, die	Виноградообразные разрастания зрачковой каймы радужной оболочки
Traubenkur, die	Виноградолечение, амелотерапия
Traubenmole, die	Пузырный занос
Traubenpilzkrankheit, die	Ботриомикоз
Traubensarkom, das	Гроздевидная (ботриоидная) саркома
Vogelaugeneinschluß, der	Внутриклеточное включение в виде птичьего глаза
Vogelgesicht, das	Птичье лицо, микрогения
Vogelhalterlunge, die	Аллергический альвеолит при работе с голубями, попугаями
Vogelkopf, der	Череп ацтека, птичий череп (при синдроме Тричера Коллинза)
Vogelmilbenkrätze, die	Чесотка, вызванная птичьими клещами, гамазидоз
Vogelzüchterkrankheit, die	Попугайная болезнь, орнитоз, пситтакоз
Wolfrachen, der	Волчья пасть, палатосхизис
Zeckenfieber, das	Клещевая лихорадка
Zeckenfleckenfieber, das	Клещевой сыпной тиф

Результаты и их обсуждение

В табл. 2 представлены зоо- и фитокомпоненты в системе наименований медицинской терминологии немецкого языка. В основе классификации зоонимических наименований лежат два принципа: 1) биологический (по наличию или отсутствию внутреннего скелета); 2) иерархический (от высших форм к низшим).

Таблица 2

Зоо- и фитокомпоненты в системе наименований
медицинской терминологии немецкого языка

Table 2

Zoo- and phytocomponents in naming system
of medical terminology of the German language

Терминологические наименования	Группа животных или растений	Количество наименований	Зоо- или фитокомпонент
Зоонимические	Позвоночные		
	Млекопитающие	13	<i>Affe</i> 'обезьяна', <i>Bär</i> 'медведь', <i>Bock</i> 'козел', <i>Elefant</i> 'слон', <i>Hase</i> 'заяц', <i>Kaninchen</i> 'кролик', <i>Katze</i> 'кошка', <i>Löwe</i> 'лев', <i>Ochs</i> 'вол, бык', <i>Ratte</i> 'крыса', <i>Schaf</i> 'овца', <i>Tiger</i> 'тигр', <i>Wolf</i> 'волк'
	Птицы	5	<i>Ente</i> 'утка', <i>Gans</i> 'гусь', <i>Hahn</i> 'петух', <i>Papagei</i> 'попугай', <i>Rabe</i> 'ворон'
	Земноводные	1	<i>Frosch</i> 'лягушка'

Окончание табл. 2
Ending of the table 2

Терминологические наименования	Группа животных или растений	Количество наименований	Зоо- или фитокомпонент
Зоонимические	Беспозвоночные		
	Моллюски	1	<i>Schnecke</i> ‘улитка’
	Черви	1	<i>Wurm</i> ‘червь’
	Насекомые	3	<i>Schmetterling</i> ‘бабочка’, <i>Spinne</i> ‘паук’, <i>Zecke</i> ‘клещ’
Фитонимические	Хвойные растения	2	<i>Kiefer</i> ‘сосна’, <i>Tanne</i> ‘ель’
	Злаковые растения	2	<i>Gerste</i> ‘ячмень’, <i>Hafer</i> ‘овес’
	Цветковые растения	1	<i>Iris</i> ‘ирис’
	Семена, плоды растений	9	<i>Apfel</i> ‘яблоко’, <i>Eichel</i> ‘желудь’, <i>Erbse</i> ‘горох’, <i>Feige</i> ‘инжир’, <i>Mandel</i> ‘миндаль’, <i>Safran</i> ‘шафран’, <i>Traube</i> ‘виноград’, <i>Tomate</i> ‘томат’, <i>Zapfen</i> ‘шишка’
	Части растений	3	<i>Dorn</i> ‘колючка, шип’, <i>Tabak</i> ‘табак (высушенные, измельченные и ферментированные листья растения, употребляемые для курения)’, <i>Wurzel</i> ‘нервный корешок’
Общие (полонейтральные)	—	4	<i>Tier</i> ‘животное’, <i>Vogel</i> ‘птица’, <i>Pflanze</i> ‘растение’, <i>Frucht</i> ‘плод’
Мифологические	—	1	<i>Drache</i> ‘дракон’

Изучение структурного состава медицинских терминов немецкого языка показывает, что 94 % наименований являются композитами (например, *Papageienkrankheit* ‘орнитоз, пситтакоз’), 6 % наименований – простыми словами (*Ente* ‘утка (постельный мочеприемник)’, *Schnecke* ‘улитка (ушного лабиринта)’). При этом 79 % композитов представляют собой двухкомпонентные существительные (*Affenlücke* (*Affe* + *Lücke*) ‘диастема’). Значительно реже (15 % наименований) встречаются композиты, состоящие из трех (*Hahnentrittgang* (*Hahn* + *tritt* + *Gang*) ‘петушиная походка’, *Katzenegelkrankheit* (*Katzen* + *Egel* + *Krankheit*) ‘описторхоз’) и четырех (*Augapfelbindehaut* (*Auge* + *Apfel* + *binden* + *Haut*) ‘конъюнктивит’) компонентов.

Зоо- и фитокомпоненты в большинстве случаев выступают в качестве первого (определяющего) компонента сложных слов (*Ochsengalle* ‘бычья желчь’, *Fruchtblase* ‘плодный пузырь’). На русский язык такие термины-композиции в 39 % случаев переводятся словосочетанием «прилагательное + существительное» и в 22 % случаев – однословным термином (*Elefantenaugen* ‘гидроофтальмия’, *Traubenpilzkrankheit* ‘ботриомикоз’). Менее частотны переводные конструкции «существительное + существительное» (*Traubenauge* ‘стафилома роговицы’), «существительное + предлог + существительное» (*Feigendermatitis* ‘дерматит от инжира’), сочетания трех и более слов (*Traubenblase* ‘деформация мочевого пузыря в виде грозди винограда’). Зафиксированы термины, в составе которых зоокомпонент является основным (главным) словом сложного существительного (*Medinawurm* ‘ришта’ (паразитический круглый червь, возбудитель дракункулеза), *Nervenzwurzel* ‘нервный корешок’).

Как следует из полученных в результате исследования данных, наименования животных, птиц и растений в составе медицинской терминологии в 27 % случаев употребляются в прямом значении (*Vogelmilbenkrätze* ‘чесотка, вызванная птичьими клещами, гамазидоз’, *Rattenbissnekrose* ‘некроз тканей в месте укуса крысы’) и в 73 % случаев – в переносном значении (*Bärenkrankheit* ‘медвежья болезнь’, *Traubenkörner* ‘виноградообразные разрастания зрачковой каймы радужной оболочки’).

Подавляющая часть лексем (62 % наименований) используются для обозначения болезней или их симптомов (*Spinnenfingrigkeit* ‘арахнодактилия’ (заболевание соединительной ткани, при котором происходят спонтанные деформации пальцев рук), *Tomatenurtikaria* ‘крапивница, возникающая при употреблении томатов’). В результате анализа выявлены также медицинские термины, называющие органы и части тела человека (*Tannenzapfen* ‘шишковидная железа, эпифиз’), диагностические методы (*Froschtest* ‘проба на лягушках (для диагностики беременности)’), способы лечения (*Einpflanzung* ‘пересадка, имплантация (органа или ткани)’, *Haferkur* ‘овсяная диета по Нордену’), медицинские манипуляции (*Tabakbeutelnaht* ‘кисетный шов’), инструменты (*Irisstereokamera* ‘камера для стереофотографий радужной оболочки’, *Rabenschnabelzange* ‘клювовидные щипцы’), а также единицы измерения (*Hahn-Einheit* (*Hahnenkammeinheit*) ‘петушиная единица (мужских половых гормонов)’).

В исследуемом материале зафиксированы случаи внутриязыковой омонимии (*Kiefer* ‘сосна’, *Kiefer* ‘анатом. Челюсть’; *Iris* ‘бот. Касатик’, *Iris* ‘мед. Радужная оболочка (глаза)’). В связи с этим целесообразно

отметить, что специальные значения некоторых внутриязыковых омонимов возникли вследствие метафорического переноса на основе сходства формы или цвета. Так, слово *Eichel* ‘головка полового члена’ с XVI в. используется для наименования передней части полового члена из-за ее сходства по форме с желудком (*Eichel* ‘желудь’)¹⁴, а лексема *Iris* происходит от греч. *ἶρις* ‘радуга’ (перенос значения по признаку цвета)¹⁵.

Еще одной особенностью таких внутриязыковых омонимов является их высокая деривационная активность, которая выражается в наличии словообразовательных гнезд. По своей структуре подобные медицинские термины представляют собой сложные существительные и имеют, как правило, одно значение. В частности, от внутриязыкового омонима *Iris* ‘мед. Радужная оболочка (глаза)’ образованы 18 терминов-композиций, используемых для обозначения отдельных частей радужной оболочки глаза (*Iriskrause* ‘зубчатый валик радужной оболочки’), патологических состояний (*Irisatrophie* ‘атрофия радужной оболочки’) и заболеваний (*Irisprolaps* (*Irisvorfall*) ‘выпадение радужной оболочки’) данного органа, а также специального диагностического оборудования (*Irisstereokamera* ‘камера для стереофотографий радужной оболочки’).

Употребляемые в переносном значении зоонимы и фитонимы в составе медицинских терминов возникли в результате метафорического переноса прямого значения слова на название специального предмета или понятия. При этом метафорический перенос базируется на отождествлении качеств, внешнего вида животного или растения (формы, цвета) и некоего медицинского феномена. Например, в основе термина *Froschbauch* ‘лягушачий живот, асцит’ (патологическое состояние, при котором наблюдается свободное скопление жидкости в брюшной полости (диагностируется чаще всего у маленьких детей)) лежит сходство выпирающего, объемного живота больного человека с животом лягушки. Аналогично образованы термины *Gerstenkorn* ‘ячмень (на глазу)’ (острое гнойное воспаление в волосяной луковице ресницы характерной округлой формы, напоминающей зерно), *Hasenscharte* ‘заячья губа, хейлосхизис’ (врожденный порок развития верхнечелюстной области лица в виде расщепленной, как у зайца, губы), *Katzenpupille* ‘кошачий зрачок’ (редкое генетическое заболевание, при котором глаз человека становится похожим на кошачий), *Löwengesicht* ‘львиное лицо’ (поздняя стадия лепры (проказы), при которой наблюдаются деформация лица и нарушение мимики из-за утолщения кожи), *Ochsenherz* ‘бычье сердце, кардиоmegалия’ (патологическое увеличение размеров и массы сердца), *Spinnenfinger* ‘паучьи пальцы (при синдроме Марфана)’ (удлинение, значительное уменьшение в диаметре, своеобразное искривление пальцев рук), *Vogelkopf* ‘череп ацтека, птичий череп (при синдроме Тричера Коллинза)’ (деформация костей и мягких тканей лица, внешне проявляющаяся в уплощении, потере формы лица, на котором выделяется нос, а остальные части как бы утапливаются в мягких тканях), *Wolfrachen* ‘волчья пасть, палатосхизис’ (врожденное расщепление тканей мягкого и твердого неба, внешне напоминающее открытую пасть волка).

Номинационным признаком медицинских терминов с фитокомпонентом в большинстве случаев также выступает метафорический перенос, основанный на сходстве формы. По такой модели образованы слова *Augapfel* ‘глазное яблоко’ (другое название человеческого глаза из-за его шаровидной формы), *Dornfortsatz* (*Dorn* ‘колючка, шип’ + *Fortsatz* ‘отросток’) ‘остистый отросток’ (самый длинный, заметно выступающий непарный отросток позвонка), *Erbsenbein* ‘гороховидная кость’ (одна из сесамовидных костей в толще сухожилия локтевого сгибателя кисти, напоминающая по форме горошину), *Traubenkörner* ‘виноградообразные разрастания зрачковой каймы радужной оболочки’.

Другой продуктивной моделью возникновения переносных значений в медицинской терминологии является цветовая метафора, когда в основе ассоциативного переноса лежит сходство по признаку цвета. Например, по такому принципу образованы термины *Safranleber* (*Schafraanleber*) ‘шафранная печень’ (один из симптомов печеночной желтухи, при котором печень больного человека увеличивается, а кожа и слизистые оболочки приобретают характерный шафрановый оттенок), *Tigerherz* ‘тигровое сердце’ (наблюдается при жировой дистрофии миокарда, когда со стороны эндокарда различимы тонкие желтовато-белые полосы, напоминающие тигровую шкуру), *Tomatengesicht* ‘красное лунообразное лицо (при болезни Кушинга)’. Любопытно, что в русском эквиваленте медицинского термина *Tomatengesicht* отсутствует фитоним «томат», частично наблюдается цветовая ассоциация с плодом томата (лицо красного цвета), а также другой ассоциативный признак (сходство с Луной).

Подобие формы и функции тех или иных частей тела животного зафиксировано в составе медицинских терминов *Rabenschnabelfortsatz* ‘клювовидный отросток’, *Rabenschnabelzange* ‘клювовидные щипцы’. Следует обратить внимание на то, что при переводе на русский язык используется общее понятие «клюв», тогда как в немецком варианте наблюдается более узкое сравнение (*Rabenschnabel* ‘клюв вороны’).

Реже встречается метафорический перенос по ассоциации. В качестве примера можно привести термин *Ochsenhunger* ‘волчий голод, булимия, кинорекия’ (расстройство пищевого поведения, выражающееся

¹⁴Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Band 7. S. 171.

¹⁵Ibid. S. 369.

в отчаянной тяге к еде). Однако в немецкой и русской лингвокультурах данное патологическое состояние связывают с разными животными: у немцев оно отождествляется с быком (буйволом), у русских – с волком. Очевидно, что в подобных случаях метафорический перенос основывается не столько на сходстве материальной характеристики, сколько на исторически или национально сложившихся представлениях народов о том или ином животном либо растении.

В анализируемом материале зафиксированы случаи метафорического переноса и по другим параметрам сходства: тактильным ощущениям (*Gänsehaut* ‘гусиная кожа, фолликулярный гиперкератоз’ (избыточное ороговение кожи)), действию (*Einpflanzung* ‘пересадка, имплантация (органа или ткани)’). Последний термин выступает дериватом от нем. *Pflanze* ‘растение’. В немецком языке основным значением глагола *einpflanzen* является ‘сажать, высаживать (растения)’.

Употребляемые в прямом значении зоонимы и фитонимы называют болезни или их симптомы, способы обследования и лечения. Зоо- и фитокомпоненты в составе таких медицинских терминов сообщают следующую информацию: причину или возбудитель заболевания (*Feigendermatitis* ‘дерматит от инжира’, *Vogelmilbenkrätze* ‘чесотка, вызванная птичьими клещами, гамазидоз’), средство, необходимое для проведения медицинских манипуляций (*Froschtest* ‘проба на лягушках (для диагностики беременности)’, *Rattentest* ‘опыт (проба) на крысах’), а также основной компонент лечения (*Haferkur* ‘овсяная диета по Нордену’).

Выявлены немотивированные медицинские термины с зоо- и фитокомпонентами, в семантике которых нет указания на мотив, обусловивший выражение значения слова посредством упоминания конкретного животного или растения. К этой группе слов относится термин *Drachenschuss* ‘прострел, люмбаго’: непонятно, как мифическое существо (*Drache* ‘дракон’) связано с заболеванием. В значениях терминов *Scharbock* ‘цинга’ и *Kiefer* ‘челюсть’ также не обнаруживается семантическая связь с лексемами *Bock* ‘козел’ и *Kiefer* ‘сосна’. В данном случае отсутствие прозрачной мотивировки объясняется особенностями происхождения этих слов. Так, *Scharbock* < *Skorbut* (заимствовано в XVIII в.) < ср.-лат. *scorbutus* (происхождение неясно) или рус. *skrobát* ‘скробать’¹⁶. Внутриязыковые омонимы *Kiefer* ‘сосна’, *Kiefer* ‘анатом. Челюсть’ этимологически восходят к разным источникам: *Kiefer* ‘сосна’ < др.-верх.-нем. *kienforha* ‘сосна’; *Kiefer* ‘анатом. Челюсть’ < ср.-верх.-нем. *kiver*, др.-сакс. *kaflos*, др.-англ. *ceafl*, швед. *Käft* < инд.-герм. **gēph-* ‘челюсть, рот’¹⁷.

Зоонимы и фитонимы в составе немецких медицинских терминов характеризуются различной степенью словообразовательной активности. Отмечены примеры, в которых такой компонент используется для обозначения только одного медицинского понятия (например, *Bärenkrankheit* ‘медвежья болезнь’). Возможны случаи употребления зоо- или фитокомпонента с разными лексемами. В частности, зооним *Ochs* ‘вол, бык’ образует 4 термина-композиата: *Ochsenauge* ‘волобий (бычий) глаз, буфтальм’, *Ochsengalle* ‘бычья желчь’, *Ochsenherz* ‘бычье сердце, кардиомегалия’, *Ochsenhunger* ‘волчий голод, булимия, кинорексия’.

Заключение

Проведенный анализ практического материала позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В медицинской терминологии немецкого языка зафиксированы 46 зоо- и фитонаименований. В количественном отношении они распределены следующим образом: 24 зоонимических наименования, 17 фитонимических наименований, 4 общих (полонейтральных) наименования, 1 мифологическое наименование.

2. Исследование структурного состава немецких медицинских терминов с зоо- и фитокомпонентами показало, что 94 % наименований являются сложными существительными (композиатами), среди которых 79 % сложных слов состоят из двух компонентов, 15 % – из трех и четырех компонентов.

3. В большинстве случаев зоо- и фитокомпоненты выступают в качестве первого (определяющего) компонента сложных слов (*Traubenmole* ‘пузырный занос’). При переводе терминов-композиатов на русский язык в 39 % случаев употребляются конструкции «прилагательное + существительное» (*Gänsefuß* ‘гусиная лапка’), в 22 % случаев – однословные термины (*Froschkopf* ‘анэнцефал’). Значительно реже используются переводные конструкции «существительное + существительное» (*Augapfelschrumpfung* ‘атрофия глаза’), «существительное + предлог + существительное» (*Rattentest* ‘опыт (проба) на крысах’), сочетания трех и более слов (*Gänsegurgelarterie* ‘кольцевидное обызвествление стенки артерии, артерия в виде гусяного горла’).

¹⁶Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. S. 1090 ; Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.dwds.de/> (Datum der Bewerbung: 23.12.2023).

¹⁷Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Band 7. S. 404.

4. Зоо- и фитоименования в составе немецких медицинских терминов употребляются в прямом (27 %) и переносном (73 %) значениях. Переносные значения являются результатом метафорического переноса. Основой для данного процесса служат внешний вид объекта, сходство по признаку цвета, функций, свойств. Метафоризации подвергаются такие части тела, как голова, глаза, кожа, живот, внутренние органы (сердце, печень), части опорно-двигательного аппарата, органы эндокринной, пищеварительной и лимфатической систем.

5. При этом 58 % переносных значений участвуют в наименовании болезней или их симптомов, различных патологических состояний (врожденных или приобретенных).

6. К основным видам метафорического переноса в медицинской терминологии немецкого языка относятся перенос по форме и цветовая метафора. В исследуемом материале единично представлены другие виды метафорического переноса (по ассоциации, функции, действию, тактильным признакам).

7. В немецком и русском языках не всегда совпадают метафорические значения медицинских терминов. Например, в немецкой лингвокультуре симптомы (сыпь на переносице и щеках) заболевания, названного термином *Schmetterlingsflechte* 'красная волчанка, эриматоз', ассоциируются с очертаниями бабочки, тогда как в русской лингвокультуре – с волчьими укусами.

8. Изучение практического материала показало наличие терминов, не совпадающих по наличию зоо- и фитокомпонентов в исследуемых языках. В немецком языке термин *Tierfellnävus* 'пигментно-волосистой невус' образован путем метафоризации, в основе которой лежит сходство со шкурой или мехом животного (*Tierfell* 'шкура, мех (животного)'). В русском языке такой перенос не наблюдается.

9. Значительное количество терминов с зоо- и фитокомпонентами в немецком языке (примерно 1/3 от общего количества) используется для номинации особенностей строения и различных патологических состояний такого органа человеческого тела, как глаз (4 наименования с зоокомпонентами *Elefant* 'слон', *Hase* 'заяц', *Katze* 'кошка', *Ochs* 'вол, бык', 29 наименований с фитокомпонентами *Apfel* 'яблоко', *Gerste* 'ячмень', *Iris* 'ирис', *Traube* 'виноград').

Проведенное исследование позволяет утверждать, что метафоры характерны для медицинской терминологии немецкого языка. Метафорический перенос помогает лучше понять и запомнить сложную информацию, оказывает определенное эмоциональное воздействие на реципиента, является полезным инструментом в коммуникации между представителями медицинских профессий и пациентами.

Несовпадение переносных значений медицинских терминов с зоо- и фитокомпонентами в немецком и русском языках указывает на национальный характер метафоры. Такие слова аккумулируют наиболее устойчивые культурные представления немецкого народа, раскрывают особенности национального сознания.

Библиографические ссылки

1. Суперанская АВ, Подольская НВ, Васильева НВ. *Общая терминология: терминологическая деятельность*. Москва: ЛКИ; 2008. 288 с.
2. Реформатский АА. Что такое термин и терминология. В: Дешериев ЮД, редактор. *Вопросы терминологии. Материалы Всесоюзного терминологического совещания; 25–29 мая 1959 г.; Москва, Россия*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1961. с. 46–54.
3. Дроздова ТВ. Термин в системе языка и в коммуникативном контексте. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011;24:19–21. EDN: OXALDD.
4. Матвеева ЕП. Основные лексико-семантические группы медицинских терминов. *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. 2013;3(11):1247.
5. Жидкова ЮБ. Медицинская лексика и термины в художественных произведениях. *Журнал теоретической и практической медицины*. 2006;4(4):560–564. EDN: YGBAIZ.
6. Пикалова ЕВ. Прагматика текстовых фрагментов публицистического и разговорного дискурса лексем «боль» и «болезнь». *Журнал теоретической и практической медицины*. 2011;9(3):51–55.
7. Лаптева ЕА. Сравнительный анализ структуры медицинских терминов-синонимов в русском, английском и немецком языках. *Альманах современной науки и образования*. 2015;5:109–112. EDN: TRFUKF.
8. Сахратова ЭИ, Агеева АВ. Принципы формирования медицинской терминологии (сопоставительный анализ русского, французского и английского языков). *Язык и культура (Новосибирск)*. 2016;25:77–81. EDN: WXMOTJ.
9. Раздорская ОВ, Цыбина ЮЮ. Метафора в медицинском профессиональном общении. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2019;8(3):341–344. DOI: 10.26140/bgз3-2019-0803-0085.
10. Какзанова ЕМ. Характеристика метафорических терминов в математических и медицинских научных текстах. *Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом*. 2010;3–4:20–23. EDN: MVBULJ.
11. Буженинов АЭ. Термины-метафоры в анатомической терминологии французского языка. *Педагогическое образование в России*. 2015;10:124–128.
12. Киндря НА. *Наименования животных в индоевропейских языках: лингвоонтология*. Москва: Ленанд; 2014. 200 с.
13. Лаптева ЕА. Образ животного в медицинских терминах на латинском, русском, английском, немецком языках. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2016;2:54–55. EDN: WDZHXJ.

14. Рубанова ЕВ. *Зоометафора в сленге*. Могилёв: Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова; 2009. 154 с.
15. Турчинская МВ. *Лексические парадигмы в английском и белорусском языках: структура, семантика и прагматика*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2019. 120 с.

References

1. Superanskaya AV, Podol'skaya NV, Vasil'eva NV. *Obshchaya terminologiya: terminologicheskaya deyatel'nost'* [General terminology: terminological activities]. Moscow: LKI; 2008. 288 p. Russian.
2. Reformatskii AA. [What is a term and terminology]. In: Desheriev YuD, editor. *Voprosy terminologii. Materialy Vsesoyuznogo terminologicheskogo soveshchaniya; 25–29 maya 1959 g.; Moskva, Rossiya* [Terminology issues. Proceedings of the All-Union terminology conference; 1959 May 25–29; Moscow, Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1961. p. 46–54. Russian.
3. Drozdova TV. [Term in the language system and in the communicative context]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011; 24:19–21. Russian. EDN: OXALDD.
4. Matveeva EP. [Basic lexical and semantic groups of medical terms]. *Bulletin of Medical Internet Conferences*. 2013;3(11):1247. Russian.
5. Zhidkova YuB. [Medical vocabulary and terms in works of fiction]. *Zhurnal teoreticheskoi i prakticheskoi meditsiny*. 2006; 4(4):560–564. Russian. EDN: YGBAIZ.
6. Pikalova EV. [Pragmatics of text fragments of journalistic and colloquial discourse of the lexemes «pain» and «illness»]. *Zhurnal teoreticheskoi i prakticheskoi meditsiny*. 2011;9(3):51–55. Russian.
7. Lapteva EA. Comparative analysis of medical terms-synonyms structure in the Russian, English and German languages. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 2015;5:109–112. Russian. EDN: TPFUKF.
8. Sakhratova EI, Ageeva AV. [Principles of formation of medical terminology (comparative analysis of Russian, French and English languages)]. *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk)*. 2016;25:77–81. Russian. EDN: WXMOTJ.
9. Razdorskaya OV, Tsybina YuYu. Metaphor in medical professional communication. *Baltic Humanitarian Journal*. 2019;8(3): 341–344. Russian. DOI: 10.26140/bg23-2019-0803-0085.
10. Kakzanova EM. [Characteristics of metaphorical terms in mathematical and medical scientific texts]. *Mezhdunarodnyi aspirantskii vestnik. Russkii yazyk za rubezhom*. 2010;3–4:20–23. Russian. EDN: MVBUL.
11. Buzheninov AE. Terms-metaphors in French anatomic terminology. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2015;10:124–128. Russian.
12. Kindrya NA. *Naimenovaniya zhivotnykh v indoevropeiskikh yazykakh: lingvoontologiya* [Names of animals in Indo-European languages: linguontology]. Moscow: Lenand; 2014. 200 p. Russian.
13. Lapteva EA. The image of the animal in medical terms in the Latin, Russian, English and German languages. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 2016;2:54–55. Russian. EDN: WDZHJX.
14. Rubanova EV. *Zoometafora v slenge* [Zoological metaphor in slang]. Magiliow: Mogilev State A. Kuleshov University; 2009. 154 p. Russian.
15. Turchinskaya MV. *Leksicheskie paradigmy v angliiskom i belorusskom yazykakh: struktura, semantika i pragmatika* [Lexical paradigms in English and Belarusian languages: structure, semantics and pragmatics]. Minsk: Minst State Linguistic University; 2019. 120 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024.
Received by editorial board 07.02.2024.

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «ЗНАНИЕ»
ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ:
ПРОДУКТИВНОСТЬ МАКРОМЕТАФОР****М. С. ГУТОВСКАЯ¹⁾, Д. В. ШАЙБАКОВА¹⁾**¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлены результаты сопоставительного анализа способов метафорической организации представлений о феномене «знание» в русской и английской фразеологии с акцентом на продуктивности макрометафор. Исследование реализует когнитивный подход к метафоре, который предполагает, что метафорические единицы отражают мыслительные механизмы и являются инструментом ассоциирования абстрактных понятий с более конкретными. Корпус русских и английских фразеологизмов с семантикой 'знание'/'knowledge', сформированный посредством двухэтапной контрастивно-лексикографической методики, систематизируется с учетом предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и дополненной А. П. Чудиновым классификации макрометафор, которая различает онтологическую, ориентационную, антропоморфную, социоморфную, природоморфную и артефактную макрометафоры. Макрометафоры, как наиболее обобщенные метафорические конструкции, конкретизируемые группами концептуальных метафор, рассматриваются с точки зрения их продуктивности в образной организации феномена «знание». Установлены сходства и своеобразие в метафорическом представлении знания во фразеологии двух языков. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области когнитивной фразеологии, разработке теории когнитивной метафоры, сопоставительном лингвокультурологическом изучении фразеологии.

Ключевые слова: фразеологизм; фразеология с семантикой знания; макрометафора; продуктивность макрометафор; концептуальная метафора.

**МЕТАФАРЫЧНАЕ ПРАДСТАЎЛЕННЕ ФЕНОМЕНА «ВЕДЫ»
Ў ФРАЗЕАЛОГІІ РУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ МОЎ:
ПРАДУКТЫЎНАСЦЬ МАКРАМЕТАФАР****М. С. ГУТОВСКАЯ^{1*}, Д. В. ШАЙБАКОВА^{1*}**^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Прадстаўлены вынікі супастаўляльнага аналізу спосабаў метафарычнай арганізацыі ўяўленняў аб феномене «веды» ў рускай і англійскай фразеалогіі з акцэнтам на прадуктыўнасці макраметафар. Даследаванне рэалізуе кагнітыўны падыход да метафары, які прадугледжвае, што метафарычныя адзінкі адлюстроўваюць

Образец цитирования:

Гутовская МС, Шайбакова ДВ. Метафорическое представление феномена «знание» во фразеологии русского и английского языков: продуктивность макрометафор. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2024;2:41–50.
EDN: EXXBRF

For citation:

Gutovskaya MS, Shaibakova DV. Metaphorical representation of the phenomenon of knowledge in the phraseology of the Russian and English languages: productivity of macrometaphors. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2024;2: 41–50. Russian.
EDN: EXXBRF

Авторы:

Марина Степановна Гутовская – доктор филологических наук, доцент; заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета.

Дарья Вадимовна Шайбакова – магистрант кафедры английского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – М. С. Гутовская.

Authors:

Marina S. Gutovskaya, doctor of science (philology), docent; head of the department of English linguistics, faculty of philology.

marina-gutovskaya@yandex.by

Darya V. Shaibakova, master's degree student at the department of English linguistics, faculty of philology.

dasha.shaibakova@gmail.com

разумовыя механізмы і з'яўляюцца інструментам правядзення асацыяцый паміж абстрактнымі і больш канкрэтнымі паняццямі. Корпус рускіх і англійскіх фразеалагізмаў з семантыкай 'веды'/'knowledge', сфарміраваны з дапамогай двухэтапнай кантрастыўна-лексікаграфічнай metody, сістэматызуецца з улікам прапанаванай Дж. Лакафам і М. Джонсанам і дапоўненай А. П. Чудзінавым класіфікацыі макраметафар, якая адрознівае анталагічную, арыентацыйную, антрапаморфную, сацыяморфную, прыродаморфную і артэфактную макраметафары. Макраметафары, як найбольш абагульненыя метафарычныя канструкцыі, якія канкрэтызуюцца групамі канцэптуальных метафар, разглядаюцца з пункту гледжання іх прадуктыўнасці ў вобразнай арганізацыі феномена «веды». Выяўляюцца падабенства і своеасаблівасць у метафарычным прадстаўленні ведаў у фразеалогіі дзвюх моў. Атрыманыя вынікі могуць быць выкарыстаны ў далейшых даследаваннях у галіне кагнітыўнай фразеалогіі, распрацоўцы тэорыі кагнітыўнай метафары, супастаўляльным лінгвакультуралагічным вывучэнні фразеалогіі.

Ключавыя словы: фразеалагізм; фразеалогія з семантыкай ведаў; макраметафара; прадуктыўнасць макраметафар; канцэптуальная метафара.

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE PHENOMENON OF KNOWLEDGE IN THE PHRASEOLOGY OF THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES: PRODUCTIVITY OF MACROMETAPHORS

M. S. GUTOVSKAYA^a, D. V. SHAIBAKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: M. S. Gutovskaya (marina-gutovskaya@yandex.by)

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the ways of metaphorical organisation of the ideas about the phenomenon of knowledge in Russian and English phraseology with an emphasis on the productivity of macrometaphors. The study implements a cognitive approach to metaphor, which assumes that metaphorical units reflect thought mechanisms and they serve as a tool for associating abstract concepts with more specific ones. The corpus of Russian and English phraseological units with the semantics of 'знание'/'knowledge' is formed with a two-stage contrastive lexicographic technique and systematised considering the classification of macrometaphors proposed by J. Lakoff and M. Johnson and supplemented by A. P. Chudinov, which distinguishes ontological, orientational, anthropomorphic, sociomorphic, naturomorphic, and artefact macrometaphors. Macrometaphors as the most generalised metaphorical constructions, concretised by groups of conceptual metaphors, are considered from the perspective of their productivity in the figurative organisation of the phenomenon of knowledge. The article establishes the similarities and distinctiveness in the metaphorical representation of knowledge in the phraseology of two languages. The obtained results could be used in further research in the field of cognitive phraseology, development of the theory of cognitive metaphor, comparative linguocultural study of phraseology.

Keywords: phraseological unit; phraseology with the semantics of knowledge; macrometaphor; productivity of macrometaphors; conceptual metaphor.

Введение

Интерес к метафоре возник еще в Античности, однако в фокусе внимания первых исследователей метафоры оказывались в основном ее номинативная, оценочная и декоративная функции [1, с. 76]. В более поздних научных трудах отмечались гносеологическая ценность метафоры, ее интегрированность в процесс познания действительности. Последующая разработка вопросов связи ментальных процессов с языковыми обусловила выдвижение когнитивной теории метафоры в ряд перспективных и активно развивающихся направлений в лингвистике.

А. Ричардс отмечает, что если ранее «к метафоре относились как к украшению и безделушке», то теперь ее исследуют как «вездесущий принцип языка» [2, с. 45–47]. Когнитивный подход к изучению метафоры исходит из положения о том, что метафорические выражения не только выступают в качестве образных языковых средств, но и воспроизводят схемы мышления, на основе которых человек организует личный опыт и понимает мир. Классическая теория когнитивной метафоры, изложенная в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors we live by» [3], стала базисом для создания теории концептуального смешения Тернера и Фоконье [4], дескрипторной теории метафоры Баранова и Караулова [5], теории метафорического моделирования Чудинова [6; 7]. Теория когнитивной метафоры непрерывно

модифицируется, уточняется и дополняется как отечественными (Э. В. Будаевым и А. П. Чудиновым [8], Т. Г. Скребцовой [9], С. В. Киселевой [10]), так и зарубежными (Д. Ричи [11], Ш. Коулсон [12], А. Мусолффом [13]) исследователями. Подходы к изучению метафоры как способа мышления и познания мира, обработки накопленных знаний разнятся, но общей является точка зрения о том, что когнитивная метафора вплетается в языковую ткань и представляет собой механизм, обеспечивающий понимание одной области знания по аналогии с другой.

Сегодня исследования фразеологии в свете когнитивной метафоры проводятся весьма активно, однако наблюдается недостаток эмпирических данных в вопросе выбора и частоты использования различных макрометафор и концептуальных метафор при структурировании фразеологических (зафиксированных во фразеологизмах) представлений о конкретных феноменах мира в разных языках. В репрезентирующих один и тот же феномен фразеологических единицах разных языков посредством метафор могут запечатлеваться как сходства, так и различия в осмыслении и оценке соответствующего феномена, и этот факт определяет актуальность и перспективность их изучения в сопоставительном ключе.

В данной работе описываются макрометафоры, которые используются во фразеологии русского и английского языков для структурирования представлений о феномене «знание», проводится сравнение их продуктивности. Русская и английская фразеология знания рассматривается с точки зрения макрометафоры и концептуальной метафоры впервые, что обуславливает научную новизну исследования.

Материалы и методы исследования

Оценка перспективности лингвокогнитивного изучения метафорической фразеологии с семантикой знания осуществлялась на основе ряда критериев: 1) психологической важности для человека; 2) значимости во фразеологической системе; 3) степени изученности в лингвистике [14, с. 16–18]. Было показано, что феномен «знание» входит во все сферы жизнедеятельности человека и рассматривается многими отраслями науки, что определяет его психологическую важность. Установлено, что фразеосемантическое поле знания репрезентировано большим количеством единиц и оно имеет семантические связи с другими полями, что подтверждает его значимость во фразеологической системе. Немногочисленность посвященных семантике знания лингвистических работ и непоследовательность применяемых в них методов позволяют говорить о необходимости дальнейшего изучения этой темы. Все названное свидетельствует о перспективности исследования фразеологии знания в аспекте макрометафоры и концептуальной метафоры [15].

Для формирования репрезентативного двуязычного корпуса исследования была использована двухэтапная контрастивно-лексикографическая методика, которая предполагает выявление фразеологических единиц изучаемой семантики методом сплошной выборки из одноязычных фразеологических словарей и последующее уточнение полученных списков посредством направленной выборки фразеологизмов из различных одно- и двуязычных словарей – фразеологических и толковых (лексико-фразеологических) [16]. В качестве основных источников отбора фразеологического материала выступили словари «Фразеологический словарь русского языка» (ФСРЯ) и «The American heritage dictionary of idioms» (АНДИ). Данные словари сопоставимы по трем ключевым критериям [16, с. 36]: 1) объему словарей (оба словаря включают по 10 тыс. фразеологических единиц); 2) содержанию фразеологизмов одной формы существования языка – общенародного литературного языка; 3) охватываемому периоду (словари отражают современную фразеологию). На обоих этапах в корпус исследования включались фразеологические единицы, в словарных дефинициях которых присутствуют архисемы ‘знание’/‘knowledge’ или их дифференциальные семы (последние выявлялись методом цепочки словарных дефиниций [17, с. 112–114]). Благодаря такому подходу удалось достаточно полно и точно определить составы фразеологизмов с семантикой знания в русском и английском языках. Корпус исследования составили 230 метафорических фразеологических единиц: 107 единиц русского языка и 123 единицы английского языка.

Для систематизации материала исследования была использована классификация макрометафор, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и дополненная впоследствии А. П. Чудиновым. В классификации различаются следующие шесть видов макрометафор: 1) онтологическая макрометафора (в основе лежит опыт обращения человека с материальными объектами); 2) ориентационная макрометафора (в основе – опыт ориентации человека в пространстве) [3, р. 14–33]; 3) антропоморфная макрометафора (в основе – анатомические, физиологические и психологические особенности человека); 4) социоморфная макрометафора (в основе – принципы функционирования различных социальных областей); 5) природоморфная макрометафора (в основе – природные аналогии); 6) артефактная макрометафора (в основе – предметы созидания) [6, с. 77–78]. Для отнесения фразеологизма к одному из названных видов макрометафор применялся метод семантико-когнитивного анализа. Фразеологическая единица рассматривалась с точки зрения ее образной основы как выразителя закрепленного в единице взгляда носителя языка на

объект номинации, связи с историко-культурным контекстом уточнялись путем обращения к этимологическим данным. Полученные сведения подвергались когнитивной интерпретации для определения механизмов переосмысления. Выявленная и проинтерпретированная образная основа фразеологизма сопоставлялась с фундаментальными образами, присущими каждому виду макрометафоры. При обнаружении совпадений между образной основой фразеологической единицы и фундаментальными образами единица относилась к соответствующему виду макрометафоры. Рассмотрим этноспецифический фразеологизм *cut one's teeth on smth* (букв. 'прорезывать зубы о что-л.') 'get one's first experience by doing something, or learn early in life' (АНДИ, р. 194). Согласно этимологическим данным в основе фразеологизма лежат представления о появлении (прорезывании через десны) зубов у ребенка. Фиксируемая во фразеологизме образная связь специфики приобретения первых знаний с физиологическими особенностями человека позволяет квалифицировать фразеологизм как манифестант антропоморфной макрометафоры.

В исследовании проводятся качественный анализ и количественный анализ макрометафор (последний состоит в установлении продуктивности каждого вида макрометафоры, определяемой числом репрезентирующих вид фразеологических единиц), что позволяет выявить сходства и различия в образной концептуализации знания во фразеологии русского и английского языков.

Результаты и их обсуждение

Согласно активно развивающейся теории когнитивной метафоры нематериальные феномены часто осмысливаются человеком путем их соотнесения с конкретными объектами, наблюдаемыми явлениями материального мира. Феномен «знание», как многогранная абстрактная конструкция, не является исключением в этой закономерности. При осмыслении знания используются онтологическая, ориентационная, антропоморфная, социоморфная, природоморфная и артефактная макрометафоры, однако прослеживается их неодинаковая продуктивность. Данные о продуктивности названных видов макрометафор (в процентах, в порядке убывания признака) приведены в таблице.

Сравнительная продуктивность макрометафор

Comparative productivity of macrometaphors

Вид макрометафоры	Русские фразеологизмы		Английские фразеологизмы		Фразеологизмы в обоих языках	
	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %	Количество, ед.	Доля, %
Онтологическая	25	10,8	27	11,8	52	22,6
Антропоморфная	20	8,7	24	10,4	44	19,1
Социоморфная	17	7,4	24	10,4	41	17,8
Ориентационная	18	7,8	19	8,3	37	16,1
Природоморфная	16	7,0	15	6,5	31	13,5
Артефактная	11	4,8	14	6,1	25	10,9
<i>Всего</i>	<i>107</i>	<i>46,5</i>	<i>123</i>	<i>53,5</i>	<i>230</i>	<i>100,0</i>

Фразеологизмы, репрезентирующие онтологическую макрометафору. Проведенное исследование показало, что представления о знании наиболее часто моделируются по аналогии с процессами постижения человеком окружающего мира, его опытом взаимодействия с материальными предметами и обращения с ними. Наибольшее количество фразеологизмов (22,6 % в корпусе исследования) объективируют различные образы онтологических метафор. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, такие метафоры помогают сопоставлять достаточно абстрактные категории с осязаемыми реалиями, благодаря чему человек получает возможность рассуждать о нематериальных процессах в привычных понятиях [3, р. 25]. Например, составляющие феномен «знание» элементы – понятия, идеи, мысли и др. – метафорически осмысливаются как предметы, с которыми можно производить манипуляции: *подать мысль/идею* 'подсказать какую-л. мысль (идею); надумать' (ФСРЯ, с. 201); *keep in mind* (букв. 'держат в уме') 'remember' (АНДИ, р. 64). В терминах материального мыслится и разум (рассудок): *лишиться рассудка/ума* 'сойти с ума, помешаться' (ФСРЯ, с. 136); *lose one's mind* (букв. 'лишиться разума') 'go crazy, lose one's sanity' (АНДИ, р. 507). Быстрое усвоение знаний сравнивается с ловким обращением человека с физическими предметами: *ловить/поймать на лету* 'быстро, мгновенно понимать, усваивать' (ФСРЯ, с. 133); *be quick to grasp smth* (букв. 'быстро схватывать что-л.') 'be able to understand, assimilate thoughts, ideas quickly and easily' (БРАФС, с. 291).

В рамках онтологической макрометафоры ум (разум) нередко рассматривается в связи с его физическим вместилищем – головой. Мысли не только попадают в это вместилище и хранятся там, но и могут быть изъяты из него за ненадобностью: *лезть в голову* ‘настойчиво, неотвязно появляться в уме, сознании’ (ФСРЯ, с. 132); *выбросить из головы/памяти* ‘забыть, оставить мысль о чем-л.’ (ФСРЯ, с. 41); *stuff one's head with smth* (букв. ‘набивать голову чем-л.’) ‘overload memory with much information or knowledge, often unnecessary’ (БРАФС, с. 111); *get out of mind/head* (букв. ‘выбросить из ума/головы’) ‘forget intentionally, stop thinking about something’ (БРАФС, с. 115). Интеллектуальные способности увязываются с физическими характеристиками головы. В фокус внимания попадает оппозиция *твердый – мягкий*: в зависимости от лингвокультуры умственная неполноценность и непонятливость связываются с излишней твердостью или, наоборот, мягкостью головы (*хоть кол на голове теши* ‘об очень упрямом или непонятливом человеке’ (ФСРЯ, с. 112); *soft in the head* (букв. ‘мягкий в голове’) ‘mentally deficient; silly, foolish’ (АНДИ, р. 755)). Сила ума, подобно материальным предметам, интерпретируется в количественных характеристиках: *ума палата* ‘об очень умном человеке’ (ФСРЯ, с. 189); *have a lot of brains* (букв. ‘иметь много мозгов’) ‘be very intelligent’ (БРАФС, с. 671).

Итак, основным приемом при метафоризации знания по онтологической модели является перенос фрагментов опыта физического взаимодействия с предметами действительности на нематериальные, психические явления. Использование онтологических метафор в осмыслении абстрактного позволяет человеку рассуждать о нем в терминах конкретного, концептуализировать его в виде предметов или материалов, а затем делать попытки его качественной и количественной оценки и классификации.

Фразеологизмы, репрезентирующие антропоморфную макрометафору. При осмыслении феномена «знание» достаточно часто используются образы, связанные с анатомическими, физиологическими и психологическими особенностями человека, что формирует антропоморфную макрометафору (19,1 % фразеологизмов в корпусе исследования). А. П. Чудинов отмечает антропоцентричность метафорической картины мира и присущее человеку свойство концептуализировать действительность «в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических и иных связей с собственными родственниками» [7, с. 58]. Например, приобретение знаний в раннем возрасте осмысливается по аналогии с особенностями индивидуального физиологического развития человека: *всосать с молоком матери* ‘усвоить с детства’ (ФСРЯ, с. 39); *imbibe with mother's milk* (букв. ‘впитать с молоком матери’) ‘learn something well during one's earliest years’ (БРАФС, с. 330). Ум и проницательность увязываются с наличием у человека конкретной части тела – головы: *иметь голову на плечах* ‘быть умным, сообразительным’ (ФСРЯ, с. 52); *have a good head on one's shoulders* (букв. ‘иметь хорошую голову на плечах’) ‘be intelligent or shrewd; have good sense or good judgment’ (АНДИ, р. 335).

Обладание знанием связывается с возможностью человека видеть: *открыть глаза* ‘вывести из заблуждения, помочь правильно понять истинное положение вещей’ (ФСРЯ, с. 48); *have eyes in the back of one's head* (букв. ‘иметь глаза на затылке’) ‘be more aware of what is happening than is generally realized’ (АНДИ, р. 250). Утрата возможности актуализировать знания о ком-либо, чем-либо ассоциируется с исчезновением предмета из поля зрения как видимого глазом пространства: *терять из виду* ‘не знать, где находится кто-л., не иметь никаких сведений о ком-л.’ (ФСРЯ, с. 30); *lose sight of smth* (букв. ‘терять из виду что-л.’) ‘forget to consider something’ (АНДИ, р. 507). Эти и подобные примеры показывают, что доступность сознанию интерпретируется как доступность глазу, взору, недоступность – как нахождение вне поля зрения.

Некоторые единицы, построенные по антропоморфной модели, фокусируются на аспектах человеческого здоровья. Интенсивные размышления могут связываться с различными видами травм головы и мыслиться как причиняющие боль: *сломать голову* ‘измучиться, упорно думать над чем-л.’ (ФСРЯ, с. 264); *give a headache* (букв. ‘причинять головную боль’) ‘cause a state of extreme mental exertion’ (БРАФС, с. 106). И напротив, возвращение способности рассуждать и мыслить ассоциируется с устранением проблем с физическим здоровьем: *вправить мозги* ‘заставить образумиться, заставить понять, осознать ошибку’ (ФСРЯ, с. 153); *come to one's senses* (букв. ‘прийти в чувства’) ‘return to thinking or behaving sensibly and reasonably; recover consciousness’ (АНДИ, р. 170).

Среди основных физиологических особенностей человека при метафорической интерпретации знания особое внимание уделяется биологической потребности в пище. Знания, мысли и идеи метафорически соотносятся с едой как неотъемлемой частью человеческого существования: *пища для размышлений* ‘данные, на основе которых можно делать выводы, рассуждать’ (OnlineCA); *food for thought* (букв. ‘пища для размышлений’) ‘an idea or issue to ponder’ (АНДИ, р. 278). Процесс передачи знаний отождествляется с процессом кормления: *класть в рот* ‘очень подробно растолковывать, объяснять’ (ФСРЯ, с. 110); *spoon-feed smth to smb* (букв. ‘скормить с ложки’) ‘explain something to somebody in the simplest and most

detailed way possible' (БРАФС, с. 501). Такие ассоциативные механизмы могут говорить о том, что потребность в приобретении знаний так же актуальна для человека, как и потребность в получении пищи.

При объективации концепта знания посредством образов антропоморфной макрометафоры носители языка запечатлевают во фразеологии «свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе» [18]. Мыслительные процессы являются неотъемлемой частью человеческой природы, однако связанные с ними интеллектуальные феномены недоступны непосредственному наблюдению, что затрудняет их восприятие. Сложные ментальные феномены осмысливаются через более простые и наглядные физиологические или анатомические феномены, что помогает приблизиться к пониманию их природы.

Фразеологизмы, репрезентирующие социоморфную макрометафору. Сфера знания моделируется и по образцу сфер человеческой деятельности [6, с. 78], формируя достаточно продуктивную социоморфную макрометафору (17,8 % фразеологизмов в корпусе исследования). Идеи и мысли нередко сравниваются с деньгами и имуществом (*мертвый капитал* 'об идеях, мыслях, знаниях, не находящих себе применения' (ФСРЯ, с. 147); *put in one's two cents* (букв. 'вставлять два цента') 'express one's unsolicited opinion for whatever it is worth' (АНДИ, р. 287)), а процесс приобретения опыта – со школьным образованием (*извлечь урок* 'приобрести опыт в результате неудачных действий' (OnlineCA); *school of hard knocks* (букв. 'школа тяжелых ударов') 'practical experience of life, including hardship and disappointments' (АНДИ, р. 709)).

Достижение взаимопонимания и, наоборот, значительные проблемы в ходе обмена информацией соотносятся с особенностями межличностной коммуникации в части используемых в общении языков: *говорить на разных языках* 'не понимать друг друга' (ФСРЯ, с. 50); *speak the same language* (букв. 'говорить на одном языке') 'understand one another very well, agree with each other' (АНДИ, р. 762). Приведенные аналогии характерны для русского и английского языков, что говорит о схожести моделей метафорического осмысления обсуждаемого феномена. Еще одним примером совпадающих национальных представлений являются метафоры, отражающие опытность человека или наличие у него необходимых в какой-либо сфере знаний: *мастер на все руки* 'о человеке, умеющем все делать' (ФСРЯ, с. 143); *jack of all trades* (букв. 'мастер всех профессий') 'a person who knows how to do many different things, usually very well' (АНДИ, р. 446). Эти фразеологизмы представляют знающего и сведущего человека как человека, обладающего практическими навыками в нескольких сферах производственной деятельности.

Образы формирующих социоморфную макрометафору фразеологических единиц достаточно разнородны. Отстаивание своих идей и мнений осмысливается в терминах военной сферы (*не сдавать позиций* 'не отступать под давлением обстоятельств, не отказываться от своих принципов, мнений, слов' (OnlineCA); *stick to one's guns* (букв. 'держаться за свое оружие') 'hold fast to a statement, opinion, course of action' (АНДИ, р. 778)). Для описания попыток получения интересующей информации используются образы, относящиеся к рыбной ловле (*закидывать удочку* 'осторожно узнавать, предварительно разузнавать что-л.' (OnlineCA); *fishing expedition* (букв. 'рыболовная экспедиция') 'an attempt to find useful information by asking questions at random' (АНДИ, р. 272)). В подкорпусах обоих языков встречаются метафорические переносы из сферы настольных игр (*карты в руки* 'о знатоке, авторитете в чем-л.' (ФСРЯ, с. 106); *stand pat* (букв. 'не менять карт в покере') 'refuse to change one's position or opinion' (АНДИ, р. 771)) и сферы торговли (*кота в мешке купить* 'приобрести что-л., не видя и не зная качества покупаемого' (ФСРЯ, с. 120); *buy a pig in a poke* (букв. 'купить свинью в мешке') 'buy, get something without having seen it, without having carefully examined its quality' (БРАФС, с. 267)). Перечисленные сферы репрезентируются небольшим количеством фразеологических единиц и соотносятся с разными атрибутами знания. Тем не менее вовлеченность разнообразных сфер человеческой деятельности в формирование образных представлений, связанных с концептом знания, позволяет говорить об универсальности и высокой социальной значимости рассматриваемого феномена.

Использование образов социоморфной макрометафоры подчеркивает неразрывность индивида и социума и двусторонность связи между знанием и социальной средой: знание не только формируется в определенном социальном контексте, но и обеспечивает функционирование общества. Человек активно участвует в создании различных социальных образований и управлении ими, что делает эти структуры близкими, понятными и подходящими на роль домена – источника осмысления знания.

Фразеологизмы, репрезентирующие ориентационную макрометафору. Носителями обоих рассматриваемых языков знание нередко осмысливается по аналогии с опытом ориентации человека в пространстве, что формирует ориентационную макрометафору (16,1 % фразеологизмов в корпусе исследования). Важность взаимодействия со средой и ориентации в ней связана с природой человеческого восприятия и в первую очередь с тем, что человек – физическое существо. Английский и русский языки имеют тенденцию к схожему ориентационному осмыслению знания, что проявляется в наличии аналогичных метафорических моделей. Например, отсутствие достаточного объема знаний или неспособность ими

оперировать сравнивается с пребыванием человека в темноте: *блуждать/бродить в потемках* ‘пытаться найти нужный подход к чему-л., верное решение, не располагая необходимыми сведениями, знаниями, опытом’ (ФСРЯ, с. 214); *be in the dark* (букв. ‘быть в темноте’) ‘lack comprehension or understanding of something’ (БРАФС, с. 291). Нелепые рассуждения метафорически связываются с неправильным положением атрибутов мышления относительно их привычного расположения в пространстве: *мозги набекрень* ‘о том, кто действует, рассуждает неумно или нелепо’ (ФСРЯ, с. 153); *have one's head on backwards* (букв. ‘голова задом наперед’) ‘not think rationally, be odd in thinking’ (БРАФС, с. 329).

В представлении носителей рассматриваемых языков для постижения знания необходимо преодолеть некоторое расстояние или погрузиться на глубину: *добратся до сути* ‘достичь понимания, найти разгадку, решение’ (OnlineCA); *plumb the depths* (букв. ‘проникать в глубины’) ‘examine something very closely’ (АНДИ, р. 643). Ориентационной оппозиции *глубоко* – *мелко* уделяется особое внимание: тайные и сокровенные знания и усиленные размышления о чем-либо ассоциируются с глубиной (*углубиться в себя* ‘предаться глубоким размышлениям, совершенно не замечая окружающего’ (ФСРЯ, с. 299); *in the depth of one's heart* (букв. ‘в глубине сердца’) ‘internally, secretly, referring to one's innermost feelings, thoughts’ (БРАФС, с. 100)), тогда как недостаток знаний – с недостаточной глубиной, нахождением на поверхности (*мелко плавать* ‘не иметь достаточных данных (способностей, сил, знаний, опыта), чтобы совершить что-л. значительное’ (ФСРЯ, с. 145); *scratch the surface* (букв. ‘царапать поверхность’) ‘have only a superficial idea about some matter, not delve deeply into the essence’ (АНДИ, р. 710)).

Представляющие ориентационную макрометафору фразеологизмы нередко имеют в своей основе образ пути как доминанты ориентации в пространстве. Следование неверным мыслям под чьим-либо давлением метафорически связывается с вмешательством стороннего человека в выбранный маршрут (*свлечь с пути истинного* ‘заставить отступить от верных мыслей, убеждений, толкнуть на что-л. дурное’ (ФСРЯ, с. 231); *lead astray* (букв. ‘увести с пути’) ‘encourage somebody to behave in a silly or criminal way’ (БРАФС, с. 473)), а потребность сделать выбор, основываясь на собственных знаниях, соотносится с необходимостью определения дальнейшего пути (*стоять на распутье* ‘в состоянии сомнения, раздумья, не зная, как действовать, не решаясь сделать выбор’ (ФСРЯ, с. 238); *at the crossroads* (букв. ‘на распутье’) ‘be undecided, not know how to act at a time when one must make a decision’ (АНДИ, р. 47)).

Таким образом, пространство выступает в качестве одной из фундаментальных категорий для метафорического осмысления феномена «знание». Физический опыт ориентирования формирует упорядоченную систему представлений, которая используется для организации и структурирования этого абстрактного концепта. В силу того, что человек существует в трехмерном мире и он заключен в собственную физическую оболочку, представления о внешнем мире выступают богатым источником для образной интерпретации знания.

Фразеологизмы, репрезентирующие природоморфную макрометафору. В образном представлении феномена «знание» нередко используются результаты осмысления опыта взаимодействия с природными объектами и явлениями, что формирует природоморфную макрометафору (13,5 % фразеологизмов в корпусе исследования). С помощью аналогий из животного мира может отображаться как достаточно обширный объем знаний и опыта (*морской волк* ‘о старом, опытном моряке’ (ФСРЯ, с. 35); *wise old bird* (букв. ‘мудрая старая птица’) ‘experienced, worldly-wise person who is not easily fooled’ (БРАФС, с. 68)), так и их нехватка (*глуп как сивый мерин* ‘об очень глупом человеке’ (ФСРЯ, с. 146); *dumb as an ox* (букв. ‘глупый как бык’) ‘exceptionally foolish, dimwitted, unintelligent’ (БРАФС, с. 312)). В основе приведенных метафорических фразеологических единиц лежит перенос сложившихся в отдельной культуре стереотипных представлений о животных на человека. Такие единицы, как правило, несут в себе оценочную характеристику и нередко отличаются экспрессивной или эмотивной окрашенностью.

Образы, относящиеся к миру неживой природы, используются для описания отношения человека к доминирующим в обществе идеям и мыслям (*плыть против течения* ‘действовать наперекор сложившимся традициям, мнениям’ (OnlineCA); *swim with the tide* (букв. ‘плыть по течению’) ‘go along with prevailing opinion or thought’ (АНДИ, р. 793)), обоснованности утверждений (*строить на песке* ‘опираться на недостаточно надежные и проверенные данные в своих планах, рассуждениях’ (ФСРЯ, с. 195); *build on sand* (букв. ‘строить на песке’) ‘base on unreliable facts, approaches’ (АНДИ, р. 115)). Метафоры, основанные на аналогиях с неживой природой, обладают меньшей коннотативной окрашенностью, чем метафоры, построенные на сравнениях с представителями животного мира. Тем не менее в некоторых единицах также имплицитно оценивается, которая может быть подчеркнута при использовании в определенном контексте.

Подобно обществу и социальным процессам природа нередко выступает источником исходных понятий в осмыслении сферы знания. Природные образы являются одними из самых древних и наиболее существенных для человека и могут сообщать фразеологии знания высокий коннотативный потенциал.

Фразеологизмы, репрезентирующие артефактную макрометафору. Наименее продуктивными оказались модели, представляющие артефактную макрометафору (10,9 % фразеологизмов в корпусе

исследования). По мнению А. П. Чудинова, в основе таких метафор лежат результаты созидательной деятельности человека – артефакты [6, с. 78]. Артефактами, попавшими в ассоциативное поле знания у носителей обоих рассматриваемых языков, стали созданные человеком механизмы и особенности их функционирования. Например, неспособность здраво мыслить и рассуждать отождествляется с поломкой, неисправностью механизма: *винтиков не хватает* ‘о глуповатом, странном человеке’ (ФСРЯ, с. 30); *slip a cog* (букв. ‘соскочила шестеренка’) ‘lose the ability to reason soundly or make correct judgments’ (АНДИ, р. 747). Присутствующие в сознании мысли могут ассоциироваться с элементами рукотворных конструкций, а усиленные попытки донесения информации до кого-либо – с размещением таких элементов в нужном месте (*гвоздем засест в голове/мозгу* ‘о неотвязной мысли, неотвязном вопросе’ (ФСРЯ, с. 46); *hammer home* (букв. ‘вбить на место (гвоздь)’) ‘try extremely hard to make someone understand or realize something’ (OnlineCA)).

В артефактной метафоре задействуется образ книги как кумулятора накопленных человеком знаний. В основе таких метафор лежит прием одушевления, и используются они по отношению к человеку, обладающему внушительным объемом знаний: *ходячий справочник* ‘о человеке, много знающем, у которого можно получить сведения по каким-л. вопросам’ (ФСРЯ, с. 273); *walking dictionary* (букв. ‘ходячий словарь’) ‘a very knowledgeable person’ (АНДИ, р. 882).

Артефактные образы являются разнородными и реализуются единичными фразеологизмами. В русском языке для описания обладания знанием используются образы из ремесленной (*не лыком шит* ‘о человеке, не лишенном способностей, знаний, умения держать себя’ (ФСРЯ, с. 138)) и кулинарной (*тертый калач* ‘об опытном, выдавшем виды человеке’ (ФСРЯ, с. 104)) сфер. В английской фразеологии представлены образы зданий и их внутреннего устройства (*have nothing upstairs* (букв. ‘не иметь ничего на верхнем этаже’) ‘be very dull-witted, foolish’ (БРАФС, с. 705)), а также средств передвижения (*train of thought* (букв. ‘поезд мыслей’) ‘a succession of connected ideas, a path of reasoning’ (АНДИ р. 852)).

Относительная немногочисленность относящихся к артефактной макрометафоре фразеологических единиц свидетельствует о немногочисленности ассоциативных связей между сферой знания и предметами, созданными руками человека.

Заключение

Когнитивный подход к изучению метафоры позволяет выявить метафорические структуры разного уровня обобщения – макрометафоры и конкретизирующие их концептуальные метафоры, которые используются при образном осмыслении феномена «знание» в русской и английской фразеологии.

Результаты исследования показывают, что онтологическая, ориентационная, антропоморфная, социоморфная, природоморфная и артефактная макрометафоры задействуются в формировании представлений о знании, однако прослеживается их неодинаковая продуктивность. Знание наиболее часто метафоризируется по онтологической модели (22,6 % фразеологизмов), что связано с высокой степенью важности для человека опыта обращения с материальными предметами. Онтологическая метафора выступает основным инструментом систематизации и категоризации абстрактных, сформированных умозрительным путем понятий сферы знания. Несколько реже используются антропоморфная (19,1 % фразеологизмов), социоморфная (17,8 % фразеологизмов) и ориентационная (16,1 % фразеологизмов) макрометафоры, это объясняется неразрывной связью индивида и лежащих в основе названных макрометафор сущностей. Так, антропоцентричность суждений человека о мире и тенденция осмысливать сложные ментальные особенности в терминах более простых и наглядных физиологических особенностей обусловили достаточно частое использование антропоморфной макрометафоры. Восприятие человека как существа не столько биологического, сколько социального, вовлеченного в общественные образования и общее взаимодействие с другими людьми, становится основой для использования социоморфной макрометафоры. Осознание человеком самого себя в трехмерной плоскости задает определенные алгоритмы для ассоциирования абстрактных феноменов с представлениями об ориентировании в пространстве и способствует становлению ориентационной макрометафоры. Сравнительно редко задействуется природоморфная (13,5 % фразеологизмов) и артефактная (10,9 % фразеологизмов) макрометафоры. Представляется обоснованным объяснить это тем, что сферы знания и природы, предметов, сделанных человеком, в сознании носителей языка мало связаны. Тем не менее наличие таких моделей осмысления свидетельствует о важности для человека как природы, являющейся древнейшей средой его становления, так и собственноручно созданных человеком объектов, материализующих накопленные им знания.

Использованная классификация и примененный метод семантико-когнитивного анализа позволяют выявить сходства и различия в метафорической интерпретации феномена «знание» в двух рассматриваемых языковых и культурных контекстах, а также определить тематические области, которые становятся доменами – источниками для концептуализации домена знания. Присутствие всех видов

макрометафор – онтологической, ориентационной, антропоморфной, социоморфной, природоморфной и артефактной – указывает на богатство и разнообразие способов метафорического представления знания в обоих языках. Разница в удельном весе относящихся к названным макрометафорам фразеологизмов может быть объяснена характером самого концепта, его абстрактностью и общей сложностью восприятия. Проведенное исследование показывает сложность и неразрывность связи языка, культуры и мыслительных механизмов в актах создания образной фразеологии знания. Полученные результаты могут способствовать дальнейшему изучению метафорического мышления в различных языковых и культурных контекстах.

Сокращения

AHDI – The American heritage dictionary of idioms / ed. by Ch. Ammer. 2nd ed. Boston ; N. Y. : Houghton Mifflin Harcourt, 2013. 920 p. ; **OnlineCA** – Словари и энциклопедии на Академике // Академик : сайт. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 20.01.2024) ; **БРАФС** – Лубенская С. И. Большой русско-английский фразеологический словарь. 2-е изд. М. : АСТ-пресс, 2004. 1056 с. ; **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / сост.: А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2008. 334 с.

Библиографические ссылки

1. Прокопчук ОГ. Развитие представлений о метафоре в античной риторической традиции (Аристотель и Квинтилиан). *Вестник БДУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика*. 2009;2:75–78.
2. Ричардс А. *Теория метафоры*. Арутюнова НД, Журина МА, редакторы. Москва: Прогресс; 1990. Философия риторики; с. 44–67.
3. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press; 2003. 243 p.
4. Fauconnier G, Turner M. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books; 2008. 488 p.
5. Баранов АН. *Дескрипторная теория метафоры*. Москва: Языки славянской культуры; 2014. 632 с.
6. Чудинов АП. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет; 2003. 248 с.
7. Чудинов АП. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет; 2001. 238 с.
8. Будаев ЭВ, Чудинов АП. *Метафора в политической коммуникации*. Москва: Флинта; 2008. 248 с.
9. Скребцова ТГ. *Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы*. Москва: ЯСК; 2018. 392 с.
10. Киселева СВ. Очерки по когнитивной теории концептуальной метафоры. *Ученые записки Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права*. 2012;19:33–42.
11. Ritchie D. «Argument is war» – or is it a game of chess? Multiple meanings in the analysis of implicit metaphors. *Metaphor and Symbol*. 2003;18(2):125–146. DOI: 10.1207/S15327868MS1802_4.
12. Coulson S. The Menendez brothers virus: analogical mapping in blended spaces. In: Goldberg A, editor. *Conceptual structure, discourse and language*. Palo Alto: CSLI; 1996. p. 143–158.
13. Musolf A. Metaphor in political dialogue. *Language and Dialogue*. 2011;1(2):191–206. DOI: 10.1075/ld.1.2.02mus.
14. Гутовская МС. К проблеме выбора фразеологического концепта для лингвокогнитивного изучения. *Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология*. 2013;3:13–20.
15. Шайбакова ДВ. Русская и английская фразеология с семантикой 'знание'/'knowledge': оценка перспективности изучения в свете когнитивной метафоры. У: Навумава ГУ, рэдактар. *Мова і літаратура. Матэрыялы 80-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ; 27 красавіка 2023 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2023. с. 116–119.
16. Гутовская МС. Контрастивно-лексикографический метод установления составов фразеосемантических полей в сопоставительных лингвокогнитивных исследованиях. *Вестник БГУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика*. 2013;2:34–41.
17. Попова ЗД, Стернин ИА. *Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания*. Москва: УРСС; 2010. 171 с.
18. Арутюнова НД. Введение. В: Арутюнова НД, Левонтина ИБ, редакторы. *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. Москва: Индрик; 1999. с. 3.

References

1. Prokopchuk OG. Evolution of notions about metaphor in classic rhetorical tradition (Aristotle and Quintilian). *Vesnik BDU. Seriya 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2009;2:75–78. Russian.
2. Richards A. *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Arutyunova ND, Zhurinskaya MA, editors. Moscow: Progress; 1990. [The philosophy of rhetoric]; p. 44–67. Russian.
3. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press; 2003. 243 p.
4. Fauconnier G, Turner M. *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books; 2008. 488 p.
5. Baranov AN. *Deskriptornaya teoriya metafory* [The descriptive theory of metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2014. 632 p. Russian.

6. Chudinov AP. *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii* [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2003. 248 p. Russian.
7. Chudinov AP. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2001. 238 p. Russian.
8. Budaev EV, Chudinov AP. *Metafora v politicheskoi kommunikatsii* [Metaphor in political communication]. Moscow: Flinta; 2008. 248 p. Russian.
9. Skrebtsova TG. *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody* [Cognitive linguistics: classical theories, new approaches]. Moscow: YaSK; 2018. 392 p. Russian.
10. Kiseleva SV. [Essays on the cognitive theory of conceptual metaphor]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo instituta vnesh-neekonomicheskikh svyazei, ekonomiki i prava*. 2012;19:33–42. Russian.
11. Ritchie D. «Argument is war» – or is it a game of chess? Multiple meanings in the analysis of implicit metaphors. *Metaphor and Symbol*. 2003;18(2):125–146. DOI: 10.1207/S15327868MS1802_4.
12. Coulson S. The Menendez brothers virus: analogical mapping in blended spaces. In: Goldberg A, editor. *Conceptual structure, discourse and language*. Palo Alto: CSLI; 1996. p. 143–158.
13. Musolff A. Metaphor in political dialogue. *Language and Dialogue*. 2011;1(2):191–206. DOI: 10.1075/ld.1.2.02mus.
14. Gutovskaya MS. On the problem of choosing a phraseological concept for linguistic cognitive study. *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1, Philology*. 2013;3:13–20. Russian.
15. Shaibakova DV. [Russian and English phraseology with the semantics of ‘знание’/‘knowledge’: assessment of the prospects of studying in the light of cognitive metaphor]. In: Navumava GU, editor. *Mova i litaratura. Matjeryjaly 80-j navukovaj kanferjencyi studjentaŭ i aspirantaŭ filalogičnaga fakul’tjeta BDU; 27 krasavika 2023 g.; Minsk, Belarus* [Language and literature. Proceedings of the 80th scientific conference of students and postgraduates students of the faculty of philology of the Belarusian State University; 2023 April 27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2023. p. 116–119. Russian.
16. Gutovskaya MS. Contrastive-lexicographical method for determination of phraseological fields’ constituents in contrastive cognitive linguistic study. *Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2013;2:34–41. Russian.
17. Popova ZD, Sternin IA. *Leksicheskaya sistema yazyka: vnutrennyaya organizatsiya, kategorial’nyi apparat i priemy opisaniya* [The lexical system of the language: internal organisation, categorical apparatus and methods of description]. Moscow: URSS; 2010. 171 p. Russian.
18. Arutyunova ND. [Introduction]. In: Arutyunova ND, Levontina IB, editors. *Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul’ture i yazyke* [Logical analysis of language. The image of a person in culture and language]. Moscow: Indrik; 1999. p. 3. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.04.2024.
Received by editorial board 01.04.2024.

УДК 811.161.1'373 + 811.581'373

ЧАСТОТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕТАЯЗЫКОВЫХ СЛОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ (ПО ДАННЫМ ЧАСТОТНЫХ СЛОВАРЕЙ)

ГАО ВАНЬЖОУ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проанализированы частотные характеристики метаязыковых лексем, отобранных методом сплошной выборки из первой тысячи слов частотных словарей русского и китайского языков. Сопоставлена актуальность языковых и коммуникативных явлений в ситуациях метаязыковой рефлексии на русском и китайском языках. Определены обыденные представления о важности коммуникативных действий, устных или письменных текстов и единиц языка, зафиксированные в частотных характеристиках метаязыковых лексем. Установлены сходства и различия в семантических и количественных закономерностях метаязыковых лексем. Показано, что частотность метаязыковой лексемы отражает активность ее использования в коммуникации и может передавать наивнолингвистические знания о русской и китайской лингвокультурах.

Ключевые слова: метаязык; метаязыковая лексема; метаязыковая функция языка; лингвокультура; наивная лингвистика; частотный словарь.

ЧАСТОТНЫЯ ХАРАКТАРЫСТЫКІ МЕТАМОЎНЫХ СЛОЎ У РУСКАЙ І КІТАЙСКОЙ МОВАХ (ПА ДАДЗЕННЫХ ЧАСТОТНЫХ СЛОЎНІКАЎ)

ГАО ВАНЬЖОЎ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Прааналізаваны частотныя характарыстыкі метамоўных лексем, адабраных метадам суцэльнай выбаркі з першай тысячы слоў частотных слоўнікаў рускай і кітайскай моў. Супастаўлена актуальнасць моўных і камунікатыўных з'яў у сітуацыях метамоўнай рэфлексіі на рускай і кітайскай мовах. Вызначаны звычайныя ўяўленні аб важнасці камунікатыўных дзеянняў, вусных або пісьмовых тэкстаў і адзінак мовы, зафіксаваныя ў частотных характарыстыках метамоўных лексем. Устаноўлены падабенства і адрозненні ў семантычных і колькасных заканамернасцях метамоўных лексем. Паказана, што частотнасць метамоўнай лексемы адлюстроўвае актыўнасць яе выкарыстання ў камунікацыі і можа перадаваць наіўналінгвістычныя веды аб рускай і кітайскай лінгвакультурах.

Ключавыя словы: метамова; метамоўная лексема; метамоўная функцыя мовы; лінгвакультура; наіўная лінгвістыка; частотны слоўнік.

Образец цитирования:

Гао Ваньжоу. Частотные характеристики метаязыковых слов в русском и китайском языках (по данным частотных словарей). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2024;2:51–59.
EDN: EDMOND

For citation:

Gao Wanrou. Frequency characteristics of meta-language words in Russian and Chinese languages (according to frequency dictionaries data). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2024;2:51–59. Russian.
EDN: EDMOND

Автор:

Гао Ваньжоу – аспирантка кафедры прикладной лингвистики филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Т. В. Бобко.

Author:

Gao Wanrou, postgraduate student at the department of applied linguistics, faculty of philology.
gagagladyssss@gmail.com

FREQUENCY CHARACTERISTICS OF META-LANGUAGE WORDS IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES (ACCORDING TO FREQUENCY DICTIONARIES DATA)

GAO WANROU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article analyses the frequency characteristics of meta-language lexemes selected by the method of continuous sampling from the first thousand words in Russian and Chinese frequency dictionaries. The aim of the study is to compare the relevance of linguistic and communicative phenomena in situations of meta-language reflection in Russian and Chinese languages. Common perceptions regarding the importance of communicative actions, oral or written texts, and language units were identified, as recorded in the frequency characteristics of meta-language lexemes. Similarities and differences in the semantic and quantitative patterns of the meta-language lexemes were established. It has been shown that the frequency of meta-language lexeme reflects its active use in communication and can convey naive linguistic knowledge in Russian and Chinese linguocultures.

Keywords: meta-language; meta-language lexeme; meta-language function of language; linguoculture; naive linguistics; frequency dictionary.

Введение

Термин «метаязык», появившийся, как известно, в рамках математической логики в 1930-х гг., активно использовался в философских, семиотических и лингвистических исследованиях. В лингвистике под метаязыком понимают два различных феномена. Во-первых, метаязык – это инструмент научного описания естественного языка: он рассматривается как язык второго порядка по отношению к языку-объекту¹. Во-вторых, метаязык трактуется как система средств естественного языка, позволяющая его носителям говорить о языке в ситуациях метаязыковой рефлексии. Впервые на способность языка создавать язык о языке обратил внимание Р. О. Якобсон, предложивший термин «метаязыковая функция языка». Он указывал, что метаязыковая функция выступает в качестве одной из шести функций языка и проявляется в ситуациях, когда внимание коммуникантов направлено на код сообщения [1]. Таким образом, язык располагает как системой терминов, необходимых для научного описания самого себя, так и системой обыденных лексических и грамматических средств, предназначенных для создания метаязыкового комментария речи. В повседневном общении метаязыковые средства используются, когда говорящий сталкивается с трудностями языковой коммуникации (например, при разговоре с ребенком, иностранцем или любым другим человеком, не вполне владеющим данным языком, стилем, профессиональной разновидностью языка или арго) либо оценивает слово или его уместность в речи, мотивирует свой выбор, подчеркивает индивидуальные оттенки смысла².

Н. Д. Арутюнова рассматривает метаязыковую функцию языка как нерефлектирующую рефлексии говорящих, «спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как *язык, речь, слово, смысл, значение, говорить, молчать* и др.» [2, с. 7]. В данном определении подчеркивается важный аспект метаязыковой рефлексии: она может иметь спонтанный, неосознанный характер и демонстрировать повседневное знание о языке и коммуникации – представления, взгляды и мнения обычных носителей языка, которые складываются по мере развития этноса и аккумулируются в системе метаязыковых средств языка. По словам И. Б. Шатуновского, «человек уже произвел первичный философский, психологический, логический, а также лингвистический анализ, и результаты его отражены и закреплены в языке» [3, с. 21]. Этот лингвистический анализ выступает ядром наивной лингвистики, базой для дальнейшей эксплицитной метаязыковой рефлексии, которая осуществляется в целенаправленных развернутых комментариях по поводу языка или его единиц.

Метаязыковая система языка в последние годы постоянно привлекает внимание лингвистов, поскольку позволяет установить, как осуществляется мониторинг речевой деятельности, в частности как говорящий относится к языковым единицам. Можно отметить следующие направления изучения метаязыковых единиц. В монографии М. Р. Шумариной на материале художественной речи метаязыковая лексика интерпретируется как показатель деятельности обыденного метаязыкового сознания (индивидуального

¹Гвишиани Н. Б. Метаязык // Лингвист. энциклопед. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 297.

²Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : пособие. М. : Аспект-пресс, 2000. С. 20.

и коллективного), выделяются его уровни и конструируются обыденные метаязыковые представления [4]. И. Т. Вепрева на примере публицистических текстов анализирует оценочные функции метаязыковых единиц, которые передают изменения ценностей и мировоззрения говорящих [5]. В работе В. Б. Кашкина метаязыковые единицы толкуются как отражение восприятия языка с точки зрения наивной лингвистики: каждый пользователь языка имеет своеобразную личную теорию, в которой описывает собственный взгляд на язык, его единицы, особенности их применения в речи [6, с. 4]. Кроме того, автор рассматривает отношение наивной лингвистики к процессам обучения иностранному языку и перевода (ситуации языковых контрастов). М. С. Гутовская уделяет внимание отражению в лексико-фразеологической системе языка народного и научного знания о языке и речи и выявляет этнокультурную специфику русских и английских метаязыковых обозначений [7]. Таким образом, исследование метаязыковых единиц позволяет зафиксировать наивные знания о языке и коммуникации, эксплицировать механизмы работы метаязыкового сознания и определить этнокультурные особенности метаязыковой системы языка.

Материалы и методы исследования

Метаязыковые лексемы – это слова, «с помощью которых говорящий может говорить о самом языке и его элементах» [8, с. 49]. В статье рассматриваются частотные характеристики русских и китайских метаязыковых лексем по данным частотных словарей. Место лексемы в таком словаре отражает степень ее употребительности в коммуникации. Следовательно, частотная характеристика может использоваться как показатель значимости соответствующих наивнолингвистических знаний в процессе общения: чем чаще встречается та или иная метаязыковая лексема, тем чаще в фокусе внимания говорящих оказывается определенная единица языка или коммуникативное явление. Цель статьи – сопоставление зафиксированных в частотных характеристиках метаязыковых слов обыденных представлений о важности языковых и коммуникативных феноменов в русской и китайской лингвокультурах.

Объектом исследования выступили метаязыковые лексемы, отобранные методом сплошной выборки из первой тысячи слов частотных словарей современного русского и китайского языков, предметом – закономерности в их частотном распределении. Сопоставительный аспект работы позволил выявить лингвокультурные факторы сходств и отличий частотных свойств метаязыковых лексем и тем самым определить существенные характеристики русских и китайских наивнолингвистических знаний. Материал взят из изданий «Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)»³ и «Сяньдай ханьюй пиньлюй цидянь» («Частотный словарь современного китайского языка»)». Для перевода китайских метаязыковых лексем на русский язык использован сайт «Большой китайско-русский словарь»⁵.

При отборе материала необходимо было решить ряд задач, связанных как со специфической организацией частотных словарей, так и со структурными особенностями китайского языка. Трудности заключались в следующем.

1. Поскольку частотный словарь приводит только леммы, слова, первое значение которых в толковом словаре не является метаязыковым, не анализировались (метаязыковые значения рус. *ходить* и кит. 声 ‘звук’, 声音 ‘звук’ переносные).

2. Метаязыковые лексемы русского и китайского языков не всегда эквивалентны. Кроме того, они могут иметь несколько значений, у которых нет прямого аналога в другом языке, что затрудняет сопоставление семантики слов и их перевод (значения кит. 叫 ‘кричать (о человеке); называться»⁶ в русском языке несут две лексемы).

3. Различие частеречных характеристик метаязыковых слов обусловлено разными типологическими чертами русского и китайского языков: если для русского языкознания выделение метаязыковых имен и глаголов речи не представляет сложности, то в китайской лингвистике фиксируются слова с несколькими грамматическими категориями (兼类词 «цзяньлэйцзы»). Например, кит. 要求 может употребляться и как глагол ‘требовать’, и как отглагольное существительное ‘требование’. Этот факт усложняет задачу по классификации и сопоставлению отобранных метаязыковых лексем: количество лексем частотного словаря русского языка превышает число лексем частотного словаря китайского языка.

Сегодня проблема выделения частей речи в китайском языке продолжает считаться достаточно сложной [9]. Первый грамматический труд «Ма ши вэнь тун» («Грамматика письменного языка»), опубликованный в 1898 г., соответствовал индоевропейским грамматическим стандартам. В 1940-х гг.

³Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1087 [2] с.

⁴Частотный словарь современного китайского языка / Ин-т лингвист. исслед. Пекин: Пекин. ун-т яз. и культуры, 1986. 1491 с. (на кит.).

⁵Большой китайско-русский словарь: сайт. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 30.12.2023).

⁶Там же.

лингвисты, в том числе Люй Шусян и Ван Ли, стремились отойти от индоевропейских моделей и изучить уникальные особенности китайского языка. Поскольку он является изолирующим, при выделении грамматических категорий слов учитываются их семантика и синтаксическая функция. В книге «Сянь дай хань юй» («Современный китайский язык»), одной из ведущих работ в области китаеведения, 14 частей речи делятся на знаменательные и служебные слова [10, с. 8]. Глаголы обозначают действие, поведение, психическую активность или существование [10, с. 10], существительные – лицо, предмет, время и место [10, с. 9]. Частеречная принадлежность лексем указывается в частотном словаре китайского языка. Таким образом, следуя традиции китайской лексикографии, при анализе отобранного материала мы ориентировались на данные словаря.

4. Частотный словарь русского языка включает лексемы, составляющие видовые пары (*говорить* – *сказать*, *отвечать* – *ответить*, *называть* – *назвать*, *рассказывать* – *рассказать*, *просить* – *попросить*, *спросить* – *спрашивать*). В китайском языке такое грамматическое различие отсутствует: соответствующие значения могут принадлежать разным лексемам (кит. 说 ‘говорить’, 告诉 ‘сказать’) или одной лексеме, не дифференцируясь в толковом словаре, причем разница видовых форм видна лишь при переводе (у кит. 请 ‘просить’ значение ‘попросить’ указано только в примере *попросите его сюда, пусть войдет!*⁷).

5. Так как количество значений метаязыковых лексем и их дефиниции не совпадают полностью, сопоставлялись первые указанные в толковом словаре значения. В противном случае анализ нужно производить не по лексемам, а по их значениям, однако частотный словарь не дает такой возможности. Поскольку в работе рассматриваются только лексемы, зафиксированные в обоих словарях, подобное решение представляется вполне оправданным. При этом первые значения лексем могут не быть тождественными (рус. *говорить*, *объяснить* – кит. 讲 ‘говорить, объяснять’; рус. *говорить* – 说 ‘говорить’, 讲 ‘говорить, объяснять’).

Отбор и систематизация материала выполнялись следующим образом. В первой тысяче слов частотных словарей обоих языков выделялись десять частотных групп (рангов) по 100 ед. Из этих групп методом сплошной выборки извлекались метаязыковые лексемы – 50 русских слов и 32 китайских слова. Установлена любопытная закономерность: доля метаязыковых лексем среди первой тысячи слов в обоих частотных словарях сходна (5,0 % для русского языка и 3,2 % для китайского языка), что свидетельствует о примерно одинаковой их активности. Иначе говоря, ситуации метаязыковой рефлексии и в русской, и в китайской речи являются достаточно редкими. Количественная диспропорция объясняется разными типологическими характеристиками русского и китайского языков и их семантической спецификой. Возможно, различия в толковании вызваны лексикографическими традициями. Затем в соответствии с классификацией метаязыковых средств языка, приведенной в статье Н. Б. Мечковской и Н. М. Гуриной [11, с. 61], отобранные лексемы были классифицированы по четырем семантическим группам: 1) названия актов и процессов коммуникации; 2) названия видов сообщений и их элементов; 3) названия кода, его элементов и характеристик; 4) названия адресанта и адресата.

Результаты и их обсуждение

Сравнивая семантические характеристики метаязыковых лексем русского и китайского языков (см. таблицу), обнаруживаем, что самую многочисленную группу (50,0 % русских слов и 62,5 % китайских слов) составляют глаголы речи – названия актов и процессов коммуникации. Существительные – названия видов сообщений и их элементов (результатов коммуникации в виде письменного или устного текста) представлены в меньшей степени (34 % русских слов и 25 % китайских слов). Имена – названия кода, его элементов и характеристик (языка и его единиц) формируют только небольшую часть метаязыковых лексем (14,0 % русских слов и 12,5 % китайских слов). Самую малочисленную группу (2 % русских слов) образуют названия адресанта и адресата.

Таким образом, доля метаязыковых лексем каждой семантической группы одинакова в частотных словарях русского и китайского языков, что свидетельствует о сходной активности употребления наименований как коммуникативных действий и процессов, так и результатов коммуникации и единиц языка в процессе общения. Другими словами, говорящие в ситуациях метаязыковой рефлексии чаще всего обозначают речевые действия (вероятно, из-за того, что они маркируют коммуникативные интенции), реже фокусируют внимание на названиях сообщений и лишь иногда – на названиях языка и его единиц. Любопытно, что для них наименования самих участников коммуникативного акта (адресанта и адресата) не являются важными: в частотном словаре русского языка зафиксировано только обозначение слушающего, а в частотном словаре китайского языка не отмечено ни одного подобного обозначения. Появление в первой тысяче слов частотного словаря русского языка лексемы *слушатель*, отсутствие лексемы *читатель* и названий говорящего или пишущего дают возможность для интерпретации степени их важности в обыденной метаязыковой рефлексии.

⁷Большой китайско-русский словарь : сайт. URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 30.12.2023).

Семантические и частотные группы метаязыковых лексем русского и китайского языков

Semantic and frequency groups of meta-linguistic lexemes of Russian and Chinese languages

Семантическая группа	Частотная группа	Русский язык	Китайский язык
Названия актов и процессов коммуникации	1–100	<i>сказать, говорить</i>	说 ‘говорить’, 叫 ‘кричать, вскрикивать, восклицать (о человеке)’
	101–200	<i>спросить</i>	问 ‘спрашивать, расспрашивать’
	201–300	<i>ответить</i>	讲 ‘говорить, объяснять’
	301–400	<i>читать, называть</i>	告诉 ‘сказать (кому-л. что-л.), сообщить, информировать, уведомить, оповестить’, 请 ‘просить’, 要求 ‘требовать, требование’, 反对 ‘противостоять’, 谈 ‘беседовать, разговаривать’
	401–500	<i>отвечать, рассказывать, рассказать</i>	喊 ‘громко кричать, выкрикивать’
	501–600	<i>просить, спрашивать, называть, требовать</i>	唱 ‘петь, вести мелодию (голос)’, 批评 ‘критиковать, давать отзыв’, 论 ‘обсуждать; рассматривать; судить (о чем-л.)’
	601–700	—	回答 ‘отвечать, ответ’
	701–800	<i>объяснить, заявить, кричать</i>	—
	801–900	<i>предлагать, молчать, согласиться, сообщить, петь, попросить, выступить, называться</i>	读 ‘читать’, 表示 ‘предлагать’
	901–1000	<i>звать</i>	叫做 ‘называться, именоваться, носить имя’, 说明 ‘объяснить, охарактеризовать, пояснить; комментировать; пояснение’, 答应 ‘отзываться, откликаться’, 指出 ‘отметить, указать, обозначить’
Названия видов сообщений и их элементов	1–100	—	问题 ‘вопрос’
	101–200	<i>вопрос</i>	—
	201–300	<i>книга, статья</i>	—
	301–400	<i>письмо, разговор, ответ, информация, совет</i>	书 ‘книга’
	401–500	<i>газета</i>	—
	501–600	—	信 ‘письмо’
	601–700	<i>договор</i>	文章 ‘статья’
	701–800	<i>песня, требование, роман, стихи, литература</i>	文学 ‘литература’, 歌 ‘песня’
	801–900	<i>текст</i>	—
	901–1000	<i>рассказ</i>	消息 ‘новость, известие, сообщение, информация, весть’, 报 ‘газета’
Названия кода, его элементов и характеристик	1–100	<i>слово</i>	话 ‘слова, выражения, высказывание, фраза’
	201–300	<i>голос</i>	—
	301–400	<i>язык, смысл</i>	句 ‘предложение’, 字 ‘цзы’ ‘элементарная односложная единица китайского письменного и устного языка, иероглиф’
	401–500	<i>речь</i>	—
	501–600	<i>значение</i>	—
	701–800	<i>название</i>	意思 ‘значение, смысл’
Названия адресанта и адресата	601–700	<i>слушатель</i>	—

Семантические характеристики метаязыковых лексем, вошедших в первую тысячу слов частотных словарей обоих языков, обсуждались нами ранее в работе [12]. В настоящей статье сопоставляются их частотные характеристики, чтобы определить, насколько активны в русской и китайской речи метаязыковые обозначения разных аспектов коммуникативного процесса, а именно процессов коммуникации, ее результатов (текстов) и единиц языка.

Метаязыковые лексемы разделены на высокочастотные (ранг 1–300), среднечастотные (ранг 301–700) и низкочастотные (ранг 701–1000). Для сопоставительного анализа сформированы следующие три группы лексем: 1) русские и китайские слова, имеющие одинаковую частотность (высокую, среднюю или низкую); 2) русские и китайские слова, имеющие различную частотность; 3) русские и китайские слова, которые присутствуют в первой тысяче слов одного словаря, но отсутствуют в первой тысяче слов другого словаря.

Русские и китайские слова, имеющие одинаковую частотность. К одинаково высокочастотным русским и китайским словам относятся названия актов и процессов коммуникации (рус. *говорить* – кит. 说 ‘говорить’, 讲 ‘говорить, объяснять’), видов сообщений и их элементов (рус. *вопрос* – кит. 问题 ‘вопрос’). Они используются в повседневной жизни и обозначают речевую деятельность в самом общем виде. Степень употребительности универсального наименования речевой деятельности – глагола говорения соответствует его роли в коммуникации и обыденным представлениям о ней носителей обоих языков. Высокочастотными являются также наиболее общие обозначения такого речевого акта, как вопрос, при этом словари фиксируют существительные (вопрос как результат коммуникации). Можно предположить, что в ситуациях метаязыковой рефлексии речевой акт вопроса чаще, чем другие виды речевых актов, оказывается в фокусе внимания: акцент в паре «говорящий – слушающий» смещается на фигуру говорящего.

К одинаково среднечастотным русским и китайским словам относятся названия актов и процессов коммуникации (рус. *отвечать* – кит. 回答 ‘отвечать, ответ’; рус. *просить* – кит. 请 ‘просить’; рус. *требовать* – кит. 要求 ‘требовать, требование’), видов сообщений и их элементов (рус. *письмо* – кит. 信 ‘письмо’). Состав среднечастотных слов, обозначающих коммуникативные процессы, показывает, что важными для говорящих являются наименования ответов, просьб и требований. Как и высокочастотные слова, они указывают на самые общие характеристики речевых действий без конкретизации их иллокутивной силы. Высокая употребительность обозначений просьбы и требования демонстрируют особое внимание носителей обоих языков к говорящему. При этом словари фиксируют названия директивных речевых актов, которые различаются интенсивностью совершения речевого действия и статусом коммуникантов, что говорит о схожести представлений о коммуникативных практиках и социальных нормах общения в русской и китайской лингвокультурах. В речевом акте ответа акцент смещен на фигуру слушающего, которая реже попадает в фокус метаязыковой рефлексии, чем фигура говорящего. В группе лексем, обозначающих сообщения, совпадают наименования письма, которые выступают наиболее общими, а значит, наиболее важными для говорящих понятиями письменной коммуникации. Общее обозначение устной коммуникации как разговора отмечено только в словаре русского языка, а в словаре китайского языка его нет, вероятно, в силу уже упомянутой грамматической многозначности китайских лексем (в словаре присутствует слово 谈 ‘беседовать, разговаривать’, но значение ‘разговор’ не является первым)⁸.

К одинаково низкочастотным русским и китайским словам относятся названия актов и процессов коммуникации (рус. *объяснить* – кит. 说明 ‘объяснить, охарактеризовать, пояснить; комментировать; пояснение’; рус. *называться* – кит. 叫做 ‘называться, именоваться, носить имя’; рус. *предлагать* – кит. 表示 ‘предлагать’), видов сообщений и их элементов (рус. *литература* – кит. 文学 ‘литература’; рус. *песня* – 歌 ‘песня’). Низкочастотными, по данным обоих словарей, являются более специализированные обозначения речевых действий, связанные с поиском и присвоением номинаций, разъяснением или предложением чего-либо. Среди названий видов сообщений выделяются общие наименования произведений словесного искусства и песенного жанра.

Совпадающие по частотным характеристикам лексемы в основном не обозначают специфические процессы или факты коммуникации и могут относиться к обоим ее аспектам – устной (кроме названий письма и литературы) и письменной (кроме глаголов говорения) речи. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о степени важности для русских и китайских говорящих одних и тех же явлений коммуникативного процесса, которые обнаруживаются в ходе мониторинга и контроля речевой деятельности, а также о сходстве обыденных метаязыковых и метакоммуникативных представлений.

Русские и китайские слова, имеющие различную частотность. Лексемы этой группы показывают, какие языковые и коммуникативные явления чаще выделяются носителями русской либо китайской

⁸Словарь современного китайского языка / Ин-т лингвистики Кит. Акад. соц. наук. Пекин : Коммерч. пресса, 2016. С. 1268 (на кит.).

лингвокультуры, и позволяют увидеть отличия в важности тех или иных аспектов речевой деятельности для метаязыковой рефлексии.

К русским лексемам, которые встречаются чаще, чем китайские, относятся названия актов и процессов коммуникации (*сказать, читать*), видов сообщений и их элементов (*книга, статья, газета*), языка и его единиц (*слово, значение, смысл*). В число соответствующих китайских лексем входят названия актов и процессов коммуникации (叫 ‘кричать, вскрикивать, восклицать (о человеке)’, 问 ‘спрашивать, расспрашивать’, 喊 ‘громко кричать, выкрикивать’, 唱 ‘петь, вести мелодию (голос)’).

Отметим, что среди русских обозначений процессов коммуникации, имеющих более высокую частотность, встречаются названия результата говорения и процесса чтения, среди китайских – названия вопроса (с акцентом на многократности), устной коммуникации (с акцентом на повышении громкости или тона голоса). В фокус внимания попадает и особый вид речевой деятельности – пение. Лексемы, обозначающие виды сообщений, называют только жанры письменной коммуникации, при этом русские слова более частотны, чем китайские. Среди лексем, называющих языковые единицы, зафиксированы только наименования номинативной единицы языка, что соответствует представлениям о слове как о центральной единице языка в наивной лингвистике, при этом рус. *слово* употребляется чаще, чем кит. 字 «цзы» ‘элементарная односложная единица китайского письменного и устного языка, иероглиф’. Обозначения плана содержания языка в русской речи также встречаются чаще, чем в китайской.

Русские и китайские слова, которые присутствуют в первой тысяче слов одного словаря, но отсутствуют в первой тысяче слов другого словаря. Лексемы этой группы указывают на те явления языка или коммуникации, которые в процессе мониторинга и контроля речевой деятельности находятся в фокусе внимания говорящих на одном языке, но как бы не замечаются говорящими на другом языке.

К русским лексемам, присутствующим в первой тысяче слов частотного словаря, относятся названия актов и процессов коммуникации (*спросить, ответить, рассказывать, рассказать, называть, назвать, заявить, молчать, согласиться, сообщить, попросить, выступить, звать*), видов сообщений и их элементов (*разговор, ответ, информация, совет, договор, требование, роман, стихи, текст, рассказ*), языка и его единиц (*голос, язык, речь, название*), адресанта и адресата (*слушатель*). В число соответствующих китайских лексем входят названия актов и процессов коммуникации (反对 ‘противостоять’, 谈 ‘беседовать, разговаривать’, 批评 ‘критиковать, давать отзыв’, 论 ‘обсуждать, рассматривать, судить о чем-л.’, 答应 ‘отзываться, откликаться’, 指出 ‘отметить, указать, обозначить’), видов сообщений и их элементов (消息 ‘новость, известие, сообщение, информация, весть’), языка и его единиц (话 ‘слова, выражения, высказывание, фраза’, 句 ‘предложение’).

Отметим, что среди русских обозначений процессов коммуникации присутствуют названия процессов молчания, передачи информации и публичной коммуникации, речевого акта согласия, среди китайских – наименования, относящиеся к ситуациям дискуссии, критики и выражения противоположных мнений. Русские лексемы, обозначающие виды сообщений, в основном относятся к литературным жанрам или жанрам письменной речи, речевым актам совета и договора. Частотность китайских лексем этой группы демонстрирует важность для носителей языка новизны сообщения.

Употребительность названий языка и его единиц свидетельствует о том, что русскоязычные говорящие выделяют номинативный аспект речевой деятельности, а также способ устного общения, китайские – коммуникативную единицу языка, а именно предложение. Лексемы, обозначающие язык и речь, присутствуют в первой тысяче слов частотного словаря русского языка, но отсутствуют в первой тысяче слов частотного словаря китайского языка. В исследованиях, посвященных изучению речевой деятельности в контексте языковой картины мира, эти слова признаются важнейшими, поскольку они выступают самыми общими и, соответственно, наиболее универсальными отражениями языкового кода и процесса коммуникации: «Лексемы – репрезентанты этих концептов... являются высокочастотными словами общего употребления с основными метаязыковыми значениями» [13, с. 79]. Данные номинации входят в «метаязыковое ядро естественного языка – метаязыковые имена и соответствующие им понятия естественного языка, такие как *язык и речь, слово и слова, значение и смысл* и т. д.» [14, с. 336].

Фигура адресата-слушателя выделяется только в русском языке, что может быть вызвано большим вниманием к нему в коммуникативных процессах этой лингвокультуры. Отсутствие обозначений адресанта, по нашему мнению, компенсируется разнообразным составом глаголов речи, отражающих актуальные интенции говорящих.

Заключение

Исследование частотности метаязыковых лексем, извлеченных из первой тысячи слов частотных словарей русского и китайского языков, выявило ряд сходств. Доля метаязыковой лексики примерно одинакова, что говорит о незначительной роли метаязыковой рефлексии в речевой деятельности говорящих.

Удельный вес метаязыковых лексем разных семантических групп практически равен, что свидетельствует о внимании к обозначениям коммуникативных действий, устных или письменных текстов и единиц языка со стороны носителей языка. Сходные закономерности наблюдаются в отсутствии фокуса на фигурах говорящего и слушающего, разном внимании к процессам и фактам устной или письменной речи, выделении наиболее общих, универсальных речевых действий или расставлении акцентов на обозначении более частных, специфических иллокутивных сил. Сопоставление совпадающих и различающихся по показателям частотности лексем, а также лексем, приведенных в одном словаре и отсутствующих в другом, позволяет сделать вывод о важности тех или иных языковых и коммуникативных явлений для обыденной метаязыковой рефлексии. Перспективно установление лингвокультурологической специфики наивных знаний о языке и речи, которые зафиксированы в семантических характеристиках лексем, присутствующих в первой тысяче слов обоих частотных словарей.

Библиографические ссылки

1. Якобсон РО. *Структурализм: «за» и «против»*. Басин ЕЯ, Поляков МЯ, редакторы. Москва: Прогресс; 1975. Лингвистика и поэтика; с. 193–230.
2. Арутюнова НД. Введение. Наивные размышления о наивной картине мира. В: Арутюнова НД, редактор. *Язык о языке*. Москва: Языки русской культуры; 2000. с. 7–19.
3. Шатуновский ИБ. *Семантика предложения и нереферентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика*. Москва: Языки русской культуры; 1996. 400 с.
4. Шумарина МР. *Язык в зеркале художественного текста (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы)*. Москва: Флинта; 2011. 325 с. Совместно с издательством «Наука».
5. Вепрева ИТ. *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Москва: ОЛМА-пресс; 2005. 384 с.
6. Кашкин ВБ. Бытовая философия языка и языковые контрасты. В: Кашкин ВБ, редактор. *Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 3, Аспекты метакоммуникативной деятельности*. Воронеж: Воронежский государственный технический университет; 2002. с. 4–34.
7. Гутовская МС. *Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках*. Минск: БГУ; 2019. 399 с.
8. Гутовская МС. Метаязык: слова и обороты, с помощью которых люди говорят и пишут о языке и речи. *Русский язык и литература*. 2004;7:48–52.
9. 陆俭明. 现代汉语语法研究教程. 北京: 北京大学出版社; 2003. 344 页 = Лу Цзяньмин. *Курс исследований современной китайской грамматики*. Пекин: Издательство Пекинского университета; 2003. 344 с.
10. 黄伯荣, 廖旭东. 现代汉语. 下册. 北京: 高等教育出版社; 1991. 337 页 = Хуан Боронг, Ляо Сюдун. *Современный китайский язык. Том 2*. Пекин: Издательство высшего образования; 1991. 337 с.
11. Мечковская НБ, Гурина НМ. Языковые средства презентации речи и смежные функциональные категории. *Вестник БДУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика*. 1992;2:60–63.
12. Гао Ваньжоу. Метаязыковые лексемы в частотных словарях русского и китайского языков. У: Навумава ГУ, редактор. *Мова і література. Матэрыялы 80-й навуковай канферэнцыі студэнтаў і аспірантаў філалагічнага факультэта БДУ; 27 красавіка 2023 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; 2023. с. 28–31.
13. Гутовская МС. Лексико-фразеологическое поле 'речь, говорение' в русском и английском языках. *Вестник БДУ. Серия 4, Филология. Журналистика. Педагогика*. 2009;2:79–84.
14. Шатуновский ИБ. Язык сквозь призму языка. *Russian Linguistics*. 2001;25(3):335–354. EDN: ASQFCX.

References

1. Jakobson RO. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: pros and cons]. Basin EYa, Polyakov MYa, editors. Moscow: Progress; 1975. [Linguistics and poetics]; p. 193–230. Russian.
2. Arutyunova ND. [Introduction. Naive reflections on the naive picture of the world]. In: Arutyunova ND, editor. *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. p. 7–19. Russian.
3. Shatunovskii IB. *Semantika predlozheniya i nerefrentnye slova: znachenie, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika* [Semantics of the sentence and non-referent words: meaning, communicative perspective, pragmatics]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; 1996. 400 p. Russian.
4. Shumarina MR. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta (metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoi prozy)* [Language in the mirror of the art text (meta-linguistic reflection in works of Russian prose)]. Moscow: Flinta; 2011. 325 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
5. Vepreva IT. *Yazykovaya refleksiya v postsovetскую epokhu* [Linguistic reflexion in the post-Soviet era]. Moscow: OLMA-press; 2005. 384 p. Russian.
6. Kashkin VB. [Domestic philosophy of language and linguistic contrasts]. In: Kashkin VB, editor. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Vypusk 3, Aspekty metakommunikativnoi deyatel'nosti* [Theoretical and applied linguistics. Issue 3, Aspects of meta-communicative activity]. Voronezh: Voronezh State Technical University; 2002. p. 4–34. Russian.
7. Gutovskaya MS. *Leksiko-frazeologicheskaya struktura polya metayazykovykh oboznachenii v russkom i angliiskom yazykakh* [Lexico-phraseological structure of the field of meta-language designations in Russian and English]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 399 p. Russian.
8. Gutovskaya MS. [Meta-language: words and turns with the help of which people speak and write about language and speech]. *Russkii yazyk i literatura*. 2004;7:48–52. Russian.

9. Lu Jianming. *Xiandai hanyu yufa yanjiu jiaocheng* [Modern Chinese grammar research tutorial]. Beijing: Beijing University Press; 2003. 344 p. Chinese.
10. Huang Bo Rong, Liao Xu Dong. *Xiandai hanyu. Xia ce* [Modern Chinese language. Volume 2]. Beijing: Higher Education Press; 1991. 337 p. Chinese.
11. Mechkovskaya NB, Gurina NM. [Language means of speech presentation and related functional categories]. *Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 1992;2:60–63. Russian.
12. Gao Wanrou. [Meta-language lexemes in frequency dictionaries of Russian and Chinese languages]. In: Navumava GU, editor. *Mova i litaratura. Matjeryjaly 80-j navukovaj kanferjencyi studjentaŭ i aspirantaŭ filalogičnaga fakul'tjeta BDU; 27 krasavika 2023 g.; Minsk, Belarus* [Language and literature. Proceedings of the 80th scientific conference of students and postgraduates students of the faculty of philology of BSU; 2023 April 27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2023. p. 28–31. Russian.
13. Gutovskaya MS. The lexico-phraseological field 'speech, speaking' in the Russian and English languages. *Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2009;2:79–84. Russian.
14. Shatunovskii IB. Language through the prism of language. *Russian Linguistics*. 2001;25(3):335–354. Russian. EDN: ASQFCX.

Статья поступила в редколлегию 02.04.2024.
Received by editorial board 02.04.2024.

УДК 070

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКА КИТАЙСКИХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

ЖЭНЬ И¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрена специфика языка китайских средств массовой информации, сформированная под влиянием цифровой среды. Установлено, что в современных медиатекстах используются текстовые символы в виде пиньиньских сокращений для придания материалам большей лаконичности и понятности, а также широко применяются эмодзи и элементы интернет-сленга для привлечения внимания аудитории и увеличения количества просмотров. Подобная трансформация языка средств массовой информации, с одной стороны, позволяет вовлечь молодежь в процесс потребления контента, а с другой стороны, становится источником вульгаризации лексики и приводит к утрате точности транслируемых сведений.

Ключевые слова: язык средств массовой информации; цифровая среда; пиньинь; эмодзи; интернет-сленг; китайские средства массовой информации.

ТРАНСФАРМАЦЫЯ МОВЫ КІТАЙСКІХ СРОДКАЎ МАСАВАЙ ІНФАРМАЦЫІ ПАД УПЛЫВАМ ЛІЧБАВАГА АСЯРОДДЗЯ

ДЖЭН І^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Разгледжана спецыфіка мовы кітайскіх сродкаў масавай інфармацыі, сфарміраваная пад уплывам лічбавага асяроддзя. Устаноўлена, што ў сучасных медыятэкстах выкарыстоўваюцца тэкставыя сімвалы ў выглядзе піньінскіх скарачэнняў для надання матэрыялам большай лаканічнасці і зразумеласці, а таксама шырока прымяняюцца эмодзі і элементы інтэрнэт-слэнгу для прыцягнення ўвагі аўдыторыі і павелічэння колькасці праглядаў. Падобная трансфармацыя мовы сродкаў масавай інфармацыі, з аднаго боку, дазваляе ўцягнуць моладзь у працэс спажывання кантэнту, а з іншага боку, становіцца крыніцай вульгарызацыі лексікі і прыводзіць да страты дакладнасці звестак, што трансліруюцца медыя.

Ключавыя словы: мова сродкаў масавай інфармацыі; лічбавае асяроддзе; піньін; эмодзі; інтэрнэт-слэнг; кітайскія сродкі масавай інфармацыі.

Образец цитирования:

Жэнь И. Трансформация языка китайских средств массовой информации под влиянием цифровой среды. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2024; 2:60–65.
EDN: CXKWDB

For citation:

Ren Yi. Transformation of Chinese media language under the influence of digital environment. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2024;2:60–65. Russian.
EDN: CXKWDB

Автор:

Жэнь И – аспирантка кафедры медиалогии факультета журналистики. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Н. А. Федотова.

Author:

Ren Yi, postgraduate student at the department of medialogy, faculty of journalism.
936400630@qq.com

TRANSFORMATION OF CHINESE MEDIA LANGUAGE UNDER THE INFLUENCE OF DIGITAL ENVIRONMENT

REN YI^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The specificity of the language of Chinese media, formed under the influence of the digital environment, is considered. It has been established that modern media texts use text symbols in the form of pinyin abbreviations to make the materials more concise and understandable, and also widely use emoji and elements of Internet slang to attract the attention of an audience and increase the number of views. Such a transformation of the language of the media, on the one hand, allows young people to be involved in the process of consuming content, and on the other hand, it becomes a source of vulgarisation of vocabulary and leads to a loss of accuracy of the information being broadcast.

Keywords: media language; digital environment; pinyin; emoji; Internet slang; Chinese media.

Введение

Язык средств массовой информации не является постоянным, он трансформируется с течением времени, чтобы отвечать актуальным социально-культурным и технологическим требованиям. В условиях цифровизации повышение популярности сетевых СМИ оказывает существенное влияние на развитие традиционных медиа. В ситуации, когда каждый пользователь способен создавать и транслировать контент, стихийно возникает множество новых слов и выражений, язык становится более разнообразным, упрощается. Но подобные изменения служат также источником определенных проблем. Например, новостные медиатексты утрачивают строгость, точность и нейтральность, а специфическая лексика затрудняет понимание их содержания.

Цели статьи – характеристика трансформации языка китайских СМИ и установление факторов влияния цифровой среды на этот процесс. Теоретико-методологической основой исследования выступили 41 китайская научная статья и 11 русскоязычных научных статей, отобранных в китайской онлайн-библиотеке по ключевым словам «язык средств массовой информации», «символический язык» и «сетевой язык». Эмпирическую базу составили публикации в аккаунтах популярных китайских СМИ «Жэньминь жибао» («People's Daily»), «Чжунго циннянь бао» («China Youth Daily»), «Янши синьвэнь» («CCTV News»), «Синьхуа» («Xinhua»), «Синь чжоукань» («New Weekly») на платформе *WeChat*. В общей сложности проанализированы около 600 новостных постов. В статье представлены результаты изучения медиатекстов указанных СМИ, что позволило обозначить их типичные лингвистические черты.

Результаты и их обсуждение

Направления развития новостных СМИ, в том числе языка соответствующих медиатекстов, вызваны необходимостью своевременного распространения актуальной информации и ее популяризации. С увеличением числа пользователей интернета традиционные СМИ начали переходить в онлайн-формат, и под влиянием цифровизации изменился язык медиатекстов. По мнению Ли Цзе, язык традиционных СМИ во многом обусловлен способом транслирования контента: язык аудиовизуальных СМИ, в частности телевидения, более лаконичен, чем язык аудиальных СМИ, таких как радиовещание [1, с. 201].

Особенности функционирования языка СМИ являются предметом изучения медиалингвистики – области языкознания, которая возникла на рубеже XX–XXI вв. Н. М. Стеценко указывает, что основы этой сферы знаний заложили А. Белл, А. Н. Васильева, В. Г. Костомаров, Б. В. Кривенко, М. Монтгомери, Г. Я. Солганик, Н. Фейерклаф и др. [2, с. 372]. По справедливому замечанию Т. Н. Добросклонской, значительный вклад в становление и развитие медиалингвистики, а также методов исследования медиатекстов внесли российские ученые С. И. Бернштейн, Д. Н. Шмелёв, Ю. В. Рождественский, С. И. Трескова, И. П. Лысакова [3, с. 29].

«Тексты массовой информации, или медиатексты, являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объем речи в прочих сферах человеческой деятельности»¹. Количество СМИ продолжает расти, поэтому медиатексты выступают важной формой коммуникации. Язык СМИ представляет собой устойчивую внутриязыковую систему, характеризующуюся набором лингвистических свойств и признаков, а также

¹Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2008. С. 5.

знаковую систему смешанного типа с особым соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов, свойственных каждому виду СМИ². Ф. Г. Фаткуллина и Р. Р. Хабиров полагают, что «специфика медиатекста определяется внешними условиями его существования, к которым относятся:

- особый тип и характер информации, транслируемой средством массовой информации;
- одноразовость, невоспроизводимость информации;
- коллективное производство медиатекста;
- опосредованность общения и особый характер обратной связи;
- значимость технических средств, посредством которых транслируется сообщение;
- экономический фактор, определяющий идеологию издания, влияющий на его содержание и технологическое воплощение» [4].

Г. С. Мельник объясняет трансформацию медиатекстов «наступлением эпохи информационного общества, увеличением каналов распространения информации, развитием медийных рынков, изменивших статус СМИ, совершенствованием компьютерных технологий, изменением культурных кодов, позволяющих создавать медиатексты на принципиально новой основе» [5, с. 27].

Перечислим главные направления трансформации языка китайских СМИ под влиянием цифровой среды.

Использование текстовых символов в виде пиньиньских сокращений. Пиньинь – это система латинизации китайского языка. В августе 1982 г. она была утверждена в качестве международной стандартизированной формы записи иероглифов. С точки зрения лингвистики преобразование иероглифов китайского языка, обладающего неалфавитной письменностью, с помощью пиньиня, по правилам которого слова записываются знаками латинского алфавита, относится к фонетической транскрипции. В китайском языке существует около 60 тыс. иероглифов, и система пиньинь, имеющая всего 405 основных слогов, не считая тонов, способна представить их на письме [6, с. 80–83].

Лю Линьци полагает, что с общественной и культурной позиций символическое мышление и соответствующее поведение являются наиболее репрезентативными чертами человека. Язык также представляет собой особую систему символов [7, с. 195]. В китайской журналистике иероглифы всегда выступали в качестве основной знаковой формы записи текстов, но с развитием онлайн-платформ меняются и медиасимволы. По мнению Ли Вэньмина и Лян Шуая, они делятся на текстовые, визуальные, аудиальные и аудиовизуальные [8, с. 124]. Однако даже в условиях цифровой среды письменный текст остается главным средством передачи информации, поэтому мы сосредоточимся на трансформациях, типичных для него.

В традиционных китайских СМИ большинство материалов состоят из иероглифов, однако на медиаплатформах могут употребляться специфические текстовые символы. Как отмечает Го Дун, они проникали в язык СМИ постепенно [9, с. 50]. Около 2000 г., когда возникли чаты для онлайн-коммуникации, в целях ускорения набора текста вместо иероглифов стали вводиться сокращения: 哥哥 (gēgē ‘старший брат’, сокр. GG), 姐姐 (jiějie ‘старшая сестра’, сокр. JJ). Подобная аббревиация происходит путем деления слова на иероглифы и использования для обозначения каждого из них первой буквы иероглифа по системе пиньинь. Например, лексема 妹妹 (mèimei ‘младшая сестра’) образована двумя одинаковыми иероглифами 妹 (mèi ‘сестра’). Соответственно, она передается аббревиатурой MM. Позже такие текстовые символы обрели популярность среди небольших групп пользователей, которые имели уникальные языковые привычки и создавали слова, понятные только им. На современном этапе словарь сокращений пополняется, испытывая разнообразные влияния. В частности, некоторые аббревиатуры употребляются людьми, которым нравится аниме или поп-культура [9, с. 49].

Сегодня использование вместо иероглифов пиньиньских сокращений стало типичным явлением в СМИ. Например, известная по телесериалу «Цзюэсин няндай» («觉醒年代») аббревиатура YYDS (永远的神 – yǒng yuǎn de shén ‘что-л. (кто-л.) очень хорошее’) приводится многими СМИ в заголовках новостных сообщений. На платформе WeChat насчитывается более сотни таких постов. Так, журнал «Синь чжоукань» 29 июня 2021 г. опубликовал статью с заголовком «Мой кумир – YYDS» («我的偶像, YYDS»), Лига коммунистической молодежи Гуандуна 12 января 2022 г. – статью под названием «Уже 2022 год, а кто-то еще говорит о YYDS» («2022年了, 谁还在说 YYDS»). По мнению Ли Луси, причина этого феномена заключается в том, что основными пользователями интернета являются люди, рожденные после 2000-х гг. Они все чаще ищут друзей в онлайн-пространстве, формируют группы по интересам. Подобное отделение молодежи от других представителей общества выражается в стремлении отграничить себя от привычных культурных символов, создать свою, понятную только им культуру с помощью технологических инноваций и других средств. Кроме того, молодым людям свойственно изъясняться более кратко и емко, передавая и одновременно шифруя смысл сказанного [10, с. 65].

²Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика ... С. 18.

Использование СМИ в статьях, особенно в заголовках, пиньиньских сокращений свидетельствует об их желании привлечь внимание молодежной аудитории. Читатели более зрелого возраста, не знающие этих аббревиатур, также могут проявить любопытство и перейти по ссылке на новостной пост, чтобы узнать смысл текстовых символов. Таким образом, подобная тактика СМИ способствует увеличению аудитории.

По мнению У Хуэйчуна, наиболее распространенные пиньиньские сокращения можно разделить на следующие категории:

1) сокращения имен и географических названий, ср. имена известных актеров 张云雷 (Zhāng Yún Léi ‘Чжан Юньлэй’, сокр. ZYL), 易烊千玺 (Yì Yáng Qiānxǐ ‘Иян Цяньси’, сокр. YYQ). Аббревиатуры, обозначающие имена знаменитостей, наиболее популярны по причине того, что поклонники развлекательных программ создают в интернете фан-группы;

2) общеупотребительные аббревиатуры интернет-дискурса, такие как YYDS, XSWL (笑死我了 – xiào sǐ wǒle ‘смеяться до смерти’). Из-за высокой потребности в частом употреблении некоторых выражений пользователи в целях экономии времени при наборе текста прибегают к сокращениям;

3) сокращения, заменяющие некоторые слова, например 政府 (zhèng fǔ ‘правительство’, сокр. ZF). Причина их использования – попытка предотвратить блокировку СМИ и личных аккаунтов [11, с. 9].

Применение эмодзи. Помимо пиньиньских сокращений, в крупных китайских новостных СМИ, особенно в некоторых ведущих изданиях, используются эмодзи, которые включаются в заголовки материалов для усиления эмоционального воздействия на аудиторию и привлечения ее внимания. Например, на платформе *WeChat* газета «Чжунго циннянь бао» 16 июля 2023 г. опубликовала статью с заголовком « × 3! Китайская команда по прыжкам в воду завоевала три золотые медали подряд» (« × 3! 中国跳水队连夺三金»), газета «Янши синьвэнь» 17 июня 2023 г. – новость под названием « × 32 т! Для чего они чистят столько лука?» (« × 32吨! 他们剥这么多洋葱要干啥?»).

Чжан Цзиньи утверждает, что эмодзи, как невербальные символы, могут служить для передачи эмоций и облегчения текстовой коммуникации [12, с. 49]. По словам А. А. Градюшко, «эмоциональная насыщенность – один из важнейших критериев ценности контента в цифровой среде»³. Зрителям интересны новостные сообщения, которые содержат эмодзи: посты, приведенные выше в качестве примеров, были просмотрены более 26 тыс. раз и свыше 100 тыс. раз соответственно. Таким образом, введение в медиатексты эмодзи делает их более эмоционально насыщенными и привлекательными для читателей.

Употребление элементов интернет-сленга. По мнению Сяо Фэя и И Синя, слова и выражения, которые становятся популярными в интернете, – это проявления своеобразного шаблона, матрицы, созданной для адаптации пользователей к режиму онлайн-общения. Сетевой язык не выступает в качестве самостоятельной языковой системы, а представляет собой особый социальный язык, основанный на лексических, фонологических, грамматических и риторических правилах современного литературного языка. Он разрушает идеографические рамки традиционного языка, обрывается многосимвольными идеограммами, метафорической риторикой [13, с. 86].

Причина, по которой многие СМИ используют элементы интернет-сленга, заключается в том, что подобные выражения образны по своей природе. Они способны емко выражать различные смыслы. В эпоху быстрого чтения введение в медиатексты таких языковых единиц позволяет аудитории узнать основное содержание статьи за более короткий промежуток времени. Например, на платформе *WeChat* газета «Жэньминь жибао» 24 июля 2023 г. опубликовала новостное сообщение под названием «Синхронизация духа! После 12 лет учебы в одном классе они вместе поступили в Научно-технический университет Китая» («神同步! 同窗12年, 他们一起被国科大录取»). В нем рассказывается о трех одноклассниках, принятых в престижное учреждение высшего образования благодаря их отличной успеваемости. Выражение 神同步 (shén tóngbù ‘синхронизация духа’) часто применяется для описания людей, которые реагируют на одни и те же вещи идентично. В частности, его употребление характерно для сленга платформы *Douyin*, специализирующейся на публикации забавных видеороликов, участники которых синхронно выполняют некоторые действия. Использование такого выражения в заголовке поста позволяет почувствовать и осознать глубокую связь между его героями. Поскольку в Китае начальная и средняя школы обычно не находятся в одном месте, пребывание на протяжении 12 лет вместе показывает, что судьбы юношей очень похожи. Кроме того, содержание новости кратко излагается в ее заголовке, что экономит время аудитории.

По мнению Го Юфэна, «применение популярных в интернете слов может повысить интерактивность новостного контента» (перевод наш. – Ж. И.) [14, с. 126]. С ростом числа пользователей умеренное употребление в медиатекстах элементов интернет-сленга способствует формированию более прочных отношений между СМИ и их аудиторией. Например, на платформе *WeChat* газета «Чжунго циннянь бао»

³Градюшко А. А. Цифровая журналистика : пособие. Минск : БГУ, 2021. С. 56.

29 июня 2023 г. опубликовала новостное сообщение с заголовком «Почему “переносчик кирпичей” закончил учебу и вернулся в низы? Обнародование университетского опыта: он сказал, что готов быть углем для костра» («“搬砖”男孩为什么毕业回基层? 大学经历公布, 他说: 愿做一枚炭火»). В нем повествуется о Линь Ваньдуне, который трудился чернорабочим, чтобы собрать деньги на обучение, а затем поступил в Университет Цинхуа – одно из лучших учреждений высшего образования Китая. После окончания учебы он отказался от возможности остаться в мегаполисе и вернулся в родной город, чтобы работать в бедном сельском районе. Выражение 搬砖 (bān zhuān – букв. ‘переносить кирпичи’, перен. ‘человек, который много работает, но получает низкую зарплату’) в рамках интернет-сленга имеет шуточный оттенок. Однако в данном медиатексте оно способно также вызвать сопереживание у читателей: хотя многие не могут заработать в родном городе, устают от труда и мечтают переехать, есть талантливые люди, которые хотят использовать полученные знания для того, чтобы сделать родной город лучше. На наш взгляд, введение в новостные посты популярных в интернете слов делает их более легкими для восприятия, юмористическими и интересными, что привлекает внимание аудитории и сокращает дистанцию между СМИ и их читателями.

Вместе с тем обозначенные направления трансформации языка СМИ могут иметь негативные последствия для медиаиндустрии. В частности, по замечанию Ван Цзиньаня, чрезмерное использование интернет-сленга влечет за собой утрату первоначального значения слов, провоцирует непонимание смысла сообщений. Кроме того, многие выражения известны только небольшим группам людей, что препятствует точной передаче информации [15, с. 90–91]. По этим причинам СМИ следует тщательно отбирать языковые средства, опираясь в первую очередь на их позитивный смысл и распространенность среди представителей разных слоев общества.

Заключение

Цифровая среда трансформирует язык медиа. В современных китайских СМИ активно используются пиньиньские сокращения, которые облегчают восприятие материалов, делают их более лаконичными и понятными. Новостные посты содержат также эмодзи и элементы интернет-сленга, что помогает привлечь внимание читателей и увеличить количество просмотров. На наш взгляд, появление текстов с множеством нетипичных для традиционного китайского языка символов влияет на повышение интереса к новостям, но при этом создает проблемы восприятия информации. СМИ следует тщательно подходить к отбору подобных языковых средств.

Библиографические ссылки

1. 李杰. 媒体新闻语言研究. 北京: 中国传媒大学出版社; 2009. 332 页 = Ли Цзе. *Исследование языка новостных средств массовой информации*. Пекин: Издательство Китайского университета связи; 2009. 332 с.
2. Стеценко НМ. О соотношении понятий «текст», «медиатекст», «медиадискурс». *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*. 2011;24(4–2):372–378.
3. Добросклонская ТГ. Медиатекст: теория и методы изучения. *Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика*. 2005;2:28–34. EDN: JXDHNP.
4. Фаткуллина ФГ, Хабилов РР. Медиатекст в современном коммуникативном пространстве. *Современные проблемы науки и образования*. 2015;1–1:1184. EDN: VIEUKL.
5. Мельник ГС. Медиатекст как объект лингвистических исследований. *Журналистский ежегодник*. 2012;1:27–29. EDN: NVDNFW.
6. 方志伟. 迈开汉语拼音走向世界的新步伐. 在《汉语拼音方案》颁布65周年纪念会上的主旨发言. *全球中文发展研究*. 2023;1:73–88 = Фэн Чживэй. Новые шаги системы пиньинь навстречу миру. Основной доклад на 65-й годовщине провозглашения программы «ханьюй пиньинь». *Исследование глобального развития китайского языка*. 2023;1:73–88.
7. 刘琳琪. 语言. 符号. 文化 – 新媒体时代话语生态的变革与传播. *视野*. 2021;6:195–199 = Лю Линьци. Язык, символы, культура: изменения в экологии дискурса и коммуникации в эпоху новых медиа. *Литературно-художественная полемика*. 2021;6:195–199.
8. 李文明, 梁帅. 互联网时代新媒体语言符号使用规范初探. *今媒体*. 2022;7:124–126 = Ли Вэньмин, Лян Шуай. Предварительное исследование правил использования лингвистических символов в новых медиа в эпоху интернета. *Средства массовой информации сегодня*. 2022;7:124–126.
9. 郭栋. 另类传播和语言游戏: 网络场域中栋拼写缩写检视. *新闻学与传播*. 2022;10:48–55 = Го Дун. Альтернативная коммуникация и языковая игра: цензурирование пиньиньских сокращений в интернете. *Журналистика и коммуникация*. 2022;10:48–55.
10. 李路溪. 拼音缩写, 网络空间中的另类语言表征. *语文建设*. 2021;9:64–66 = Ли Луси. Пиньиньские сокращения, альтернативные языковые выражения в киберпространстве. *Построение китайского языка*. 2021;9:64–66.
11. 吴慧淳. 网络拼音缩写现象的现状与分析. *语言文字学术研究*. 2021;23:9–22 = У Хуэйчунь. Современное состояние и анализ феномена пиньиньских сокращений в интернете. *Академические исследования языка и письменности*. 2021;23:9–22.
12. 张婧怡, 禹卫华. 社交媒体用户非语言符号的选择偏好. *互联网上的视听内容*. 2021;2:48–52 = Чжан Цзиньйи, Юй Вэйхуа. Предпочтения в выборе невербальных символов среди пользователей социальных сетей. *Аудиовизуальный контент в интернете*. 2021;2:48–52.
13. 肖飞, 易欣. 融媒体语言特点与形成机制. *教育媒体研究*. 2019;5:85–88 = Сяо Фэй, И Синь. Особенности и механизм формирования языка интегрированных медиа. *Исследование средств массовой информации в сфере образования*. 2019;5:85–88.

14. 郭宇风. 媒体融合背景下新闻语言的变化及特点研究. 媒体观察. 2022;18:124–126 = Го Юфэн. Исследование изменений и характеристик языка новостей в условиях конвергенции СМИ. *Исследование СМИ*. 2022;18:124–126.
15. 王进安, 曾燕婷. 新媒体语言特点及其规范. 福建江夏学院学报. 2015;5:88–93 = Ван Цзиньань, Цзэн Яньтин. Особенности и нормы языка новых медиа. *Журнал Фуцзяньского колледжа Цзянся*. 2015;5:88–93.

References

1. Li Jie. *Meiti xinwen yuyon yanjiu* [Research on media news language]. Beijing: Communication University of China Press; 2009. 332 p. Chinese.
2. Stetsenko NM. [On the correlation of notions of text, media text, media discourse]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii*. 2011;24(4–2):372–378. Russian.
3. Dobrosklonskaya TG. Media text: the theory and methods of study. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika*. 2005;2:28–34. Russian. EDN: JXDHHP.
4. Fatkullina FG, Khabirov RR. Media text in modern communicative space. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015;1–1:1184. Russian. EDN: VIEUKL.
5. Mel'nik GS. [Media text as an object of linguistic research]. *Zhurnalistskii ezhegodnik*. 2012;1:27–29. Russian. EDN: NVDNFW.
6. Fang Zhiwei. [Taking a new step towards the world with pinyin. Keynote speech at the 65th anniversary of the promulgation of the hanyu pinyin programme]. *Quanqiu zhongwen fazhan yanjiu*. 2023;1:73–88. Chinese.
7. Liu Linqi. [Language, symbol, culture: the change and dissemination of discourse ecology in the new media era]. *Wenyi zhengming*. 2021;6:195–199. Chinese.
8. Li Wenming, Liang Shuai. [A preliminary study on the use of language symbols in new media in the Internet era]. *Jin meiti*. 2022;7:124–126. Chinese.
9. Guo Dong. [Alternative communication and language games: a review of pinyin abbreviations in the online arena]. *Xinwen xue yu chuanbo*. 2022;10:48–55. Chinese.
10. Li Luxi. [Pinyin abbreviations, alternative language representations in cyberspace]. *Yuwen jianshe*. 2021;9:64–66. Chinese.
11. Wu Huichun. [The current situation and analysis of the phenomenon of online pinyin abbreviations]. *Yuyan wenzi xueshu yanjiu*. 2021;23:9–22. Chinese.
12. Zhang Jingyi, Yu Weihua. [Selection preferences of non-verbal symbols among social media users]. *Hulianwang shang de shiting neirong*. 2021;2:48–52. Chinese.
13. Xiao Fei, Yi Xin. [Features and formation mechanism of fusion media language]. *Jisoyu meiti yanjiu*. 2019;5:85–88. Chinese.
14. Guo Yufeng. [Research on the changes and characteristics of news language under media convergence]. *Meiti guancha*. 2022;18:124–126. Chinese.
15. Wang Jinan, Zeng Yanting. [Features and norms of new media language]. *Fujian jiangxia xueyuan xuebao*. 2015;5:88–93. Chinese.

Статья поступила в редколлегию 09.04.2024.
Received by editorial board 09.04.2024.

УДК 811.161.1'42

ОСОБЕННОСТИ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1920-х гг.

Н. А. МИХАЛЬЧУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследованы косвенные речевые акты с обобщенным значением побуждения в произведениях русских писателей 1920-х гг. Выделены и разграничены их ритуализированные и неритуализированные типы в частном дискурсе. Обосновано, что для косвенных побуждений в художественном тексте указанного периода характерны средства модальности со значением долженствования, конструкции с формами сослагательного наклонения и лексемами *хотеть*, *желать*. Определены тактики смягчения интенции побуждения. Выявлены причины использования не прямых высказываний с данным значением. В качестве особенностей употребления косвенных побуждений в русской прозе 1920-х гг. названы тенденции к Я-ориентированному речевому поведению, поддержанию вежливости и категоричной реализации интенций.

Ключевые слова: не прямая коммуникация; косвенный речевой акт со значением побуждения; речевые тактики смягчения.

АСАБЛІВАСЦІ ЎСКОСНЫХ МАЎЛЕНЧЫХ АКТАЎ СА ЗНАЧЭННЕМ ПАДАХВОЧВАННЯ Ў РУСКАЙ ПРОЗЕ 1920-х гг.

Н. А. МІХАЛЬЧУК^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Даследаваны ўскосныя маўленчыя акты з абагульненым значэннем падахвочвання ў творах рускіх пісьменнікаў 1920-х гг. Вылучаны і размежаваны іх рытуалізаваныя і нерытуалізаваныя тыпы ў прыватным дыскурсе. Абгрунтавана, што для ўскосных падахвочванняў у мастацкім тэксце названага перыяду характэрны сродкі мадальнасці са значэннем неабходнасці, канструкцыі з формамі ўмоўнага ладу і лексемамі *хацець*, *жадаць*. Вызначаны тактыкі змякчэння інтэнцыі падахвочвання. Выяўлены прычыны выкарыстання непрамых выказванняў з дадзеным значэннем. У якасці асаблівасцей ужывання ўскосных падахвочванняў у рускай прозе 1920-х гг. названы тэндэнцыі да Я-арыентаваных маўленчых паводзін, падтрымання ветлівасці і катэгарычнай рэалізацыі інтэнцыі.

Ключавыя словы: непрамая камунікацыя; ўскосны маўленчы акт са значэннем падахвочвання; маўленчыя тактыкі змякчэння.

Образец цитирования:

Михальчук НА. Особенности косвенных речевых актов со значением побуждения в русской прозе 1920-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2024;2:66–79.
EDN: SJTALT

For citation:

Mikhalchuk NA. Features of indirect speech acts with the meaning of motivation in Russian prose of the 1920s. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2024;2:66–79. Russian.
EDN: SJTALT

Автор:

Наталья Александровна Михальчук – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры русского языка филологического факультета.

Author:

Natalya A. Mikhalchuk, PhD (philology), docent; doctoral student at the department of Russian language, faculty of philology.
n-mikhalchuk@list.ru

FEATURES OF INDIRECT SPEECH ACTS WITH THE MEANING OF MOTIVATION IN RUSSIAN PROSE OF THE 1920s

N. A. MIKHALCHUK^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. Indirect speech acts with the generalised meaning of motivation in the works of Russian writers of the 1920s are studied. Ritualised and non-ritualised types in private discourse are identified and differentiated. It is substantiated that indirect motives in the literary text of the indicated period are characterised by means of modality with the meaning of obligation, constructions with forms of the subjunctive mood, with lexemes *want*, *desire*. Tactics for softening the intention of motivation have been identified, and the reasons for using indirect statements with this meaning have been identified. As features of the use of indirect motives in Russian prose of the 1920s tendencies towards an *I*-oriented speech behaviour, towards politeness, and towards the use of categorical implementations of intentions are named.

Keywords: indirect communication; indirect speech act with the meaning of motivation; speech mitigation tactics.

Введение

По сложившейся традиции одни коммуникативные явления рассматриваются как основные, прямые, другие – как косвенные, не прямые. Непрямая коммуникация – термин, введенный в 2000-х гг. представителем Саратовской лингвистической школы В. В. Дементьевым в работе [1]. Вслед за ученым мы определяем не прямую коммуникацию как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата» [2, с. 5]. В. В. Дементьев выделяет основные показатели не прямой коммуникации, к которым относит косвенный способ передачи информации, наличие смысловых лакун, непредсказуемость реакций адресата, а также интенциональность реплик говорящего.

Вместе с тем ученый констатирует, что многие вопросы в области теории не прямой коммуникации до сих пор остаются без ответа. В числе главных проблем, которые он называет, отмечается «отсутствие в современной лингвистике, филологии, культурологии единого и общепризнанного определения косвенности / не прямой коммуникации» [3, с. 920]. Вопрос о соотношении категорий косвенности и не прямой коммуникации решается на сегодняшний день в прагмалингвистике и теории речевой коммуникации неоднозначно: наблюдается как отождествление данных понятий, так и сужение понятия косвенности, представление о ней как об одном из типов не прямой коммуникации. Т. В. Нестерова считает категорию косвенности обязательной коммуникативной категорией оппозитивного типа и рассматривает ее как частное по отношению к категории не прямой коммуникации, которая, в свою очередь, входит в категорию общения [4]. В то же время А. Вежбицкая полагает, что необходимо отказаться от понятия косвенности по причине его размытости: в рамках каждой культуры с помощью данного термина могут определяться различные явления [5, с. 142]. В. В. Дементьев интерпретирует косвенность как тип не прямой коммуникации и предлагает применять термин «не прямая коммуникация» только по отношению к высказываниям, которые осознанно формируются говорящим (планируемая не прямая коммуникация) [3].

В качестве разновидности не прямой коммуникации учеными трактуются косвенные речевые акты. Дж. Р. Серль толкует их как случаи использования в целях передачи иллокуции *Y* высказываний, грамматическая форма которых обычно употребляется для выражения иллокуции *X* [6]. Применяя понятия вроде «косвенная просьба», «косвенное предложение», «косвенное приглашение», «косвенный совет», мы подразумеваем под ними выражение интенционального значения побуждения с помощью речевого акта иного типа, нежели чем посредством речевых актов тех типов, которые традиционно за ним закреплены. В качестве прямо реализующих коммуникативное намерение побуждений рассматриваем высказывания с глагольной формой императива и перформативным глаголом [7]. В русскую императивную парадигму вслед за В. С. Храковским и А. П. Володиным включаем формы второго лица (*пой, спой, пойте, спойте*), совместного действия (*споем, давай споем*), третьего лица (*пусть (пускай) он (она) поет (споем)*), первого лица единственного числа (*дай (давай) спую*) [7, с. 121].

Характеристика косвенных речевых актов как особого типа высказываний представлена в трудах российских лингвистов Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелёва [8], В. Г. Гака [9], М. Л. Макарова [10], Т. В. Нестеровой [4], Е. В. Падучевой [11], Н. И. Формановской [12] и др. Подобно М. Л. Макарову, к косвенным

речевым актам мы относим «случаи, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции» [10, с. 107–108]. Таким образом, дифференциальным признаком, позволяющим фиксировать косвенность речевого акта, мы считаем потенциал его употребления в двух иллокутивных функциях. Например, высказывание *ой, как холодно* может функционировать как репрезентатив в ситуации, когда коммуниканты выходят на улицу и обмениваются впечатлениями о погоде (прямой речевой акт со значением сообщения), и как директив в том случае, если адресат находится недалеко от окна и говорящий надеется, что он его закроет (косвенная реализация интенции побуждения).

В лингвистической литературе устойчивой тенденцией стала дифференциация конвенциональных и неконвенциональных косвенных речевых актов. К конвенциональным речевым актам большинство лингвистов относят высказывания, за которыми закрепляется одна из двух потенциально возможных иллокутивных функций, в то время как в другой функции данные речевые формы практически не употребляются. Примерами таких высказываний служат, как это убедительно показывают Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв, вопросительные конструкции с отрицанием: *Ты не мог бы одолжить мне сто рублей на месяц?* [8]. Неконвенциональными речевыми актами являются косвенные высказывания, которые сохраняют способность в других контекстуальных условиях выражать вторую иллокуцию и для интерпретации которых требуется контекст: *Ой, как холодно*.

Отметим, что в лингвистике наметились два подхода к изучению высказываний со значением побуждения: они рассматриваются с точки зрения ядерного и периферийного способов выражения языкового значения либо интерпретируются в качестве прямых или косвенных речевых актов. Мы придерживаемся второго подхода и с опорой на теорию речевых актов анализируем не прямые (косвенные) реализации интенции побуждения.

Принимая определение Н. И. Формановской, побудительность считаем одним из «целеполаганий говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [12, с. 188]. К косвенному речевому акту с интенцией побуждения относим высказывание, в рамках которого прагматическое значение выражается в виде не предназначенных для его реализации речевых структур (в форме вопроса или сообщения), имеющих потенциал к прямому употреблению в другом контексте.

Директивные речевые акты выделяются как повышенной сложностью структуры высказывания, так и широким диапазоном интенций побуждения. Н. И. Формановская предлагает список частных побудительных значений, которые объединяются в целостное интенциональное значение побуждения. В него входят следующие интенции: просьба, предложение, совет, требование, приказ, предупреждение, запрет, разрешение, подстрекательство и соблазнение [12]. В целом принимая данный перечень номинаций, мы добавляем в него побудительное значение приглашения.

Н. И. Формановская утверждает, что побуждение – одна из основных, наиболее часто реализуемых интенций говорящего [12, с. 188]. В. В. Дементьев называет директивные косвенные речевые акты в числе важных типов не прямой коммуникации, «распространенных и показательных» [3, с. 927].

Традиционно лингвистами отмечаются следующие прагматические эффекты косвенных просьб: гармонизация общения, создание вежливой атмосферы, уменьшение давления на адресата, смягчение реализаций интенций, снижение категоричности, акцентирование зависимой позиции адресанта или приоритета слушающего, предоставление свободы действий и права выбора адресату [12–15].

В. В. Дементьевым высказано мнение об ограниченности использования косвенных речевых актов побуждения в русском лингвокультурном сообществе. Объяснение этой коммуникативной особенности лингвист связывает с оппозицией *персональность – имперсональность* и усматривает существенную роль левого члена оппозиции в русском речевом поведении [5]. Т. В. Ларина также указывает на высокую частотность прямых просьб, выраженных императивными высказываниями, в русской коммуникации [16].

В последние десятилетия различные типы косвенных побуждений в том или ином аспекте изучались лингвистами, однако отсутствуют значимые исследования косвенных директивных речевых актов в художественном тексте, в том числе и в диахроническом аспекте. Н. И. Формановская в работе [12] выделяет и анализирует ряд наиболее частотных в русском языке моделей выражения как прямых, так и косвенных просьб, называя среди них вопрос о возможностях адресата, вопрос о возможностях партнера, вопрос о трудностях партнера и др. Е. П. Багирова и Э. О. Гаврикова изучают типы высказываний со значением скрытой просьбы в русском языке и подробно рассматривают модели скрытых просьб в форме вопросительной конструкции [13]. А. Ю. Маслова сравнивает способы косвенного выражения побуждения в русском, сербском и болгарском языках, классифицируя основные типы конвенциональных косвенных речевых актов со значением просьбы, предложения, требования и запрета в данных славянских языках [14]. Д. Х. Може устанавливает причины, по которым говорящий может прибегать к имплицитной просьбе, а также перечисляет речевые ситуации, при которых слушающий усматривает просьбу в высказывании, реализованном с другим коммуникативным намерением [15].

В роли адресанта и адресата в художественном тексте выступают персонажи, однако их образы во многом сближаются с образами участников живой коммуникации. Н. И. Формановская характеризует адресанта и адресата реально протекающего диалога следующим образом: «Это языковые личности, несущие в себе, с одной стороны, типизированные, обобщенные черты своего народа, своей культуры и своей социальной среды, с другой стороны, личный опыт знаний, мнений, предпочтений, оценок, отношений» [12, с. 49]. Использование косвенных просьб в художественном тексте находится в непосредственной связи с национально-культурной спецификой русского речевого поведения, и поэтому их изучение видится нам исключительно важным.

Вследствие революции 1917 г. и Гражданской войны 1920-е гг. представляют собой сложный период раскола в обществе. Русская литература данного времени отражает синтез направлений. В реалистической прозе М. А. Булгакова и Б. К. Зайцева центральной является тема поиска пути русской интеллигенцией в послереволюционную эпоху, отмечается лейтмотив формирования личности под влиянием исторических потрясений. Отстранение от драматических событий в судьбе России и предпочтение романтических традиций, развитие тем любви и дружбы характерны для прозы А. С. Грина 1920-х гг. В модернистских романах В. В. Набокова тех лет исследуется психология личности персонажа-художника в новом мироустройстве.

В качестве материала для анализа были выбраны произведения М. А. Булгакова «Белая гвардия» (1925) и «Собачье сердце» (1925), Б. К. Зайцева «Золотой узор» (1926) и «Странное путешествие» (1926), А. С. Грина «Золотая цепь» (1925) и «Бегущая по волнам» (1928), В. В. Набокова «Машенька» (1926) и «Защита Лукина» (1929). Их объединяют как время написания, общий контекст исторических событий, так и принадлежность главных персонажей к социальному классу интеллигенции. При этом каждое произведение отражает определенное течение, специфическую сторону поэтики в литературном процессе 1920-х гг. Для нашего исследования важно также то, что в коммуникативном пространстве анализируемых текстов ведущее место занимает семейная и дружеская беседа, поскольку данный факт предоставляет возможности для изучения не прямых реализаций интенции побуждения в частном дискурсе.

Цель статьи – выявление характерных черт косвенной реализации побуждения в частном дискурсе на материале русской прозы 1920-х гг., а именно основных речевых моделей, коммуникативных тактик и типов выражения интенции, причин употребления не прямых высказываний с данным значением. Анализу подлежит группа косвенных речевых актов со значением побуждения (общее число высказываний – 659). Их изучение проводится в двух контекстах: 1) в контексте диалога; 2) в нарративном контексте, отражающем реплику в диалоге. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки. Для достижения цели исследования использовались метод контекстуального анализа (основной), описательный метод (для характеристики понятия косвенного речевого акта со значением побуждения), а также метод анализа и синтеза (для теоретического обобщения фактов языка).

Основная часть

Обратимся к характеристике типов косвенных высказываний со значением побуждения в текстах указанных произведений, выделив основные способы выражения непрямого побуждения в частном, неофициальном общении – семейной, приятельской и любовной беседе.

В статье мы разграничиваем ритуализированные и неритуализированные (индивидуализированные) косвенные речевые акты. Критериями такой классификации являются регулярность употребления высказываний с определенными формальными особенностями в лингвокультурном сообществе и частичная закреплённость языковой (речевой) конструкции за коммуникативной интенцией. Таким образом, ритуализированные косвенные речевые акты – это обычные, общепринятые высказывания, строящиеся по привычным для языковых личностей моделям. Неритуализированным реализациям интенций не свойственна регулярность употребления, они имеют индивидуализированный характер.

Деление косвенных речевых актов на ритуализированные и неритуализированные следует считать условным, между двумя группами высказываний отсутствуют четкие границы. В то же время такого рода классификация, на наш взгляд, способствует выявлению специфической структуры косвенных побуждений как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте.

Модели ритуализированных косвенных речевых актов со значением побуждения в форме высказываний с иллокутивной функцией сообщения. Отметим, что во всех рассматриваемых текстах от 83 до 93 % контекстов составляют побуждения в виде повествовательных и побудительных конструкций с иллокутивной функцией сообщения. Данные способы реализации интенции, объединенные неформальным характером общения, не закреплёны за определенным дискурсом: они в равной мере выявлены как в приятельской, так и в семейной и любовной беседе. К косвенным речевым актам этого типа относятся:

1) высказывания, содержащие средства модальности *нужно, надо, должен*. Непрямые реализации интенции побуждения со значением необходимости, долженствования совершения действия являются одной из самых частотных групп косвенных высказываний в исследуемых произведениях.

В семейной и дружеской беседе подобные средства модальности не всегда воспринимаются в качестве маркеров давления на адресата, признаков жесткой императивности. Речевые средства, в целом приносящие в общение импозитивность и категоричность, могут служить показателями близости между партнерами по общению, их солидарности, вовлеченности в общие проблемы. Адресант демонстрирует желание действовать в совместных интересах или в интересах собеседника. Обратимся к примеру из романа «Золотой узор»:

К концу июня он собрался. На прощанье говорил мне:

– **Вы зимой должны серьезно заняться пением** (Зайцев, с. 395) (‘займитесь’; совет).

Параметры ситуации – диалог Натальи и опекающего ее дворянина Георгиевского. С учетом контекста, пресуппозиций, характеристики действующих лиц предикативное прилагательное *должны* маркирует не требование, а совет. Рассмотрим другой пример из этого же литературного источника:

– **Верить надо... понимаешь? Надо верить, добиваться...** Если вера есть, все будет, и ни дня не пропускать (Зайцев, с. 546) (‘верь’; просьба).

Параметры ситуации – диалог супругов в драматической ситуации, когда их сын попал в беду. Безличная конструкция со средством модальности и примыкающим инфинитивом изображает действие в отрыве от его производителя, как стихийный процесс, придавая высказыванию обобщенный поучительный смысл. В результате, с одной стороны, снижается императивность побуждения, а с другой стороны, возникает интенсивное воздействие на реципиента. Ср. другие примеры сентенций:

– **Не нужно забывать таких минут**, по пальцам можно посчитать, сколько их в жизни (Зайцев, с. 423) (‘не забывай’; совет).

– **Но их** (социалистов. – Н. М.) **надо знать и понимать.**

<...>

– <...> **Не надо быть к ним строгим** (Зайцев, с. 509) (‘узнай, пойми, не будь строгим’; совет).

– **Россию надо знать и любить.** Без нашей, эмигрантской, любви России – крышка (Набоков, с. 72) (‘знайте, любите’; просьба).

В качестве дательного субъекта в безличном предложении может выступать местоимение *мы*, что ослабляет побудительное воздействие, давление на собеседника:

– *Слышите, какой шум? Нам надо встряхнуться* (Грин, с. 183) (‘встряхнитесь’; совет);

2) высказывания с формами сослагательного наклонения. В лингвистике неоднократно отмечался особый прагматический эффект форм с нереализуемым условием в русском языке – смягчение интенций, передаваемых как в субъектно-ориентированных высказываниях, так и в конструкциях, направленных на объект [13].

В анализируемых произведениях частотными являются высказывания с формами глаголов второго лица сослагательного наклонения, которые выражают желание, обращенное к адресату:

– *Георгий Александрович, пока нас не сожгли еще, пойдемте, я вам покажу усадьбу.*

– **Ты показала бы молочную, конюшню...** – Отец опять махнул рукой. – *Что-нибудь жизненное и полезное* (Зайцев, с. 393) (‘покажи’; предложение).

– **Перебирались бы к нам зимовать**, – говорил докторше в сенях, снимая с нее свиту. – *Солдат вы всех не перелечите, кому назначено, тот выздоровеет, а кто помрет, тому вы с вашей медициной не поможете* (Зайцев, с. 455) (‘перебирайтесь’; приглашение).

Традиционно в русском языке используется косвенный совет от первого лица, включающий компонент *на вашем месте*:

– *Станный вопрос. На вашем месте я немедленно уладил бы всю историю* (Грин, с. 196) (‘вам следует уладить’; совет).

Актуализированы и речевые акты с глагольными формами первого лица, направленные на интересы говорящего. В них формы сослагательного наклонения имеют значение оптативности. Ср.:

– **Я только дошел бы до площади у Андреевской церкви и оттуда посмотрел бы и послушал.** Ведь виден весь Подол (Булгаков, с. 176) (‘отпусти, разреши’; просьба).

«Я испытываю стеснение в капиталах, – сказал Лужин. – **Я бы совсем немножко брал**» (Набоков, с. 78) (‘помогите’; просьба);

3) декларативная конструкция с глаголами *хотеть*, *желать*. Высказывания, в которых эксплицируется желание адресанта, могут использоваться со значением побуждения в интересах как говорящего, так и слушающего. Проанализируем некоторые примеры:

Он сел рядом и взял меня за руку.

– **Я бы желал, чтобы вы хоть временно уехали отсюда. На неделю, на две.** <...>

– Для чего?

Георгий Александрович вздохнул.

– Мне было бы покойнее (Зайцев, с. 549) ('уезжайте'; просьба).

– **И еще чаще желаю, чтобы приходили... чтобы постоянно в этой комнате... вы хорошо на сердце действуете, я спокойней с вами** (Зайцев, с. 403) ('приходите'; просьба).

Параметры первой ситуации – диалог Натальи с Георгиевским. Глагол *желать* в форме сослагательного наклонения способствует смягчению коммуникативного намерения. Субъектно-ориентированный речевой акт, с учетом контекста и пресуппозиций, отражает заботу о реципиенте, значимость его личности для говорящего. Несмотря на аргументацию (*мне было бы покойнее*), речевое действие осуществляется в интересах адресата. Такая просьба непрямо указывает на любовь, привязанность к собеседнику. Параметры второй ситуации – разговор Натальи с художником Александром Андреевичем. В ней, напротив, форма изъявительного наклонения глагола *желать* в перформативном высказывании, также субъектно-ориентированном, маркирует фамиллярный, авторитарный тип просьбы, репрезентирует заботу говорящего об удовлетворении своих потребностей. В репликах реализована характеризующая функция косвенных высказываний, с их помощью педалируются определенные черты персонажей.

Говорящий может открыто заявлять о своем желании в ситуации, когда планируется речевое действие, направленное на извлечение выгоды адресатом (например, выражение позитивных чувств, проявление уважения и внимания):

– **Тоббоган, я хочу позжать вашу руку и поблагодарить вас.**

– Не знаю, нужно ли это, – неохотно ответил он, пытаясь заставить себя смотреть мне в глаза. –

У меня на этот счет свое мнение (Грин, с. 263) ('разрешите'; просьба).

Параметры ситуации – прощание Томаса с Тоббоганом, женихом Дэзи. Однако ответом на вежливую просьбу становится косвенный отказ, знаменующий собой прерывание контакта.

Наиболее частотной является констатация желания другого рода, при успешной реализации которого в выигрыше останется говорящий, интересы же реципиента будут проигнорированы. Манифестация собственной потребности может осуществляться на фоне общей эмоциональности, экспрессивности общения, в целом свойственных русской коммуникативной культуре [17]:

– Не гневайтесь, – обратилась ко мне девушка, – я должна шутить, чтобы не загрустить. Все сложно!

Так все сложно. Вся жизнь! **Я сильно задета в том, чего не понимаю, но очень хочу понять** (Грин, с. 241) ('объясните'; требование).

Возможна констатация желания третьего лица в значении просьбы. Она снимает ответственность с говорящего за сложный и неоднозначный речевой акт:

– ...она сама с тобой очень хочет познакомиться... потому что ты так... вдруг неожиданно между ней и Маркелом встала (Зайцев, с. 463) ('познакомься с ней'; просьба).

Отметим, что рассмотренный нами способ косвенного выражения побуждения, выдвигающий на первый план желание говорящего, в большинстве случаев нельзя назвать вежливым, так как он игнорирует желания и интересы адресата. Вместе с тем данный тип высказываний соответствует открытому, импозитивному, субъектно-ориентированному стилю русского национально-речевого взаимодействия [16–18]. Выбор речевых форм обусловлен общим стилем коммуникации персонажей, для которого характерны Я-ориентированность, искренность, откровенность и эмоциональность;

4) декларативная конструкция, выражающая радость (удовольствие) говорящего в случае выполнения действия адресатом. Русскому способу речевого взаимодействия присущи как эмоциональность, так и направленность на субъект [16; 17]. Следовательно, выражение радости в связи с выполнением просьбы в значении собственно просьбы – речевая форма, которая коррелирует с национальной спецификой общения и избирается говорящим непринужденно, исходя из приемлемого для него стиля коммуникации. Ср.:

– От всей души, – сказал он. – **Я вижу джентльмена и рад помочь** (Грин, с. 233) ('примите от меня помощь'; предложение).

– *Надеюсь, вы зайдёте ко мне. – Я дал адрес. – Я буду рад видеть вас* (Грин, с. 263) ('приходите'; приглашение).

Она с удивлением поняла, что он просит ее уйти. *«Я рад, я очень рад постфактум, – умоляющим тоном пояснил Лужин, – но пока... пока это как-то мешательно»* (Набоков, с. 71) ('приходите позже'; приглашение).

«Милости просим, – сказал он. – Рад познакомиться» (Набоков, с. 68) ('давайте познакомимся'; приглашение);

5) декларативная конструкция с указанием на предмет. В русском языке высказывания, оформленные с точки зрения грамматической структуры как указательными назывными предложениями, так и неполными предложениями и эллипсисом конструкций, в определенных контекстах могут восприниматься как скрытые побуждения к действию:

– *Здесь восемь тысяч, – говорил Лариосик, двигая по столу пачку, похожую на яичницу с луком, – если мало, мы подсчитаем, и сейчас же я выпишу еще* (Булгаков, с. 187) ('возьмите'; просьба).

– *Мне хочется, чтобы спасшая мне жизнь хоть что-нибудь на память обо мне... это браслет моей покойной матери* (Булгаков, с. 270) ('примите'; просьба).

И приоткрыла кожаную сумочку.

– *Тут шестьдесят пять тысяч франков* (Зайцев, с. 421) ('возьмите'; просьба).

Георгиевский отворил дверь в залу, пропустил нас и снова запер.

– *Вот, Наталья Николаевна, обиталище ваше* (Зайцев, с. 531) ('заходите'; приглашение).

Просьба принять подарок является угрозой как для адресанта, так и для адресата, поскольку говорящий ощущает тревогу по причине возможного отказа, а реципиент испытывает чувство неловкости и обязанности по отношению к собеседнику. Косвенная форма высказывания позволяет адресату в случае необходимости отказаться от подарка и минимизирует угрозу для говорящего в ситуации отказа.

Модели ритуализированных косвенных речевых актов со значением побуждения в форме высказываний с иллюкутивной функцией вопроса. Выделим модели выражения побуждения в форме вопросительной конструкции:

1) вопрос о намерении адресата совершить действие. Ср.:

– *Ты за калитку не выйдешь? На гору лезть не будешь? Постоишь во дворе?*

– *Честное слово.*

– *Тогда иди* (Булгаков, с. 176) ('не выходи, не лезь, стой'; просьба);

2) вопросительное высказывание с частицей *правда* со значением приглашения к согласию. Ср.:

– *Тебя, Елена, ты сама понимаешь, я взять не могу на скитанья и неизвестность. Не правда ли?*

Ни звука не ответила Елена, потому что была горда (Булгаков, с. 55) ('согласись с этим'; просьба);

3) вопрос с закрепленным лексическим составом. Ср.:

– *Но боже мой, где же Сергей? Я уверена, что на их поезд напали и...*

– *И что? Ну, что выдумываешь зря? Ведь эта линия совершенно свободна* (Булгаков, с. 44) ('не выдумывай'; запрет);

4) вопрос о возможности говорящего адресовать просьбу. Ср.:

– *А теперь, – Лариосик обратился к Николке, – не могу ли я у вас попросить ножницы?* (Булгаков, с. 186) ('дайте'; просьба);

5) вопрос о разрешении совершить действие. Ср.:

– *Вы разрешите мне у вас?* – Он беспомощно огляделся, и сразу по глазам его было видно, что у Турбиных ему очень нравится и никуда он уходить бы не хотел (Булгаков, с. 186) ('прошу оставить меня в доме'; просьба);

6) вопрос о желании собеседника совершить действие. Ср.:

– *Вот что, – сказал Бавс, человек в треугольной шляпе, – может быть, вы не прочь посидеть с нами? Наш табор неподалеку: вот он* (Грин, с. 226) ('посидите'; приглашение);

7) вопрос о наличии предмета. Ср.:

– *У вас, верно, есть книги? Мне иногда скучно без книг. Я пообещал, думая, что разыщу подходящее для нее чтение* (Грин, с. 209) ('прошу дать'; просьба).

Нами были рассмотрены типы косвенных речевых актов со значением побуждения, которые в той или иной степени претерпели ритуализацию в русском речевом общении. Они оформляются в соответствии с определенными правилами языкового употребления, принятыми в лингвокультурном сообществе.

Модели неритуализированных косвенных речевых актов со значением побуждения. Неритуализированные реализации интенций, на наш взгляд, особенно интересны в рамках исследования непрямо́й коммуникации, так как они, с одной стороны, являются следствием коммуникативной компетенции адресанта и его творческого отношения к общению, а с другой стороны, требуют от адресата особой креативности, специальных умений и навыков в области речевого общения при их интерпретации. Высказывания подобного рода отражают созидательный потенциал собеседников и, по нашему предположению, могут выступать в качестве маркеров как коммуникативного стиля автора, так и эпохи, в которую были написаны произведения.

В рамках статьи рассмотреть индивидуализированные косвенные речевые акты всех типов не представляется возможным: они крайне разнообразны в связи с тем, что определенный потенциал ситуативно детерминированного использования в директивной функции наблюдается у большого количества языковых и коммуникативных единиц. Перечислим лишь некоторые специфические типы речевых актов, применяемые говорящим в непря́мых реализациях интенций:

1) конструкции с эпистемическим глаголом. В научной литературе высказывания с эпистемическими глаголами не были отмечены в качестве отдельного способа выражения побуждения в русском языке. В художественной прозе 1920-х гг. они являются относительно употребительными по причине того, что становятся средством выражения эмоций говорящего, высокой оценки качеств собеседника. Обратимся к фрагменту диалога:

– *Биче Сениэль! – тихо сказал я, первый раз произнеся вслух эти слова. – Лисс, гостиница «Дувр». Там останавливались вы дней восемь тому назад. Я в странном положении относительно вас, но верю, что вы примете мои объяснения просто, как все просто во мне* (Грин, с. 241) ('примите объяснения'; просьба).

Высказывание с эпистемическим предикатом *верю* используется в значении просьбы понять. Как показывают дальнейшие события, просьба героя не будет выполнена: он не найдет понимания с Биче. Ср. конструкцию с эпистемическим глаголом *знать* в значении побуждения:

– *Наталья, ты не выдашь, – бормотал, – я уж знаю, на тебя можно положиться. Ты живая и живущая, живешь, идешь... Что ж, может быть, и выплывем* (Зайцев, с. 146) ('помоги, не выдавай'; просьба).

Косвенные высказывания данного типа эмоционально воздействуют на адресата и сочетают две имплицитные интенции – просьбу и похвалу. По утверждению говорящего, он верит в то, что действие будет выполнено адресатом, знает это, следовательно, уважает собеседника, рассчитывает на него, придерживается высокого мнения о некоторых способностях и личностных качествах слушающего.

В следующем примере наблюдаем эмотивный косвенный речевой акт просьбы, для которого характерны интенсивность выражения интенции и направленность на интересы адресата:

– *И какой у вас усталый вид. Я уверена, что вам вредно так много играть*» (Набоков, с. 71) ('перестаньте играть'; просьба);

2) констатация действий третьего лица. Анализ фактического материала позволяет сделать вывод о повышенной имплицитности высказываний, адресат которых должен предпринять усилия, чтобы вывести побудительную интенцию из речевых актов, являющихся констатирующими и на первый взгляд не имеющих ничего общего с просьбой. Задача данных закодированных вербализаций намерений, как правило, состоит в повышении вежливости общения (в некоторых случаях – в избегании зависимости от адресата). В следующем примере косвенная просьба используется в этикетных целях, на что указывает в том числе и включение в нее речевых актов извинения:

– *Тут еще, Филипп Филиппович. Я извиняюсь, уж прямо и совестно. Только – за стекло в седьмой квартире... Гражданин Шариков камнями швырял...*

– *В кота? – спросил Филипп Филиппович, хмурясь, как облако.*

– *То-то, что в хозяина квартиры. Он уже в суд грозился подать.*

<...>

– *Ради Бога, вы мне всегда сообщайте сразу о таких вещах. Сколько нужно?*

– Полтора.

Филипп Филиппович извлек три блестящих полтинника и вручил Федору (Булгаков, с. 310) ('заплатите хозяину'; просьба).

Сообщение Федора о проступках Шарикова адекватно воспринимается профессором Преображенским как побуждение возместить пострадавшим убытки;

3) риторические вопросы как средство характеристики непроявленной ситуации. Ср.:

И вот тут за окнами забухали пушки. Николка вскочил и заметался.

– **Ты слышишь? слышишь? слышишь? Может быть, это немцы? Может быть, союзники подошли на помощь? Кто?** Ведь не могут же они стрелять по Городу, если они его уже взяли.

Елена сложила руки на груди и сказала:

– Никол, я тебя все равно не пущу. Не пущу (Булгаков, с. 176) ('разреши сходить посмотреть'; просьба).

Параметры ситуации – диалог брата и сестры. С помощью употребления риторических вопросов, демонстрации своего эмоционального отношения герой эксплицирует неоднозначную ситуацию в Городе, которую хотел бы для себя прояснить, о чем он открыто не сообщает. Елена верно декодирует скрытую интенцию и отвечает отказом;

4) констатация эмоций адресата в связи с возможным выполнением действия. В следующем примере из романа «Машенька» Ганин завуалированно, посредством усложненной не прямой реализации интенции просит Клару не сообщать Алферову о том, что она застала Ганина в его комнате:

– *Все это глупости, Клара, – сказал он, садясь рядом с ней и опираясь на выпрямленную руку. – Неужели вы думаете, что я действительно крал деньги? Но, конечно, мне будет неприятно, если Алферов узнает, что я залезал к нему в стол* (Набоков, с. 60) ('не рассказывай о том, что видела'; просьба).

Причиной косвенности в данном случае можно считать избегание Ганиным зависимости от адресата просьбы;

5) констатация негативного исхода в случае невыполнения действия. Героиня адресует собеседнику побуждение остаться в ее доме, безопасном месте, посредством констатации того, что его ждет, если он ослушается:

– *Я полежу немного, пока вернутся силы, поднимусь и пойду домой.* <...>

<...>

– **Вас сейчас же убьют, будьте уверены** (Булгаков, с. 206) ('останьтесь, не уходите'; совет);

6) намек говорящего на свое негативное представление о ситуации, с которой связано возможное действие. В следующем фрагменте диалога из романа «Защита Лужина» наблюдаем вежливую, имплицитную просьбу отца, адресованную дочери, не выходить замуж за шахматиста, который не вызывает у него доверия. Интенция настолько закодирована, что героине не удается ее эксплицировать (а возможно, она только делает вид, и косвенность сообщения ей это позволяет):

«Но теперь ты должна нас выслушать. Ты знаешь сама: главное наше желание, и забота, и цель, и вообще... желание – это то, чтоб тебе было хорошо, чтоб ты была счастлива и так далее. А для этого...» <...> *«Ты вот послушай, душенька. Тебе не восемнадцать лет, а двадцать пять, и вообще я не вижу во всем, что случилось, какого-нибудь увлечения, поэзии».* <...> *«О чем вы, собственно, говорите?» – наконец спросила дочь и улыбнулась исподлобья* (Набоков, с. 89) ('не выходи замуж'; просьба);

7) речевые акты со значением положительной оценки объекта, к которому имеет отношение просьба. Характерный для героя романа «Защита Лужина» тип мягкой косвенной просьбы репрезентируют оценочные речевые акты:

«Куда же мы поедем?» – говорила жена... «...Вот сперва на Ривьеру, – предлагала она. – Монте-Карло, Ницца. Или, скажем, Альпы». *«А потом немножко сюда, – сказал Лужин. – В Крыму есть очень дешевый виноград».* – *«Что вы, Лужин, Господь с вами, в Россию нам нельзя»* (Набоков, с. 109) ('давайте поедем'; предложение).

В прихожей висел обреченный пиджак. «Он такой комфортабельный, – взмолился Лужин, – такой чрезвычайно комфортабельный» (Набоков, с. 113) ('не выбрасывай'; просьба).

«Апельсины», – сказал Лужин, указывая тростью на лоток. «Хотите купить?» – спросила жена. – Смотрите, мелом на доске: сладкие, как сахар». *«Апельсины», – повторил со вкусом Лужин* (Набоков, с. 119) ('давай купим'; просьба);

8) вопрос с предположением о желании говорящего, туманный намек. Героиня романа «Золотой узор» вынуждена вуалировать интенцию в ситуации любовной игры, потому что конкретной цели не преследует, не хочет давать надежду:

– *А если бы вы не поехали совсем?*

– *Нет, я поеду.*

Я вскипела.

– *А вдруг я пожелаю, чтобы вы остались и не уезжали вовсе в этот Рим?*

– *Зачем я вам?*

– *Ну, просто, я бы желала, чтоб вы были тут? Представьте, мне приятней это было б* (Зайцев, с. 409) ('не уезжайте'; просьба);

9) шуточный намек. В качестве средств смягчения при осуществлении директивного упрека могут выступать шуточная форма высказываний, интимная тональность любовной игры. Ср. шуточный запрет с использованием гиперболы в речевом акте аргументации в рамках диалога супругов:

«А кто забыл на ночь часы завести? – засмеялась жена, слегка тормоша его за полную белую шею. – Так можно проспать всю жизнь» (Набоков, с. 139) ('заводите часы, не спите так много'; просьба или запрет);

10) шуточное использование трансформированного фразеологизма. Утешение отцом дочери осуществляется на базе шутки и языковой игры:

«Человек будет здоров. Не так страшен черт, как его малютки. Я сказал “малютки”, – ты слышишь, душенька?» (Набоков, с. 91) ('улыбнись, утешься'; утешение).

Таким образом, рассмотрение неритуализированных косвенных речевых актов в частном дискурсе на материале художественной прозы 1920-х гг. позволяет сделать вывод об эмотивности директивов, склонности адресантов к использованию намеков для смягчения вербализации намерений, а также к приданию побуждениям высокой степени имплицитности, закодированности в целях усиления их вежливости.

Тактики смягчения скрытого побуждения. Наблюдается тенденция к смягчению реализации анализируемой интенции, что достигается, помимо ее косвенного речевого оформления, актуализацией особых коммуникативных тактик:

1) тактики аргументации необходимости выполнения адресатом действия. Данная тактика может осуществляться через экспликацию невыигрышного для адресата итога возможного действия. Убедительность аргументов и апелляция к интересам адресата реализуют более щадящий для слушающего вариант интенции. Ср.:

Рядом с его портсигаром лежала дамская сумочка, полукруглая, из черного шелка. Он рассеянно потянулся к ней, стал щелкать замком.

«Плохо запирается, – сказал он, не поднимая глаз. – В прекрасный день вы все выроните» (Набоков, с. 39) ('почините'; косвенный совет).

Я снова засмеялась.

– *Хватят вас однажды всех по шапке здесь, вот будет штука, косточек не соберешь.*

– *И это вздор* (Зайцев, с. 386) ('не рискуй'; шуточный запрет, просьба);

Кроме того, способом реализации названной тактики выступает вербализация или невербальная демонстрация достоинств предмета:

В прихожей висел обреченный пиджак. «Он такой комфортабельный, – взмолился Лужин, – такой чрезвычайно комфортабельный». «Оставьте, – сказала жена из спальни. – Я его еще не осмотрела. Он, вероятно, кишит молью». Лужин снял смокинг, который примерял, чтобы посмотреть, не очень ли он располнел за последний месяц (располнел, располнел, – а завтра большой русский бал, благотворительное веселье), и с любовью влез в рукава обреченного. Милейший пиджак, никаких молей нет и в помине. Вот только в кармане дырка, но не насквозь, как иногда бывало. «Чудно», – крикнул он тонким голосом. Жена, с носком в руке, выглянула в прихожую. «Снимите, Лужин. Он же рваный, пыльный. Бог знает, сколько лежал». «Нет, нет», – сказал Лужин. Она осмотрела его со всех сторон; Лужин стоял и хлопал себя по бедрам, и между прочим почувствовал, что как будто есть что-то в кармане, сунул руку – нет, ничего, только дыра. «Он очень дряхлый, – проговорила жена, поморщившись, – но может быть, как рабочая куртка...» «Умоляю», – сказал Лужин. «Ну, Бог с вами, – только дайте потом горничной хорошенько выколотить» (Набоков, с. 113) ('оставьте пиджак'; скрытая просьба).

Параметры ситуации – диалог супругов. Цель героя заключается в том, чтобы сохранить старый пиджак. Косвенная реализация просьбы представляет собой макроречевой акт, состоящий из двух

неконвенциональных косвенных речевых актов (*он такой комфортабельный, такой чрезвычайно комфортабельный; чудно*). Подобная форма высказывания помогает Лужину отстоять свою точку зрения, не допуская при этом речевой агрессии. Прямой речевой акт (*умоляю*), следующий за косвенными высказываниями, усиливает просьбу на завершающем этапе взаимодействия и помогает достичь коммуникативной цели;

2) тактики комплимента. Ср.:

– *А ты, Леночка, ей-богу, замечательно выглядишь сегодня. И капот тебе идет, клянусь честью, – заискивающе говорил Мышлаевский, бросая легкие, быстрые взоры в зеркальные недра буфета. – Карась, глянь, какой капот. Нет, совершенно зеленый. Нет, до чего хороша.*

<...>

– *Это электрик, – пояснила Елена. – Да ты, Витенька, говори сразу, в чем дело?* (Булгаков, с. 98) ('угости'; просьба).

Параметры ситуации – дружеское общение Елены Турбиной и Виктора Мышлаевского. С учетом национально-культурного контекста, допускающего возможность употребления комплимента в манипулятивной функции, контекста произведения и пресуппозиций скрытая интенция высказываний героя интерпретируется Еленой в качестве просьбы. Ср.:

«*Вы добрая, отзывчивая женщина, – протяжно сказал Лужин. – Честь имею просить дать мне ее руку*» (Набоков, с. 66) ('дайте руку дочери'; просьба);

3) тактики демонстрации адресантом своего сложного положения, переживаний, зависимости от адресата. Ср.:

– *Видишь ли, Лена, ясная, после вчерашней истории мигрень у меня может сделаться, а с мигренью воевать невозможно...*

– *Ладно, в буфете.*

– *Вот-вот... Одну рюмку* (Булгаков, с. 98) ('угости'; просьба).

Параметры ситуации – дружеский диалог Елены Турбиной и Виктора Мышлаевского. Вместо прямой манифестации потребности персонаж приводит аргументы, в соответствии с которыми получить желаемое ему объективно необходимо, говорит о своих трудностях, и это обеспечивает толерантное отношение к нему адресата и эффективность директивного речевого акта. Ср.:

– *Я без пропитания оставаться не могу, – забормотал он, – где же я буду харчеваться?* (Булгаков, с. 318) ('оставьте меня в доме'; требование);

4) тактики безличного побуждения. Просьба в этом случае может иметь грамматическую структуру как односоставного безличного, так и двусоставного предложения и оформляется таким образом, чтобы скрывалась непосредственная направленность на ее объект. Ср. сентенционный запрет, предполагающий смягчение интенции:

– *Никого нельзя драть, – волновался Филипп Филиппович, – запомни это раз навсегда. На человека и на животное можно действовать только внушением* (Булгаков, с. 279) ('не дери'; требование).

– *Икание за столом отбивает у других аппетит, – машинально сообщил Борменталь* (Булгаков, с. 312) ('не икай'; требование).

Ср. конструкцию с глаголом в форме страдательного залога, используемую в директивном значении:

– *Спать на полатах прекращается. Понятно?* (Булгаков, с. 298) ('не спи на полатах'; требование).

Устойчивой тенденцией в прагмалингвистике стало указание в качестве основной причины не прямой коммуникации вежливости. В проанализированных нами фрагментах диалогов употребление косвенных форм воздействия на собеседников вызвано во многих случаях стремлением к поддержанию вежливости, смягчению интенций, снижению давления на адресата. Вместе с тем значимыми являются и другие причины (в ряде контекстов следует говорить о комплексе причин), среди которых назовем искренность, открытость, эмоциональность, Я-ориентированность как характерные черты стиля общения русских коммуникантов, который побуждает выбирать речевые формы, соотносящиеся с ним, а также эффективность воздействия, желание сохранить лицо или избежать зависимости от собеседника.

В текстах произведений наблюдаем совмещение противоположных тенденций: персонажам свойственны, с одной стороны, коммуникативный эгоцентризм и Я-ориентированный стиль речевого поведения, с другой стороны, направленность на чувства и интересы адресатов. Им присущи как эмоциональная

открытость и давление на собеседников, так и высокая степень завуалированности намерений, установка на усложнение их выводимости для адресата.

Т. В. Ларина отмечает невостребованность косвенных просьб в русском лингвокультурном сообществе по причине бытования коллективистского мироощущения, в рамках которого просьба не является опасным речевым актом [16]. В 1920-х гг. данный тип мироощущения еще не был сформирован. Герои исследуемых произведений, представители интеллигенции, как и авторы текстов, были рождены в XIX в. или на рубеже столетий – в период, когда доминировал непрямой жанр светской беседы. Этими обстоятельствами можно объяснить то, что персонажи в большом количестве контекстов (в трех текстах из проанализированных восьми – в преобладающем числе случаев) предпочитают формам императива менее категоричные, более вежливые способы выражения побудительного значения с высокой степенью имплицитности.

Выявив общие закономерности не прямых реализаций побудительной интенции в анализируемых текстах, добавим, что в сфере оформления косвенных директивных речевых актов имеются и свои особенности. Остановимся на некоторых из них.

Например, специфическим типом просьбы в романе А. С. Грина, не зафиксированным в других текстах рассматриваемого периода, является косвенная этикетная просьба с экспликацией выбора адресата. Такой особый тип интенции представляет собой побуждение к выполнению действия только в том случае, если это не идет вразрез с желанием, потребностью и интересами адресата. В косвенном высказывании акцентируется независимость адресата путем дополнительной вербализации предоставляемой ему возможности ответить отказом или согласием и, напротив, подчеркивается зависимое положение говорящего посредством включения добавочных конструкций. Обратимся к примеру:

Дэзи сидела на табурете и сказала: «Сядьте», – причем хлопнула по коленям руками. Я сел на бочонок и приготовился слушать.

– Хотя это невежливо, – сказала девушка, – но меня почему-то заботит, что я не все знаю. Не все вы рассказали нам о себе. Я вчера думала. Знаете, есть что-то загадочное. Вернее, вы сказали правду, но об одном умолчали. А что это такое – одно? С вами в море что-то случилось. Отчего-то мне вас жаль. Отчего это?

– О том, что вы не договорили вчера?

– Вот именно. Имею ли я право знать? Решительно никакого. Так вы и не отвечайте тогда (Грин, с. 217) ('расскажите'; просьба).

Параметры коммуникативной ситуации – диалог Дэзи и Томаса. Девушка желает узнать о том, что произошло с Томасом в море, и адресует ему неявную просьбу рассказать об этом. Тактикой реализации стратегии скрытого побуждения становится описание героиней своих эмоций и размышлений. В качестве средств репрезентации имплицитного намерения выступают риторические вопросы, создающие эмфатическую интонацию и передающие взволнованное состояние героини в связи с непроясненной ситуацией. Макроречевой акт просьбы содержит вербальное указание на то, что побуждение к действию представляется невежливым и говорящий потенциально нарушает интересы реципиента, вторгаясь в его личное пространство. Данные этикетные не прямые реализации интенций выполняют характеризующую функцию и подчеркивают деликатность героини, повышенную значимость в ее картине мира свободы личности.

Использование косвенных высказываний – важная особенность речевого поведения Александра Лужина в романе В. В. Набокова. Речевое поведение персонажа характеризуется высокой степенью психологической защиты своего внутреннего мира, почти полным отсутствием коммуникативной компетенции и в то же время повышенным стремлением к кооперации. Установлено, что 76 % речевых актов со значением побуждения, принадлежащих главному герою и его супруге, являются не прямыми. Этот факт объясняется комплексом причин: стремлением к эффективности воздействия, сложностью социальных взаимоотношений коммуникантов, отстраненностью говорящего от партнеров по коммуникации. Наиболее важно для решения стилистических задач в романе то, что Лужин прибегает к стратегиям не прямой коммуникации в ситуациях, в которых с точки зрения лингвопрагматической теории Браун – Левинсона оправданно и допустимо применение тактик прямой коммуникации, прежде всего в рамках семейного этикета (общения с супругой). Данная особенность его речевого поведения свидетельствует об одиночестве героя, замкнутости в мире шахмат, нежелании открыться даже близкому человеку [19].

Заключение

Основными моделями ритуализированного выражения побуждения в исследуемых текстах 1920-х гг. являются высказывания со значением необходимости, долженствования совершения действия, высказывания с формами сослагательного наклонения, декларативные конструкции с глаголами *хотеть*, *желать*. Выявлены следующие типы реализации стратегии побуждения в виде неритуализированных

косвенных речевых актов: конструкция с эпистемическим глаголом, констатация действий третьего лица, констатация эмоций говорящего, характеристика непроясненной ситуации, намек говорящего на негативное представление о ситуации, речевые акты со значением положительной оценки, туманные и шутливые намеки и др. В рассматриваемых текстах актуализированы тактики смягчения побуждения, такие как тактика аргументации, тактика комплимента, тактика демонстрации адресатом своих переживаний и тактика безличного побуждения.

В целом косвенной реализации интенции побуждения в русской прозе 1920-х гг. свойственна тенденция к поддержанию вежливости, смягчению намерений. Анализ косвенных побуждений позволяет сделать вывод о том, что коммуникативный стиль персонажей художественной прозы указанного периода отличается противоречиями. Регулярно отмечаются, с одной стороны, проявления искренности и откровенности, с другой стороны, тяготение к имплицитности и высокая степень закодированности интенций в этикетных целях. Обнаружены как речевые формы, характеризующиеся императивностью, давлением на адресата, так и максимально смягченные реализации интенций. Присутствует не только направленность на чувства и интересы собеседника, но и акцентирование собственных переживаний и намерений.

Большой объем не прямых высказываний со значением побуждения в частном дискурсе противоречит устойчивому представлению о нетипичности косвенных побуждений для русского речевого общения. В преобладающем числе случаев причины использования данных речевых актов следует связывать с вежливостью, однако на применение речевых форм влияют и другие факторы: особенности русского национального способа коммуникации (стремление к искренности, эмоциональность, Я-ориентация), а также цели сделать воздействие эффективным, избежать зависимости, упростить высказывание в коммуникативном плане.

Сокращения

Булгаков – Булгаков М. А. Избранные произведения : в 2 т. Т. 1. Минск : Маст. літ-ра, 1990. 655 с. ; **Грин** – Грин А. С. Алые паруса. Минск : Юнацтва, 1988. 287 с. ; **Зайцев** – Зайцев Б. К. Странное путешествие. М. : Панорама, 1996. 574 с. ; **Набоков** – Набоков В. В. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. М. : Правда, 1990. 446 с.

Библиографические ссылки

1. Дементьев ВВ. *Непрямая коммуникация и ее жанры*. Гольдин ВЕ, редактор. Саратов: Издательство Саратовского университета; 2000. 245 с.
2. Дементьев ВВ. *Непрямая коммуникация*. Москва: Гнозис; 2006. 374 с.
3. Дементьев ВВ. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018;4:919–944. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944.
4. Нестерова ТВ. Актуальные проблемы коммуникативной лингвистики (к уточнению понятий «коммуникативная категория», «категория не прямой коммуникации», «категория косвенности»). *Русский язык за рубежом*. 2016;1:103–109. EDN: VZKGST.
5. Вежибицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs «непрямота». В: Дементьев ВВ, редактор. *Прямая и не прямая коммуникация*. Саратов: Колледж; 2003. с. 136–159.
6. Серль ДжР. Косвенные речевые акты. В: Городецкий БЮ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17, Теория речевых актов*. Москва: Прогресс; 1986. с. 195–223.
7. Храковский ВС. *Семантика и типология императива*. Касевич ВБ, редактор. Ленинград: Наука; 1986. 270 с.
8. Булыгина ТВ, Шмелёв АД. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Школа «Языки русской культуры»; 1997. 576 с.
9. Гак ВГ. Прагматика, узус и грамматика речи. *Иностранный язык в школе*. 2006;8:11–17. EDN: JXAVZB.
10. Макаров МЛ. *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис; 2003. 280 с.
11. Падучева ЕВ. *Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений*. Москва: УРСС; 2002. 288 с.
12. Формановская НИ. *Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения*. Москва: Институт русского языка имени А. С. Пушкина; 1998. 291 с.
13. Багирова ЕП, Гаврикова ЭО. Непрямая коммуникация: речевой жанр скрытой просьбы. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2022;8(3):6–22. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-6-22.
14. Маслова АЮ. Особенности конвенциональных побудительных косвенных речевых актов (на материале славянских языков). *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2016;2(2): 167–176. EDN: ZFDOUH.
15. Можде ДХ. Просьба в современной русской речи в не прямой форме. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2014;3:175–183. EDN: SKHJQT.
16. Ларина ТВ. *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. Москва: Языки славянских культур; 2009. 507 с.
17. Прохоров ЮЕ, Стернин ИА. *Русские: коммуникативное поведение*. Москва: Флинта; 2006. 193 с.
18. Дементьев ВВ. *Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике*. Москва: Языки славянских культур; 2013. 335 с. Совместно с издательством «ГлобалКом».
19. Михальчук НА. Косвенные речевые акты как средство создания художественного образа в произведениях Владимира Набокова. *Русский язык за рубежом*. 2017;5:57–63. EDN: ZRQAER.

References

1. Dementyev VV. *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry* [Indirect communication and its genres]. Gol'din VE, editor. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta; 2000. 245 p. Russian.
2. Dementyev VV. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow: Gnosis; 2006. 374 p. Russian.
3. Dementyev VV. Indirect communication in the Russian speech culture. *Russian Journal of Linguistics*. 2018;4:919–944. Russian. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944.
4. Nesterova TV. Actual problems of communicative linguistics (to clarify the concepts of communicative category, category of indirect communication, category of indirection). *Russkii yazyk za rubezhom*. 2016;1:103–109. Russian. EDN: VZKGST.
5. Wierzbicka A. [Cultural conditioning of the categories «directness» vs «indirectness»]. In: Dementyev VV, editor. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication]. Saratov: Kolledzh; 2003. p. 136–159. Russian.
6. Searle JR. Indirect speech acts. In: Gorodetskii BYu, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 17, Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Issue 17, Theory of speech acts]. Moscow: Progress; 1986. p. 195–223. Russian.
7. Khrakovskii VS. *Semantika i tipologiya imperativa* [Semantics and typology of the imperative]. Kasevich VB, editor. Leningrad: Nauka; 1986. 270 p. Russian.
8. Bulygina TV, Shmelev AD. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualisation of the world (based on Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury»; 1997. 576 p. Russian.
9. Gak VG. [Pragmatics, usage and grammar of speech]. *Foreign Languages at School*. 2006;8:11–17. Russian. EDN: JXAVZB.
10. Makarov ML. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of discourse theory]. Moscow: Gnosis; 2003. 280 p. Russian.
11. Paducheva EV. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii* [The statement and its correlation with reality: referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow: URSS; 2002. 288 p. Russian.
12. Formanovskaya NI. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshcheniya* [Communicative and pragmatic aspects of communication units]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute; 1998. 291 p. Russian.
13. Bagirova EP, Gavrikova EO. Indirect speech acts of modern communication: speech genre of hidden request. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2022;8(3):6–22. Russian. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-3-6-22.
14. Maslova AYU. Features of conventional imperative indirect speech acts (on the basis Slavic languages). *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2016;2(2):167–176. Russian. EDN: ZFDOUH.
15. Mozhde DH. Indirect request in modern Russian speech. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2014;3:175–183. Russian. EDN: SKHJQT.
16. Larina TV. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Category of politeness and style of communication: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2009. 507 p. Russian.
17. Prokhorov YuE, Sternin IA. *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behaviour]. Moscow: Flinta; 2006. 193 p. Russian.
18. Dementyev VV. *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: category of personality in vocabulary and pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2013. 335 p. Co-published by the «GlobalKom». Russian.
19. Mikhalechuk NA. Indirect speech acts as the means of creating the artistic image in Vladimir Nabokov's works. *Russkii yazyk za rubezhom*. 2017;5:57–63. Russian. EDN: ZRQAER.

Статья поступила в редколлегию 15.04.2024.
Received by editorial board 15.04.2024.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ДИРЕКТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИХ КОМПОНЕНТАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА)

Е. Г. ЗАДВОРНАЯ¹⁾, Л. В. ВИТЧЕНКО²⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены используемые коммуникантами в русскоязычном диалогическом общении двухкомпонентные директивные комплексы. Показано, что в зависимости от семантического типа глаголов выделяются гомогенные и гетерогенные директивные комплексы. Описаны четыре типа отношений между компонентами директивных комплексов: 1) отношения одновременности; 2) отношения последовательности; 3) отношения конкретизации; 4) отношения синонимии. Установлено, что тип отношений между компонентами и порядок их взаиморасположения зависят от семантической разновидности директива.

Ключевые слова: директивный речевой акт; директивный комплекс; гомогенный комплекс; гетерогенный комплекс; семантические разновидности; синтаксические отношения.

СЕМАНТИЧНЫЯ ТЫПЫ ДЫРЭКТЫЎНЫХ КОМПЛЕКСАЎ І АДНОСІНЫ ПАМІЖ ІХ КАМΠΑНАМЕНТАМІ (НА МАТЭРЫЯЛЕ РУСКАМОЎНАГА МАСТАЦКАГА ДЫЯЛОГУ)

А. Г. ЗАДВОРНАЯ^{1*}, Л. В. ВИТЧАНКА^{2*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разгледжаны двухкампанентныя дырэктыўныя комплексы, якія выкарыстоўваюцца камунікантамі ў рускамоўных дыялагічных адносінах. Паказана, што ў залежнасці ад семантычнага тыпу дзеясловаў вылучаюцца гамагенныя і гетэрагенныя дырэктыўныя комплексы. Апісаны чатыры тыпы адносін паміж кампанентамі дырэктыўных комплексаў: 1) адносіны адначасовасці; 2) адносіны паслядоўнасці; 3) адносіны канкрэтызацыі; 4) адносіны сінаніміі. Устаноўлена, што тып адносін паміж кампанентамі і парадак іх узаемнага размяшчэння залежаць ад семантычнай разнавіднасці дырэктыва.

Ключавыя словы: дырэктыўны маўленчы акт; дырэктыўны комплекс; гамагенны комплекс; гетэрагенны комплекс; семантычныя разнавіднасці; сінтаксічныя адносіны.

Образец цитирования:

Задворная ЕГ, Витченко ЛВ. Семантические типы директивных комплексов и отношения между их компонентами (на материале русскоязычного художественного диалога). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2024;2:80–88.
EDN: XTJTJB

For citation:

Zadvornaya EG, Vitchenko LV. Semantic types of directive complexes and relations between their components (based on material taken from the Russian literary dialogue). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2024;2:80–88. Russian.
EDN: XTJTJB

Авторы:

Елена Геннадиевна Задворная – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

Людмила Валерьевна Витченко – старший преподаватель кафедры английского языка международной профессиональной деятельности факультета международных отношений.

Authors:

Elena G. Zadvornaya, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of theoretical and applied linguistics.

egz0201@gmail.com

Ludmila V. Vitchenko, senior lecturer at the department of English for international professional activities, faculty of international relations.

vitchenko_lv@tut.by

SEMANTIC TYPES OF DIRECTIVE COMPLEXES AND RELATIONS BETWEEN THEIR COMPONENTS (BASED ON MATERIAL TAKEN FROM THE RUSSIAN LITERARY DIALOGUE)

E. G. ZADVORNAYA^a, L. V. VITCHENKO^b

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zaharava Street, Minsk 220034, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: L. V. Vitchenko (vitchenko_lv@tut.by)

Abstract. Two-component directive complexes used by the speakers in the Russian dialogical communication are considered. It is shown that depending on a semantic type of a verb these complexes can be divided into homogeneous and heterogeneous complexes. Four types of relations between components of directive complexes are described: 1) simultaneity relations; 2) consistency relations; 3) specification relations; 4) synonymy relations. It has been established that the type of relations between the components as well as the order of their interposition depends on a semantic type of a directive speech act.

Keywords: directive speech act; directive complex; homogeneous complex; heterogeneous complex; semantic varieties; syntactical relations.

Введение

Взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия императивности как морфологической категории глагола, побудительности как синтаксической категории предложения и директивности как типа иллокутивного значения высказывания (речевого акта) относятся к числу наиболее активно и плодотворно изучаемых в современной лингвопрагматике. В этой области выполнено впечатляющее количество исследований, в которых на материале различных языков проанализированы ядерные и периферийные средства выражения побудительности, частные иллокутивные значения директивов (суггестивность, реквестивность, прескриптивность), национально-культурные и социально-статусные аспекты функционирования побудительных высказываний и др. (см., например, работы Ю. Д. Апресяна [1], Е. И. Беляевой [2], В. Ю. Гусева [3], А. И. Изотова [4], Н. В. Перцова [5], В. С. Храковского и А. П. Володина [6]).

Одним из наименее изученных, но при этом весьма важных аспектов побудительности является ее ориентированность на ту или иную сферу адресата. Она реализуется с помощью директивных речевых актов (ДРА), включающих императивные формы глаголов, которые относятся к различным семантическим типам, т. е. обозначают:

- физические действия и поведение человека (*подойдите ко мне; не кривляйся!*);
- коммуникативные действия (*расскажите о себе; немедленно извинись*);
- ментальные действия и состояния (*подумайте пару дней; решай сам*);
- эмоциональные состояния (*успокойтесь; не волнуйся из-за мелочей*).

На основании данного аспекта целесообразно выделение акционально-поведенческих, коммуникативных, ментальных и эмоциональных ДРА (далее – АПДРА, КДРА, МДРА и ЭДРА соответственно)¹. Семантическая специфика таких директивов оказывает существенное воздействие на их локализацию в диалоге, реализуемые этими ДРА частные иллокутивные значения, их прагматические функции и т. д. Кроме того, весьма интересным и перспективным объектом анализа являются директивные комплексы, т. е. сочетания ДРА, ориентированных на определенные сферы адресата². Ср.:

(1) Павел. Не понимаешь значит... А вот это уже старость. Все просто, Димка. Симку **выкини**... новую **купи**...

¹Возможно выделение и перцептивной разновидности ДРА, конституируемой императивами вроде *посмотри, послушай*. Но в настоящей работе мы исключаем их из анализа на основании, во-первых, крайне низкой частотности, а во-вторых, тенденции к десемантизированному употреблению. Ср. высказывания типа *слушай, так мы идем?*; *смотри не опоздай*, в которых компоненты *слушай* и *смотри* интерпретируются как десемантизированные императивы (подробнее см. публикацию [7]).

²Выделяя директивные комплексы, мы придерживаемся точки зрения, согласно которой речевой акт, как интенциональная единица, может формально не совпадать с высказыванием как структурно-коммуникативной единицей. Соответственно, высказывание может включать более одного речевого акта, ср.: *прости, я больше не буду опаздывать* (экспрессив + комиссив); *подождите пару минут, я еще рецепт не выписал* (директив + репрезентатив). По этой причине, исследуя директивные комплексы, мы исходим из того, что высказывания типа *сядь и подумай* включают два ДРА.

Дима. *Купил уже...*³ (Венедиктова-1) (АПДРА + АПДРА).

(2) Дима. *А у тебя? У тебя все есть что ли, великий учитель... Квартиру снимаешь, едешь на метро, Ритка на тебя даже не смотрит, Офелия вот-вот выгонит. Ты-то, за что держишься?*

Офелия. *Не грубите* Димитрий, *не решайте* за меня (Венедиктова-1) (КДРА + МДРА).

Подобные комплексы выступают в качестве объекта анализа в настоящей работе, целью которой является определение разновидностей ДРА и типов отношений, возникающих между их компонентами.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили содержащие ДРА контексты обыденно-разговорного характера, отобранные методом сплошной выборки из НКРЯ, художественных произведений современных русскоязычных авторов (впервые опубликованных в период с 2000 по 2023 г.). При этом в выборку включались только контексты с двухкомпонентными комплексами (разумеется, директивные комплексы могут носить и более сложный характер и состоять из трех и более ДРА, ср. высказывания типа *сядь, успокойся и объясни толком...*; *не волнуйся, выпей воды и подумай спокойно*; подобные усложненные комплексы, на наш взгляд, требуют отдельного рассмотрения). Кроме того, первоначальный анализ директивных комплексов показал, что при возможности наличия между их компонентами различных видов сочинительных отношений, в частности разделительных (*сходи или позвони*) и сопоставительных (*не рассуждай, а делай*), в подавляющем большинстве случаев наблюдаются соединительные отношения. Соответственно, выборку составили 500 контекстов, включающих двухкомпонентные директивные комплексы, компоненты которых связаны соединительными отношениями. В качестве метода исследования был использован метод контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение

В круге обсуждаемых контекстов целесообразно различать гомогенные и гетерогенные комплексы, т. е. комбинации ДРА, ориентированных на одну и ту же или на разные сферы адресата. Рассмотрим их подробнее.

Гомогенные комплексы. Директивные комплексы данного вида образуют все семантические разновидности директивов, ср. типичность комбинаций *сядь и поешь* (АПДРА); *не молчи, расскажи* (КДРА); *обдумай и реши* (МДРА); *успокойся, не нервничай* (ЭДРА). Компоненты таких комплексов могут находиться в различных смысловых взаимоотношениях, причем характер этих взаимоотношений коррелирует с семантической разновидностью директивов.

Наиболее широкий спектр отношений между компонентами демонстрируют комплексы, состоящие из АПДРА. Между их компонентами возможны следующие отношения:

- отношения последовательности. Для АПДРА типичными являются сочетания, в которых выполнение первого действия, к которому говорящий побуждает адресата, предшествует выполнению второго действия:

(3) *Я проводил его до вокзала, посадил в вагон и предупредил:*

– *Ложись и спи до станции Привольск. Проводнику скажу, чтобы он разбудил тебя...* (НКРЯ (Кирюхин Н. И. Страшные годы. Пережитое. 1994)).

(4) *Паша. Ты не слышал? Я говорю, там просили суп.*

Повар. А что именно?

Паша. Солянку.

Повар. Прекрасно! Достаньте кто-нибудь и разогрейте. Там что-то оставалось (Гришковец).

В силу того, что в таких комплексах последовательность ДРА иконически воспроизводит последовательность соответствующих действий, характерным индикатором отношений данного типа является фиксированное расположение компонентов, ср. аномальность сочетаний **спи и ложись*; **разогрей и достань*. В случаях, когда из-за каких-либо причин нормальная очередность ДРА нарушается, говорящий обычно восстанавливает порядок с помощью специального показателя – как правило, сочетания частицы *только* в функции противительного союза с темпоральным наречием *сначала*:

(5) – *Не ломай головы, все равно не поймешь; садись на своего рысака, только сначала подбери свой хитон или то, что от него осталось* (НКРЯ (Зелинский Ф. Ф. Иресиона. 1921)).

(6) – *А сегодня что?*

– *А сегодня иди на все четыре стороны... Только сначала замок в двери смажь* (НКРЯ (Кашкин Ю. Валухо-горюха // Ковчег. 2013. № 41));

³Здесь и далее примеры приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

• отношения одновременности. Директивные комплексы данного типа весьма вариативны и неоднородны. Так, они могут включать в свой состав разнообразные с точки зрения семантико-прагматических характеристик компоненты, а именно как собственно императивы, так и прохибитивы⁴:

(7) – *Слушай, Кунта, – серьезно сказал дядя Сандро, – **сиди дома и кушай** свою мамалыгу, а то худо тебе будет...* (НКРЯ (Искандер Ф. Сандро из Чегема. Кн. 1. 1989)) (собственно императив + собственно императив).

(8) – *А почему у нее такие сердитые мездри?*
– *Не мездри, а ноздри. Сколько раз я тебе говорил. Пора знать. И **сиди спокойно, не вертись*** (НКРЯ (Катаев В. П. Дорогой, милый дедушка. 1965)) (собственно императив + прохибитив).

(9) – *По ночам вы с Андреем все-таки остерегайтесь: поздно из квартир **не выходите и огня не зажигайте**, вот и все что от вас требуется* (НКРЯ (Шолохов М. А. Поднятая целина. Кн. 2. 1959)) (прохибитив + прохибитив).

Кроме того, императивы конституирующих такие комплексы глаголов могут иметь не только конкретно-ситуативное (см. контексты (1)–(6) и (8)), но и обобщенное (см. контексты (7) и (10)) значение, ср.:

(10) *В особом отделе 15-го отделения милиции мне сообщили о прекращении моего дела, разорвали при мне подписку о невыезде, пожали руку и сказали: «**Живи и работай!**»* (НКРЯ (Жженов Г. Прожитое. 2002)).

Наконец, в таких комплексах возможны как отношения полной одновременности каузируемых действий, так и отношения, при которых одно из действий выступает в качестве фона, на котором реализуется второе действие (см. подробно публикацию [8, с. 47, 53, 58]). Именно комплексы последнего типа, по нашим наблюдениям, являются наиболее употребительными и отличаются при этом фиксированным расположением компонентов. Первое место в них занимают императивы глаголов местоположения или физического положения, обозначающие фоновое действие (см. контексты (11)–(13)).

(11) *Он тоже понял, что она пришла в себя, засмеялся и похлопал ее по плечу.*
– *Ну-ну. Будь паинькой. **Сиди и жди...** Потом проводишь меня на вокзал. Поеду на дачу. А то три дня здесь торчу, пью со всякой шоблой, а работа-то лежит* (НКРЯ (Домбровский Ю. О. Ручка, ножка, огурчик. 1977)).

(12) *«Так, мой родной, – почти весело сказала она. – **Лежи и отдыхай.** Тебе нужно спать больше»* (НКРЯ (Муравьева И. Мещанин во дворянстве. 1994)).

(13) – *Это что же, мне всю ночь, как пожарнику, со шлангом в руках провести?*
– *Правильно говоришь, – похвалил Вахид. – **Стой и шланг в дырки вставляй.***
– *Самая ночная работа, – безрадостно согласился Олег* (НКРЯ (Мясников В. Водка. 2000));

• отношения синонимии, в том числе контекстуальной (см. контекст (14)).

(14) – *Ты можешь быть спокойна, здесь тебя никто не потревожит. Ключи есть только у меня. **Сиди дома и никуда не выходи*** (НКРЯ (Маринина А. Мужские игры. 1997)).

При внешнем сходстве комплексов *сиди дома и жди* и *сиди дома и никуда не выходи* в них представлены разные отношения между компонентами: индикатором того, что во втором случае мы имеем дело с отношениями синонимии, выступает возможность свободной перестановки компонентов, нехарактерной для сочетаний с отношениями одновременности, особенно при условии наличия компонента, обозначающего фоновое действие. Так, если комбинация *жди и сиди* является неестественной (во всяком случае, в НКРЯ приводится 49 контекстов с комбинацией *сиди и жди* и ни одного контекста с инвертированным порядком императивов), то изменение порядка следования компонентов в комбинации *сиди дома и никуда не выходи* вполне возможно (см. контекст (15)).

(15) *«Ну, хорошо, Веня, – сказал, – хорошо, выпей сто пятьдесят, только никуда **не ходи, сиди дома**. Что же вы думаете? Я выпил сто пятьдесят и усидел дома? Ха-ха* (НКРЯ (Ерофеев В. Москва – Петушки. 1970)).

Аналогичная ситуация наблюдается и в паре синонимов *постой, подожди* (см. контексты (16) и (17)).

(16) – *Это неважно, – сказал Гриша. – Я приду пораньше, надену свой костюм и буду играть... Или отниму костюм силой!..*

⁴Используя данные термины, мы опираемся на концепцию Храковского и Володина, в рамках которой побуждение выполнять какое-либо действие интерпретируется как собственно императив, а побуждение не выполнять действие – как прохибитив. Иными словами, оппозиция *собственно императив – прохибитив* эквивалентна оппозиции *утвердительная форма императива – отрицательная форма императива* [6, с.132–154].

– **Постой, подожди**, – просил Татосов, но Гриша был тверд и вышел из квартиры (НКРЯ (Рецептер В. Эта жизнь несправима... 2001)).

(17) – Спасибо, ты иди, тебя гости ждут.

– **Подожди, стой**... Если я не так понял – объясни толком, зачем же бежать? (НКРЯ (Полонский Г., Долинина Н. Перевод с английского. 1972));

• отношения конкретизации. Второе предписываемое действие уточняет, конкретизирует, актуализирует какой-либо аспект первого. Как правило, в таких комплексах императив глагола, называющего более общее действие, занимает инициальную позицию (см. контексты (18) и (19)).

(18) – Юр, они (ключи. – Е. З., Л. В.) же все равно в буфете будут лежать, – сказала она. – Если тебе понадобятся...

– Не понадобятся, – невесело улыбнулся он. – Ты там **прибери** только, **вынеси**... лишнее, ладно? (НКРЯ (Берсенева А. Возраст третьей любви. 2005)).

(19) Эсфирь. Кушай, Лиза, кушай! Ты кушай, а я буду рассказывать. Я люблю, чтобы было красиво! Ты спросишь, откуда у меня это? Не знаю. Люблю. Чтоб было много тарелок, и салфетки, и все как надо. **Кушай, Лиза, кушай. Возьми салат. Я тебе расскажу нечто! Ты удивишься!** (Пауза.) Я была в Бобруйске! Да, представь себе, я была в Бобруйске!

Елизавета. Да что ты говоришь, Фира? (Улицкая).

В случае воздействия на коммуникативную сферу адресата компоненты директивных комплексов вступают в отношения синонимии, в том числе контекстуальной (см. контекст (20)), или конкретизации (см. контексты (21) и (22)).

(20) – Далее за каким делом приехал? **Не молчи – говори**.

– Колокола буду по звонницам церковным да по монастырям снимать, – решительно сказал Иевлев (НКРЯ (Герман Ю. П. Россия молодая. Ч. 2. 1952)).

(21) Глафира. Нет, очень просто.

Лыняев. Но каким же образом, **скажите, объясните** мне!

Глафира. Сядемте! Садятся на скамью (НКРЯ (Островский А. Н. Волки и овцы. 1875)) (конкретизируется иллюкутивная функция коммуникативного действия, к которому побуждает собеседника говорящий).

(22) Все равно вам не жить друг без друга, – я-то знаю. **Говори и не лги**, я прав? Не трусь, ну? (НКРЯ (Арбузов А. Н. Мой бедный Марат. 1964–1980)) (конкретизируется требование к искренности собеседника, т. е. к соблюдению категории качества в терминологии Г. П. Грайса).

В случае отношений синонимии порядок следования директивов является свободным, а при отношениях конкретизации возможны варианты: если в качестве второго компонента выступает директив, побуждающий собеседника к искренности, то этот компонент располагается в постпозиции, ср. неестественность комбинаций **не лги и рассказывай*; **не ври мне и говори*. Для других комбинаций эта тенденция может и не соблюдаться (в принципе перестановка типа *объясните, скажите* вполне допустима).

Для гомогенных директивных комплексов с участием МДРА характерны отношения последовательности и синонимии. Как и в комплексах с АПДРА и КДРА, в них очередность компонентов является фиксированной в случае отношений последовательности (см. контексты (23) и (24)) и свободной в случае отношений синонимии (см. контексты (25) и (26)).

(23) – Дядя, – начала Руна, – **прикажите** удалиться слугам. То, что я теперь скажу, не должен слышать никто, кроме вас.

Старик улыбнулся и выполнил ее просьбу.

– Начнем, – сказал он, наливая вино, – хотя, прежде чем открыть мне свое, по-видимому, особенное желание, хорошо **подумай и реши**, в силах ли я его исполнить (НКРЯ (Грин А. С. Блестящий мир. 1923)).

(24) Ты **сначала подумай, потом догадайся**, где да как все надо достать, а достанешь или нет – кто тебя знает. Может – и нет (НКРЯ (Фурманов Д. А. Мятёж. 1924)).

(25) Ну-ка, **сообрази, подумай** – что делать? Надо увидеть ее, переговорить, образумить. Она – девочка, сгорая, не серьезно сказала... (НКРЯ (Кравков М. А. Эпизод. 1924)).

(26) – А ты **подумай, сообрази**. Никто бы не смог – а она смогла. Потому как талант. А потом, девки, устроила такой базар из-за троллейбусного билета, что я вам скажу... Я молчу (НКРЯ (Щербакова Г. Эмансипация // Ковчег. 2012. № 36)).

В директивных комплексах, включающих ЭДРА, наблюдаются исключительно отношения синонимии, что объясняется семантикой глаголов, императивные формы которых представлены в таких комплексах. К этим формам относятся, во-первых, собственно императивы глаголов типа *успокоиться*, *остыть*,

а во-вторых, прохибитивы глаголов типа *волноваться, беспокоиться, тревожиться, переживать, дергаться* (прохибитивные употребления значительно превосходят по частотности собственно императивные, что, как отмечается в исследовании В. С. Храковского и А. П. Володина, характерно и для их автономного употребления (подробнее см. публикацию [6, с. 148])). Все эти глаголы входят в один и тот же кластер страха (подробнее о кластерах см. работу [9]) и используются в идентичной прагматической функции: побуждения типа *не волнуйся (не переживай, не нервничай, успокойся, остынь)* употребляются с целью успокоить адресата, минимизировать интенсивность переживаемого им эмоционального состояния. Соответственно, в анализируемых директивных комплексах они находятся в отношениях синонимии и допускают свободные перестановки в сочетаниях всех типов, т. е. в комбинациях «собственно императив + собственно императив» (см. контекст (27)), «собственно императив + прохибитив» (см. контекст (28)) или «прохибитив + прохибитив» (см. контекст (29)).

(27) – *Паразит, зачем же ты ко мне пристал?* – кричал Дмитрий.

– *Успокойся, уймись*, – обнимая Панаева и хлопая его по плечам, сосед стрекотал. «*Давай, давай!*» – хлопки говорили (НКРЯ (Поступинский А. А. Бог № 264 // Волга. 2013. № 1–2)).

(28) «*Их, говорит, Кузин привел. Я сам видел. Это он, говорит, им дорогу показал.* Тут батя и сказал: «*Кузин предатель!*»

– *Успокойся, не волнуйся так. А что потом твой отец сделал?*

– *Стал нас домой отправлять... Написал записку и мне дал.*

– *Какую записку?* (НКРЯ (Голубев Г. Вспомни! 1972)).

(29) *Всегда спокойный, он был спокоен и в день отъезда.*

– *Если придется выступить, расскажи о заводе. Нас, молодых, скажи, больше тысячи на КАЗе, мы не подведем*, – напутствовали его в комитете комсомола. – *И не волнуйся, не спеши, расскажи подробно...*

Он выслушал всех. Он никогда не спешил. И что ему волноваться? (НКРЯ (Марков Л. Сторона, с которой виднее // Техника – молодежи. 1974. № 5)).

Таким образом, наибольшую вариативность отношений между компонентами демонстрируют директивные комплексы акционально-поведенческого характера, наименьшую – эмоциональные директивные комплексы.

Гетерогенные комплексы. Директивные комплексы данного типа отличаются разнообразием, обусловленным широким сочетаемостным потенциалом образующих их директивов. Так, в нашем материале представлены все возможные комбинации семантических типов глаголов, императивы которых конституируют соответствующие ДРА, т. е. шесть возможных сочетаний: 1) АПДРА + КДРА (см. контекст (30)); 2) АПДРА + МДРА (см. контекст (31)); 3) АПДРА + ЭДРА (см. контекст (32)); 4) КДРА + МДРА (см. контекст (33)); 5) КДРА + ЭДРА (см. контекст (34)); 6) МДРА + ЭДРА (см. контекст (35)).

(30) – *Он ничего не знает о сержанте Глебове*, – доложил лейтенант.

Подполковник кивнул и отпустил его. Посмотрел на Тимофея, казалось, совершенно равнодушно:

– *Садись и рассказывай*, как все было, с самого начала, – и снова уткнулся в исписанные листки (НКРЯ (Дворецкий Л. Шакалы. 2000)).

(31) *Катерина (не обращая внимания). Держи короля, загадывай, что узнать хочешь. Что приглядываешься-то, карты первый раз видишь?*

Дед. Не первый, а только почему король червовый, поскольку я в состоянии войны, то масть у меня – пиковая должна быть (Венедиктова-2).

(32) *Вадим. Ты шутишь. Постой, да ты смеешься надо мной?!*

Ольга. Нет. Сядь, упокойся... (Венедиктова-3).

(33) – *Я старший уполномоченный Центрального отделения Агентства Социальной Безопасности Павел Гусев. Ты обвиняешь президента фонда господина Юрина в сексуальных домогательствах и физическом насилии. Сейчас у тебя есть возможность отказаться от этого обвинения. Подумай и скажи* – обвиняешь ты его, или нет.

– *А что ему будет?* – спросила Марина. Видимо, гусевский намек на прострел башки ее не убедил.

– *Юрин – закоренелый враг общества* (НКРЯ (Дивов О. Выбракровка. 1999)).

(34) *Она все-таки зашла без позволения. Еще и забралась мне на колени. Охватила мою шею, прижалась к груди.*

– *Мамочка! Успокойся и объясни мне все.*

– *Я объясни? Иди ты к черту, к дьяволу, к лешему лысому.*

– *Идиома правильная: к черту лысому. Но не будем придирааться* (НКРЯ (Нестерова Н. В. Неподходящий жених. 2013)).

(35) – *Мещанство, – тихо возразила Наташа, – стыдиться работы; неужели предосудительно, что жена твоя сама работает на твоего ребенка, а не бросает деньги швеям? Успокойся и подумай хорошенько, – увидишь, что этот случай только забавен* (НКРЯ (Пассек Т. П. Из дальних лет. 1878–1889)).

Понятно, что принадлежность глаголов, императивы которых образуют соответствующие директивные комплексы, к разным семантическим классам исключает возможность возникновения между ними отношений синонимии или конкретизации и допускает только отношения последовательности или одновременности.

В первом случае, т. е. при отношениях последовательности, расположение компонентов определяется очередностью действий, которая является (или представляется говорящему) естественной в конкретной коммуникативной ситуации. Ср. сочетания АПДРА + МДРА (см. контекст (36)) и МДРА + АПДРА (см. контекст (37)).

(36) – *Хватит, – говорит он. – Не нужно мне все это рассказывать тебе раньше времени. Уже поздно. Иди и подумай еще раз хорошенько. Я бы на твоём месте отказался* (НКРЯ (Петросян М. Дом, в котором... 2009)).

(37) – *Подумай и приходи ко мне завтра, – сказал Ильюшин.*

Назавтра он пришел и сказал:

– Я подумал и прошу отпустить меня в отпуск (НКРЯ (Чуев Ф. Ильюшин. 1998)).

Для гетерогенных комплексов возможны ситуации инвертированного следования ДРА, в которых естественный порядок восстанавливается говорящим с помощью тех же средств, что и в комплексах гомогенного типа (см., например, контекст (38)).

(38) – *Ну что? – неприязненно спросил полковник в пространство. – Все ясно или объяснения нужны?*

– Не нужны, товарищ полковник, – четко выговорил Морозов, – разрешите приступить?

– Приступайте, – разрешил полковник, – только сначала кто-нибудь изложите мысли. Есть у кого-нибудь мысли? (НКРЯ (Устинова Т. Большое зло и мелкие пакости. 2003)).

В случае отношений одновременности в инициальной позиции располагается глагол, обозначающий действие, которое является фоновым (или интерпретируется в качестве такового говорящим). Ср., например, контексты (39)–(41).

(39) *Я очень хочу стать настоящим спасателем. Оказалось, в подвале мы просидели почти три часа, и Лехе пора ехать узнавать, не подвезли ли воду для лагеря.*

– Один я быстрее съезжу, – объясняет он мне. – А ты сиди и думай, что делать. Он взгромождается на байк и уезжает (НКРЯ (Верясова Д. Е. Муляка // Волга. 2012. № 9–10)).

(40) – *Это что? – спросила Антонина.*

Филька посмотрел на нее и на лес, подумал и ответил:

– Что, что? Тебе все – что это?.. Стой и молчи! (НКРЯ (Сергеев-Ценский С. Н. Лесная топь. 1905)).

(41) *Вера. И как это случилось? <...> Пей чай и рассказывай. Мы ведь друзья. Рассказывай.*

Володик. А что рассказывать? Ну, поехали в лес, вот и все (Слаповский).

В отдельных комментариях нуждаются гетерогенные комплексы, включающие ЭДРА. В этих комплексах характер отношений и расположение компонентов обнаруживают зависимость от того, какая именно форма императива – собственно императив или прохибитив – представлена в соответствующем сочетании. В случае использования собственно императива компоненты комплекса находятся в отношениях последовательности, а их расположение определяется стандартным образом (см. контексты (42) и (43)).

(42) – *Мы летим в Вену! Я боюсь, что мы упадем.*

– Ева, через полчаса мы будем в Афинах, какая Вена? Успокойся и иди спать. Ну ты же взрослая женщина, ты не ребенок (НКРЯ (Родченкова Е. Евления // Дальний Восток. 2019. № 1)).

(43) *Георгий, заметив, что девушка вздрагивает всем телом, достал свою волшебную флягу.*

– На, глотни и успокойся. Вы, ребята, молодцы. Хоть и ошибались, но шли верной дорогой (НКРЯ (Баконина М. Школа двойников. 2000)).

Если же в директивный комплекс включается прохибитив, то порядок следования компонентов оказывается свободным и определяется говорящим произвольным образом (см. контексты (44)–(47)).

(44) – *Ангелы пришли. Теперь уж в полной ангельской форме. Сидят, пишут и тебя зовут. Я говорил, что тебя это не минует. Иди, не бойся. С ними не соскучишься* (НКРЯ (Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей. Ч. 1. 1978)).

(45) – *Иди, покрутишь мне точильный камень, – говорит дедушка.*

– Мамка будет драться, – после некоторого раздумья отвечает мальчик, как бы и матери давая время высказаться по этому поводу.

Но тетушка не высказывается.

– **Не бойся, иди**, – говорит дед и, зайдя в кухню, наливает в кувшинчик воды, чтобы поливать точильный камень (НКРЯ (Искандер Ф. Дедушка. 1966)).

(46) – Ужинать будете? – заглянула сестра. – Котлетки, кисель.

– Нет.

– Сережа, ты из-за меня, может быть? **Ешь, не стесняйся**, я посижу. Я тебе гостинца принес. Не бог знает что, извини. Масло постное да редька. Ну и хлеб черный (НКРЯ (Амосов Р. Подъем на холм // Ковчег. 2012. № 37)).

(47) – Смотри, какой диван тут мягкий... Хорошо? Она ушла в комнату, откуда раздавалось бормотание телевизора, а друзья чокнулись и выпили по первой.

– Ну как там Новосибирск? – спросил Кутицына Андрей. – Ты **не стесняйся, налегай на картошечку**... Еще пожарим... (НКРЯ (Грачев А. Ярый против видеопиратов. 1999)).

На наш взгляд, свободное взаиморасположение компонентов в таких комплексах обусловлено тем, что в них императив эмоционального глагола выступает не в роли самостоятельного побуждения-пожелания, а в качестве своего рода обстоятельства образа действия: сочетания *заходи, не робей; бери, не бойся; ешь, не стесняйся*, по сути, обозначают выражения *заходи (бери, ешь) без стеснения (смело, спокойно, уверенно)*⁵.

Интересно, что, хотя расположение императивов в таких комплексах носит свободный характер, их локализация демонстрирует любопытную тенденцию: несмотря на отсутствие каких-либо семантических или прагматических факторов, регулирующих позицию ЭДРА, эмоциональный прохибитив заметно тяготеет к финальной позиции. Так, по данным НКРЯ, императив *не стесняйся* располагается в препозиции в 55 двухкомпонентных директивных комплексах, а в постпозиции в 182 случаях, т. е. постпозиция встречается в 3,3 раза чаще. Представляется, что здесь наблюдается определенная идиоматизация данных комплексов, объясняемая не столько семантико-прагматическими или экстралингвистическими факторами, сколько речевым автоматизмом. По-видимому, в таких случаях мы имеем дело с тем, что Б. М. Гаспаров называл коммуникативными фрагментами, т. е. со своеобразными речевыми клише (никоим образом не отождествляемыми с фразеологизмами или, шире, паремиями), которые «хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний» [10, с. 90]. Интерпретируя коммуникативный фрагмент как «целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне» [10, с. 90], Б. М. Гаспаров полагает, что именно такие фрагменты «служат для говорящих первичными единицами, из которых состоит их мнемонический “лексикон” владения языком» [10, с. 95]. На наш взгляд, конструкции типа *заходи, не бойся; бери, не стесняйся* относятся к числу единиц, употребление которых демонстрирует реализацию определенного речевого стереотипа.

Заключение

Двухкомпонентные директивные комплексы отличаются высокой степенью семантико-прагматической и структурной вариативности. Между компонентами таких комплексов могут возникать отношения последовательности, одновременности, а также синонимии и конкретизации (для гомогенных комплексов). Тип отношений между компонентами, порядок их взаиморасположения зависят от семантической разновидности ДРА: так, между компонентами гомогенных комплексов, включающих АПДРА, возможны все типы отношений, в то время как в комплексах, образованных ЭДРА, наблюдаются только отношения синонимии. Для комплексов с отношениями последовательности и конкретизации характерно фиксированное расположение компонентов, для комплексов с отношениями синонимии – нефиксированное, для комплексов с отношениями одновременности возможны оба варианта в зависимости от типа комплекса (гомогенный или гетерогенный) и разновидности составляющих его директивов.

⁵Такие взаимоотношения в принципе возможны и для других типов сочетаний (фиксированный порядок компонентов в комплексах *сиди (стой) и молчи; говори (рассказывай) и не ври* также объясняется адвербиальным характером второго компонента, ср.: *сиди молча; рассказывай честно*), но если для них такой вариант расположения директивов наблюдается только для отдельных конкретных глаголов, то в случае эмоциональных прохибитивов адвербиальная функция носит системный, последовательный характер.

Сокращения

Венедиктова-1 – Венедиктова Е. Здравствуй, дорогой // Театральная библиотека Сергея Ефимова : сайт. URL: <https://theatre-library.ru/authors/v/venediktova> (дата обращения: 23.02.2024) ; **Венедиктова-2** – Венедиктова Е. Сельский фарс // Проза. ру : портал. URL: <https://proza.ru/2014/07/11/480> (дата обращения: 26.02.2024) ; **Венедиктова-3** – Венедиктова Е. Заявление об уходе // Театральная библиотека Сергея Ефимова : сайт. URL: <https://theatre-library.ru/authors/v/venediktova> (дата обращения: 27.02.2024) ; **Гришковец** – Гришковец Е. Сатисфакция [Электронный ресурс] // Онлайн-библиотека «Knijki.ru». URL: <https://knijki.ru/books/satisfakciya> (дата обращения: 26.12.2023) ; **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.02.2024) ; **Слаповский** – Слаповский А. Шнурок, или Любил, люблю, буду любить [Электронный ресурс] // LibKing. URL: <https://libking.ru/books/poetry/-dramaturgy/587432-aleksey-slapovskiy-shnurok-ili-lyubil-lyublyu-budu-lyubit.html> (дата обращения: 27.02.2024) ; **Улицкая** – Улицкая Л. Е. Мой внук Вениамин // ЛитРес : сайт. URL: <https://www.litres.ru/book/ludmila-ulickaya/moy-vnuk-veniamin-163833/chitat-onlayn/> (дата обращения: 22.02.2022).

Библиографические ссылки

1. Апресян ЮД. Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике. В: Володин АП, редактор. *Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию профессора В. С. Храковского*. Москва: Знак; 2004. с. 20–35.
2. Беляева ЕИ. *Грамматика и прагматика побуждения: английский язык*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета; 1992. 168 с.
3. Гусев ВЮ. *Типология императива*. Москва: Языки славянской культуры; 2013. 336 с.
4. Изотов АИ. *Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским*. Брно: L. Marek; 2005. 274 с. EDN: TIGVFF.
5. Перцов НВ. *Инварианты в русском словоизменении*. Москва: Языки русской культуры; 2001. 279 с.
6. Храковский ВС, Володин АП. *Семантика и типология императива. Русский императив*. Москва: Едиториал УРСС; 2002. 272 с.
7. Витченко ЛВ. Десемантизированные императивы в составе речевых актов (на материале английского, итальянского и русского языков). В: Шадурский ВГ, редактор. *Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам. Материалы XII Международной научной конференции, посвященной 97-летию образования Белорусского государственного университета; 26 октября 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 68–69. EDN: YYDKJV.
8. Шелякин МА. *Категория вида и способы действия русского глагола. Теоретические основы*. Таллин: Валгус; 1983. 216 с.
9. Апресян ВЮ. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента. В: Селегей ВП, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной международной конференции; 29 мая – 2 июня 2013 г.; Бекасово, Россия. Выпуск 12(19). Том 1*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2013. с. 43–57. EDN: HCBIIIX.
10. Гаспаров БМ. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение; 1996. 352 с.

References

1. Apresyan YuD. [Principles of organisation of the centre and periphery in lexicon and grammar]. In: Volodin AP, editor. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike: k 70-letiyu professora V. S. Khrakovskogo* [Typological justifications in grammar: on the 70th anniversary of professor V. S. Khrakovskii]. Moscow: Znak; 2004. p. 20–35. Russian.
2. Belyaeva EI. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: angliiskii yazyk* [Grammar and pragmatics of order: the English language]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta; 1992. 168 p. Russian.
3. Gusev VYu. *Tipologiya imperativa* [Typology of the imperative]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2013. 336 p. Russian.
4. Izotov AI. *The functional-semantic category of imperative modality in modern Czech in comparison with Russian*. Brno: L. Marek; 2005. 274 p. Russian. EDN: TIGVFF.
5. Pertsov NV. *Invarianty v russkom slovoizmenenii* [Invariants in Russian inflection]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2001. 279 p. Russian.
6. Khrakovskii VS, Volodin AP. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ* [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. Moscow: Editorial URSS; 2002. 272 p. Russian.
7. Vitchenko LV. [Desemantised imperatives as part of speech acts (on the material of English, Italian and Russian languages)]. In: Shadurskii VG, editor. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam. Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 97-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 26 oktyabrya 2018 g.; Minsk, Belarus* [Intercultural communication and professionally oriented teaching of foreign languages. Proceedings of the 12th International scientific conference dedicated to the 97th anniversary of the formation of the Belarusian State University; 2018 October 26; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 68–69. Russian. EDN: YYDKJV.
8. Shelyakin MA. *Kategoriya vida i sposoby deistviya russkogo glagola. Teoreticheskie osnovy* [Category of aspect and means of action of a Russian verb. Theoretical fundamentals]. Tallin: Valgus; 1983. 216 p. Russian.
9. Apresyan VYu. [Semantics of emotional causatives: status of a causative component]. In: Selegei VP, editor. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii; 29 maya – 2 iyunya 2013 g.; Bekasovo, Rossiya. Vypusk 12(19). Tom 1* [Computer linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual international conference; 2013 May 29 – June 2; Bekasovo, Russia. Issue 12(19). Volume 1]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2013. p. 43–57. Russian. EDN: HCBIIIX.
10. Gasparov BM. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of language existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 1996. 352 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.04.2024.
Received by editorial board 16.04.2024.

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНФЛИКТ В ЖАНРЕ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОММЕНТАРИЕВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

Е. В. ПИСКУН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается жанр интернет-комментария, который обладает высоким потенциалом для развития конфликтов, обусловленных спецификой интернет-коммуникации. Анализируются типы и особенности интернет-комментариев, компоненты и фазы коммуникативных конфликтов. Изучаются различные виды конфликтогенов. Проведенное исследование показывает, что большинство интернет-комментариев являются конфликтными. Развитие конфликта характеризуется использованием разнообразных тактик речевой конфронтации, а его завершение – применением тактик нейтрализации конфликта.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; интернет-комментарий; коммуникативный конфликт; конфликтоген.

КАМУНІКАТЫЎНЫ КАНФЛІКТ У ЖАНРЫ ІНТЭРНЭТ-КАМЕНТАРЫЯ (НА МАТЭРЫЯЛЕ КАМЕНТАРЫЯЎ У САЦЫАЛЬНАЙ СЕТЦЫ «УКАНТАКЦЕ»)

К. В. ПИСКУН^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Разглядаецца жанр інтэрнэт-каментарыя, які мае высокі патэнцыял для развіцця канфліктаў, абумоўленых спецыфікай інтэрнэт-камунікацыі. Анализуюцца тыпы і асаблівасці інтэрнэт-каментарыяў, кампаненты і фазы камунікатыўных канфліктаў. Вывучаюцца розныя віды канфліктагенаў. Праведзенае даследаванне паказвае, што большасць інтэрнэт-каментарыяў з'яўляюцца канфліктнымі. Развіццё канфлікту характарызуецца выкарыстаннем разнастайных тактык маўленчай канфрантацыі, а яго завяршэнне – ужываннем тактык нейтралізацыі канфлікту.

Ключавыя словы: інтэрнэт-камунікацыя; інтэрнэт-каментарый; камунікатыўны канфлікт; канфліктаген.

Образец цитирования:

Пискун ЕВ. Коммуникативный конфликт в жанре интернет-комментария (на материале комментариев в социальной сети «ВКонтакте»). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2024;2:89–95.
EDN: YFLWQQ

For citation:

Piskun EV. Communicative conflict in the genre of Internet comment (on the material of comments of the social network «VKontakte»). *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2024;2:89–95. Russian.
EDN: YFLWQQ

Автор:

Екатерина Васильевна Пискун – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Т. В. Бобко.

Author:

Ekaterina V. Piskun, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology.
katya.stasuykevich@yandex.ru

COMMUNICATIVE CONFLICT IN THE GENRE OF INTERNET COMMENT (ON THE MATERIAL OF COMMENTS OF THE SOCIAL NETWORK «VKONTAKTE»)

E. V. PISKUN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The genre of Internet comment is considered, which has a high potential for the development of conflicts caused by the specifics of Internet communication. The types and features of Internet comments, components and phases of communicative conflicts are analysed. Various types of conflictogens are being studied. The research shows that the majority of Internet comments are conflicting. The development of a conflict is characterised by the use of various tactics of verbal confrontation, and its completion is characterised by the use of tactics to neutralise the conflict.

Keywords: Internet communication; Internet comment; communicative conflict; conflictogen.

Введение

Актуальность исследования конфликтной интернет-коммуникации обусловлена чрезвычайно быстрым развитием интернета, специфика которого позволяет ему быть удобной площадкой для самовыражения пользователей, в том числе для возникновения коммуникативных конфликтов в разных дискурсах (преимущественно в сфере неинституционального общения). Изучением этого вида коммуникации и его содержательно-прагматических характеристик занимались Н. Д. Голев [1], Т. В. Алтухова и Н. Б. Лебедева [2], Н. В. Вагенляйтнер и А. А. Лупаревич [3], А. Р. Чернецкий¹, А. Б. Чиркун [4] и др. Например, по мнению Т. А. Воронцовой, неинституциональная интернет-коммуникация представляет собой синтез устной и письменной речи, т. е. речь, которая, несмотря на письменную форму, обладает свойствами устного типа взаимодействия с точки зрения употребляемых лексических единиц и синтаксической структуры [5, с. 110–112]. Ей присущи такие черты, как анонимность, опосредованность, дистантность, спонтанность реакции, что приводит к раскрепощению участников общения, а также дает возможность свободного выбора речевых средств для реализации разных коммуникативных интенций. Совокупность этих качеств позволяет усматривать в неинституциональной интернет-коммуникации высокий потенциал для зарождения и протекания коммуникативных конфликтов, а также использовать интернет-комментарии как материал для анализа их лингвопрагматических характеристик.

Существует множество классификаций интернет-комментариев, что связано со сложностью объекта описания (многообразием его иллюкутивных особенностей и вербальных реализаций). В соответствии с типологией Т. А. Воронцовой интернет-комментарии делятся на положительные (содержат одобрение, похвалу, согласие), отрицательные (предполагают агрессию, троллинг, употребление инвективной лексики) и нейтральные (не имеют важного значения для коммуникантов) [5, с. 111–112]. Они обладают семиотическими (использование средств других знаковых систем, таких как эмодзи, смайлики, изображения, ссылки, гиперссылки), прагматическими (возможность написать и прочитать комментарий в любом месте в любое время, высокая скорость реакции на корневой пост или комментарий другого коммуниканта) и лингвистическими, а именно стилистико-языковыми (изменение правил орфографии и пунктуации, наличие особых лексико-грамматических черт), отличиями.

Коммуникативный конфликт, его стадии и процессы протекания изучались в работах [6–10]. В. С. Третьякова трактует коммуникативный конфликт как «состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами» [10, с. 145]. В его структуре лингвист выделяет, помимо прочего, сопротивление речевым действиям посредством собственных речевых действий и ущерб, который наносится речевыми действиями участника и который испытывает другой участник в результате указанных речевых действий. Исследуя коммуникативный конфликт, М. П. Пушина определила его основные компоненты: коммуникантов (участников), их речевые действия и результат общения [11, с. 826].

Известны несколько типов конфликтного взаимодействия: обоюдный конфликт (участники ведут себя агрессивно, обрушиваются с нападками друг на друга), однонаправленный конфликт (участник, на которого направлены какие-либо действия, не предпринимает ответных шагов), гармонизирующий

¹Чернецкий А. Р. Речевые тактики конфронтации в конфликтном общении (на материале французских художественных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. Минск, 2017. 26 с.

конфликт (один из участников стремится снять напряжение и разрешить конфликт, используя различные модели речевого поведения: модель предупреждения конфликта, модель нейтрализации конфликта, модель гармонизации конфликта) [10]. Столкнувшись с конфликтной ситуацией, собеседники также могут выбирать модели поведения: «подыгрывать» партнеру (не выяснять отношения, не развивать разногласия и противоречия), игнорировать проблемы (молчать, уходить от темы), ставить совместные интересы превыше всего (искать компромисс, достигать взаимопонимания, находить взаимоприемлемое решение) [11, с. 824–825].

Конфликт представляет собой столкновение противоположных взглядов, интересов, мнений, в основе которого лежат объективные или субъективные противоречия коммуникантов. Подобные ситуации характеризуются нарушением норм сотрудничества и взаимодействия, психологической несовместимостью участников. В лингвистической литературе выделяют несколько классификаций последовательности развития конфликта. Так, И. И. Гулакова насчитывает шесть этапов этого процесса: 1) зарождение конфликта (формирование неосознанного психологического напряжения между коммуникантами, вызванного противоречиями в их нормах, ценностях, знаниях и т. д.); 2) созревание конфликта (усиление психологического напряжения); 3) инцидент, служащий отправной точкой для непосредственного столкновения интересов, мнений; 4) собственно конфликт (открытое проявление противоречий, яркое выражение оппозиции, возникновение стороны наблюдателей); 5) развитие конфликта под влиянием различных факторов; 6) очерчивание созидательных и разрушительных последствий конфликта [12, с. 20]. В свою очередь, И. Т. Ишмуратов разбивает коммуникативный конфликт на четыре фазы: 1) латентную фазу (ситуация общения еще не рассматривается участниками как конфликтная, но у них возникает чувство тревоги по поводу происходящего); 2) демонстративную фазу (противоречие между коммуникантами становится явным); 3) агрессивную фазу (участники отказываются от коммуникации, додумывают за оппонента мысли, фразы и чувства); 4) батальную фазу (сущность конфликта забывается, он растягивается надолго) [13]. Мы основываемся на классификации, в рамках которой выделяются предконфликтная, конфликтная и постконфликтная стадии протекания конфликта, при этом его окончанием может считаться как завершение, так и замораживание на неопределенное время. Данная классификация четко разграничивает ключевые стадии развития конфликта, что подходит для рассмотрения конфликтных ситуаций на материале интернет-комментариев.

Понятие конфликтогена лежит в основе лингвопрагматического анализа коммуникативного конфликта. Конфликтогены изучались в работах многих лингвистов² [14–19]. Выделим их ключевые определения: 1) конфликтогены – слова, действия (или их отсутствие), которые могут привести к конфликту; 2) конфликтогены – коммуникативные элементы (слова, жесты, интонации), способные вызвать напряженность и спровоцировать конфликт; 3) конфликтогены – предметы, идеи, взгляды, элементы поведения, выявляющие разность оценок конфликтующих субъектов [16]; 4) конфликтогены – действия, порождающие деструктивный конфликт³. Данные дефиниции показывают широту исследуемого понятия. Мы придерживаемся предложенного А. Б. Чиркун определения, в соответствии с которым конфликтогенами являются вербальные действия, в определенных коммуникативных ситуациях способные выступить в качестве «детонаторов» межличностных конфликтов [4, с. 67].

В ходе развертывания конфликта часто происходит эскалация конфликтогенов, когда на конфликтоген оппонента коммуникант стремится ответить более сильным конфликтогеном. В связи с этим К. Ф. Седов выделяет: 1) языковую личность инвективного типа, характеризующуюся пониженной семиотичностью речевого поведения (отражение эмоционально-биологических реакций в коммуникативных проявлениях); 2) языковую личность куртуазного типа, отличающуюся повышенной семиотичностью речевого поведения (тяготение к этикетным формам социального взаимодействия); 3) языковую личность рационально-эвристического типа (опора на рассудочность, здравомыслие, выражение негативных эмоций непрямым способом, обычно в виде иронии) [19].

Существует несколько классификаций конфликтогенов. Так, В. С. Третьякова различает конфликтогены на просодическом (изменение высоты голоса, темпа речи, частоты дыхания и т. д.), грамматическом (использование местоимений и глагольных форм второго лица в особых тактических целях, а также местоимений третьего лица по отношению к человеку, присутствующему при разговоре и др.), лексическом (употребление инвективной и негативно-оценочной лексики) и семантическом (искажение авторского сообщения, недопонимание смысла сказанного) уровнях [10]. А. Б. Чиркун разграничивает следующие типы конфликтогенов: 1) лексические конфликтогены (стилистически сниженные слова и выражения, инвективы, негативно окрашенная, ненормативная лексика и др.); 2) морфологические конфликтогены (формы третьего лица вместо форм второго лица); 3) синтаксические конфликтогены (стратегические вопросы, с помощью которых выражаются недовольство, возмущение и др.) [4, с. 67]. Она также отмечает способы нейтрализации коммуникативных конфликтов за счет лексических (демонстрация положительных

либо отрицательных эмоций коммуникантов по отношению друг к другу), морфологических (употребление форм первого лица множественного числа, кооперативных предикатов, апеллирующих к знанию собеседника) и синтаксических (применение личных и безличных конструкций) средств [4, с. 68].

Материалы и методы исследования

Цель статьи – выявление лингвопрагматических особенностей возникновения, протекания и завершения конфликтов в комментариях к новостным постам в различных новостных сообществах социальной сети «ВКонтакте». Проанализированы 32 корневых поста, содержащих 1024 комментария, 847 из которых имеют конфликтный характер. Материал извлекался методом сплошной выборки. Конфликтный характер комментариев определялся наличием или отсутствием в них вербально выраженного конфликтогена. Набор лексических, морфологических и синтаксических конфликтогенов выделялся на основе анализа научной литературы. Изучались только новостные посты, связанные с актуальными событиями в общественной или повседневной жизни, поскольку в задачи исследования входит анализ спонтанно возникающих при общении конфликтов, триггером которых не является негативное или провокационное содержание или вербальное оформление новостного поста. Это условие позволяет вычленивать также конфликты, триггеры которых не сопряжены непосредственно с новостным постом.

Число комментариев, обладающих конфликтной направленностью, составило 82 % от общего количества комментариев. Как видно, конфликтных комментариев насчитывается намного больше, чем положительных или нейтральных, что говорит о высоком потенциале развития конфликтов в интернет-среде, которая характеризуется многообразием коммуникативных интенций, а также определенной свободой их вербального оформления. Основным методом исследования выступил контекстный анализ.

Результаты и их обсуждение

Отобраны два корневых поста, наиболее ярко демонстрирующих стадии зарождения, протекания и завершения конфликтов в интернет-комментариях. Выделены конфликтные ситуации двух типов, характерные для неформальной интернет-коммуникации: 1) конфликтные ситуации, триггером которых является содержание корневого поста; 2) конфликтные ситуации, триггером которых выступают комментарии к корневому посту, при этом последний не имеет отношения к разворачиванию конфликта.

В качестве иллюстрации конфликтной ситуации первого типа выбран корневой пост на актуальную тему безопасности детей, опубликованный в сообществе «Топор – горячие новости» 16 марта 2023 г.⁴ Приведем комментарии к нему.

Денис Денисов. Потому что не уважают старших. А у тех терпение на пределе. Я его понимаю. Молодежь конченная – лишь бы поглумиться. Не понимают, что сами такими станут, но тогда еще хуже будет. Путь в никуда. (1)

Данил Усов. Денис, а кто создал такие условия, что молодежь такая выросла? (2) Кто по настоящему конченный? (3)

Леонид Вавилов. Денис, ты еще скажи что место надо уступать в общественном транспорте. От куда вы такие берётесь (4)

Денис Денисов. Леонид, а не надо ???)! (5)

Денис Денисов. Данил, какие условия? Не воспитывает никто. Условия больше чем достаточные. Государство дало свободу и скатилось общество – дебилы одни, без указки не понимают, что хорошо, что плохо. (6)

Данил Усов. Денис, Ну да, старшее поколение ни в чем не повинно. Работали за копейки на двух работах и на детей хрен забивали. Мало того, что они виноваты в своих проблемах, так и предыдущим поднасрали. Нынешним поколениям уже мало что перепадает из благ. (7)

Леонид Вавилов. Денис, нет, я такой же пассажир и так же за билет плочу (8)

Guilherme Stoll. Денис, сам ты конченный (9). Схера они ему лавку уступать должны? (10)

Сергей Исаев. Будем надеяться его найдут (11), ибо тут повезло, а в другой ситуации будет труп из за подобного психа⁵ (12)

Корневой пост затрагивает эмоции и чувства многих пользователей: в нем поднимается провокационная тема, присутствует намеренная недоговоренность, которая дает богатые возможности для интерпретации ситуации и вынесения суждений о ней. Содержание новостного поста становится объектом оценки комментаторов, которых задело то, что жизнь ребенка оказалась под угрозой. В силу своего вызывающего характера оно является триггером конфликта.

⁴Житель Химок приставил пистолет к виску школьника, который сел на его скамейку у подъезда [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/toporcc?w=wall-170528132_5076563 (дата обращения: 14.01.2024).

⁵Здесь и далее примеры приводятся с сохранением языковых особенностей.

Предконфликтная стадия начинается с комментария (1). Его автор выражает собственное мнение очень дерзко, оправдывая поведение жителя Химок и давая негативную оценку современной молодежи. Конфликтогены зафиксированы на лексическом (негативно окрашенные и оценочные единицы *конченный*, *поглумиться*), грамматическом (обобщенно-личное высказывание *не уважают старших*), тактико-стратегическом (противопоставление представителей старшего поколения и молодых людей, в частности терпеливого поведения первых и издевательского образа действий вторых, а также демонстрация солидарности с нападающим фразой *я его понимаю*) уровнях.

В следующих комментариях прослеживаются две линии развития конфликта. Первая из них провоцируется использованием слова *конченный*, которое другие коммуниканты воспринимают как оскорбительное (см. комментарии (3), (6) и (9)). Оно повторяется и дополняется синонимом *дебил*. Здесь сталкиваются мнения нескольких собеседников, употребляющих негативно окрашенную и оценочную лексику в рамках тактики дискредитации оппонента, применяющейся для подрыва имиджа, принижения личности в глазах общественности. Эффективность этой тактики усиливается выбором местоимения *ты* вместо местоимения *вы* (морфологический конфликтоген) [20]. Об эмоциональном накале дискуссии свидетельствует многократное использование вопросительных знаков при выражении запрета оппоненту высказывать свое мнение (см. комментарий (4)). Можно также отметить риторический вопрос (*кто по настоящему конченный?*), обобщающую конструкцию (*дебилы одни*), случай перехода на личности (*сам ты конченный*).

Вторая линия развития конфликта связана с противопоставлением поколений. Она реализуется в цепочке комментариев (2), (4), (6), (7) и (10). У собеседников возникает предположение о том, что причиной агрессии со стороны жителя Химок стало поведение школьника, который не уступил место старшему. Для дискредитации оппонента комментатор прибегает к обобщению (*от куда вы такие берётесь?*) по отношению к представителям старшего поколения и ироническому утверждению о том, что в современных проблемах виновато старшее поколение (см. комментарий (7)).

На постконфликтной стадии в рамках тактики солидаризации для нейтрализации конфликта используется определительно-личное предложение (см. комментарий (11)). Его автор подытоживает вышесказанное и надеется на благоприятный исход дела. Употребление негативно окрашенной и оценочной лексики (*псих*) позволяет выразить отношение к ситуации, описанной в корневом посте, а перспективный характер комментария (12) способствует завершению конфликта, дает возможность вернуться к оценке инцидента, не затрагивая участников дискуссии и не вынося суждений об их коммуникативном поведении. Можно отметить, что последний комментарий направлен на объективный прогноз развития ситуации, а не на ее субъективную оценку, что также снижает градус эмоциональности.

Конфликтная ситуация второго типа развивается в комментариях под корневым постом, опубликованным в сообществе «Топор – горячие новости» 22 ноября 2022 г.⁶ Приведем комментарии к нему.

- (1) *Ismail Mataev. Татьяна, посмотрел твою стену классная фигура больше ничего не могу сказать в Москве бывала где-то отдыхала на отдыхе а что не вывезу непонятно*
- (2) *Руслан Белобров. Исмаил, обычная фигура, клоун*
- (3) *Дмитрий Долманский. Руся, дак это чурка, чё ещё ожидать*
- (4) *ی.کنودی خرگ ار حص. это Исмаил, приятно познакомиться*
- (5) *ی.کنودی خرگ ار حص. только обиженный человек будет обзывать незнакомого*
- (6) *Ismail Mataev. Notorious, дааааа*
- (7) *Дмитрий Долманский. Notorious, сказал такой же чурка*
- (8) *ی.کنودی خرگ ار حص. рот офни*
- (9) *Ismail Mataev. Дмитрий, что такое чурка*
- (10) *Дмитрий Долманский. Исмаил, не русский, выходец из средней азии*
- (11) *Ismail Mataev. Дмитрий, не правильно)*
- (12) *Ismail Mataev. Дмитрий, чурка это отрубок от дерева*
- (13) *Ismail Mataev. Дмитрий, ну это твоё мнение, что хочешь говори, это бессмысленно*

Отправная точка для развития конфликта – негативное высказывание по поводу ника одного из коммуникантов (*Ismail Mataev*), который просмотрел личную страницу и оценил публикации автора комментария под корневым постом. Конфликтогенным является употребление слова *чурка* в рамках тактики провокации, характеризующейся подстрекательством к действиям, которые влекут за собой негативные последствия, девиантным поведением, затрагиванием табуированных тем и отказом от общечеловеческих ценностей, для выражения отрицательной оценки собеседника. Возможна и другая интерпретация: комментатор пользуется моментом для выражения собственных негативных эмоций, связанных с этнокультурными стереотипами, и таким образом показывает свое преимущество перед оппонентом (тактика дискредитации).

⁶В Беларуси начали производство черного хлеба с салом [Электронный ресурс] // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-170528132_4813651 (дата обращения: 02.02.2024).

Разговорно-сниженная (*чурка*, *чё*), негативно окрашенная и оценочная (*клоун*) и жаргонная (*офни*) лексика, форма повелительного наклонения (*рот офни*) применяются для демонстрации речевой агрессии и предъявления требований к оппоненту. В отличие от конфликтной ситуации первого типа здесь в конфликте участвуют четыре комментатора. Они ведут себя намеренно грубо, используют иронию и обобщение (см. комментарии (4) и (5)), прием отзеркаливания (см. комментарий (7)), а также обращаются к семантике слова (см. комментарии (9) и (12)).

Постконфликтная стадия характеризуется нейтрализацией конфликта с помощью проспективной реплики, акцентирующей наличие у каждого оппонента своего мнения и, соответственно, подтверждающей бессмысленность дальнейших споров (см. комментарий (13)). Предыдущая реплика, которая обыгрывает многозначность слова *чурка*, также направлена на прекращение конфликта. Комментатор не использует тактику солидаризации, а, наоборот, дистанцируется от собеседника.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что большинство интернет-комментариев (82 %) к новостным постам общественной или повседневной тематики в социальной сети «ВКонтакте» являются конфликтными, при этом триггером способна выступать отрицательная оценка содержания как корневого поста, так и комментария к нему, а конфликт может иметь одну или больше семантико-прагматических линий развития. К типичным конфликтогенам относятся использование сниженной и негативно окрашенной лексики, переход на «ты», употребление форм повелительного наклонения, обобщенно-личных высказываний и такого приема, как ирония. Коммуниканты прибегают к разнообразным тактикам речевой конфронтации: тактике дискредитации оппонента для повышения собственной значимости в глазах общественности и тактике провокации для дальнейшего развития конфликтной ситуации. Завершение конфликта характеризуется обращением к тактике его нейтрализации: тактике апелляции к будущему, объективной правильности сообщаемого, свободе выражения субъективного мнения и тактике солидаризации. Перспективно выделение конфликтных ситуаций, в которых триггером является оценка употребления в посте или комментарии к нему определенной языковой единицы или речевого поведения автора поста или комментария.

Библиографические ссылки

1. Голев НД. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2013;5:12–30. EDN: REJVCV.
2. Алтухова ТВ, Лебедева НБ. Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012;1:105–111. EDN: OWYUDV.
3. Вагенляйтнер НВ, Лупаревич АА. К вопросу о взаимодействии устной и письменной форм речи в интернет-коммуникации. *Молодой ученый*. 2017;4:277–279. EDN: XSCKSX.
4. Чиркун АБ. Языковые маркеры конфликтного и гармоничного речевого поведения (на материале русского и испанского языков). В: Шарапов АВ, редактор. *Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам. Материалы I Международной научной конференции, посвященной 86-летию образования Белорусского государственного университета; 30 октября 2007 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2007. с. 67–68.
5. Воронцова ТА. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2016;26(2):109–116. EDN: VYWTNF.
6. Комалова ЛР. *Межличностная коммуникация: от конфликта к консенсусу*. Яковлева ЭБ, редактор. Москва: ИНИОН РАН; 2016. 180 с.
7. Голев НД, Лебедева НБ. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии (на материале рассказов В. М. Шукшина). В: Голев НД, редактор. *Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии*. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета; 2000. с. 157–170.
8. Шкатова ЛА. Речеповеденческие тактики в конфликтных ситуациях как предмет лингвокультурологии. В: Уральский государственный университет. *Лингвокультурологические проблемы толерантности. Тезисы докладов Международной научной конференции; 24–26 октября 2001 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Уральский государственный университет; 2001. с. 331–332.
9. Щербинина ЮВ. *Вербальная агрессия*. Москва: ЛКИ; 2008. 360 с.
10. Третьякова ВС. Конфликт как феномен языка и речи. *Известия Уральского государственного университета*. 2003; 27:143–152.
11. Пушина МП. Коммуникативный конфликт в жанре интернет-комментария. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2018;28(5):824–831. EDN: YMJYHR.
12. Гулакова ИИ. *Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения [диссертация]*. Орел: Орловский государственный университет; 2004. 152 с.
13. Ишмуратов АТ. *Рациональность, рассуждение, коммуникация: логико-методологический анализ*. Киев: Наукова думка; 1987. 220 с.
14. Самойленко ЛВ. Электронные разговоры пользователей компьютерной сетью как новояз русской речи (на примере чата). *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2014;1:66–70. EDN: SEMJSN.

15. Иссерс ОС. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Купина НА, редактор. Москва: КомКнига; 2006. 288 с.
16. Кичева ИВ. Выражение категории оценки в конфликтогенном тексте. В: Заврумов ЗА, редактор. *Университетские чтения – 2013. Материалы научно-методических чтений Пятигорского государственного университета; 10–11 января 2013 г.; Пятигорск, Россия*. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет; 2013. с. 5.
17. Шипицина ЛЮ. Стилистико-языковой и жанровый подходы к изучению компьютерно-опосредованной коммуникации. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009;5:155–161. EDN: KOHJFJ.
18. Миронова НИ. Лингвистический анализ конфликта: реакция на различные конфликтогены. *Вопросы психолингвистики*. 2015;26:109–121. EDN: VGHIZR.
19. Седов КФ. Речевое поведение и типы языковой личности. В: Седов КФ, редактор. *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет; 2000. с. 298–312.
20. Буданцев ЮП. *В контексте жизни: системный подход и массовая коммуникация*. Москва: Мысль; 1979. 262 с.

References

1. Golev ND. Russian colloquial written speech and the reflection of its modern state in the ordinary metalanguage consciousness of virtual communication participants. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2013;5:12–30. Russian. EDN: REJVCV.
2. Altukhova TV, Lebedeva NB. Virtual communication: a new stage of writing communication. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2012;1:105–111. Russian. EDN: OWYUDV.
3. Wagenleitner NV, Luparevich AA. [To the question of the interaction of oral and written forms of speech in Internet communication]. *Young Scientist*. 2017;4:277–279. Russian. EDN: XSCKSX.
4. Chirkun AB. [Linguistic markers of conflict and harmonious speech behaviour (on the material of the Russian and Spanish languages)]. In: Sharapo AV, editor. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 86-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 30 oktyabrya 2007 g.; Minsk, Belarus* [Intercultural communication and professionally oriented teaching of foreign languages. Proceedings of the 1st International scientific conference dedicated to the 86th anniversary of the formation of the Belarusian State University; 2007 October 30; Minsk, Belarus]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2007. p. 67–68. Russian.
5. Vorontsova TA. Trolling and flaming: verbal aggression in the Internet communication. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2016;26(2):109–116. Russian. EDN: VYWTNF.
6. Komalova LR. *Interpersonal communication: from conflict to consensus*. Yakovleva EB, editor. Moscow: INION RAN; 2016. 180 p. Russian.
7. Golev ND, Lebedeva NB. [The speech genre of quarrels and conflict scenarios (on the material of stories of V. M. Shukshin)]. In: Golev ND, editor. *Yurilingvistika-2: russkii yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii* [Jurislinguistics-2: Russian language in its natural and legal existence]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta; 2000. p. 157–170. Russian.
8. Shkatova LA. [Speech-behavioural tactics in conflict situations as a subject of linguoculturology]. In: Ural State University. *Lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 24–26 oktyabrya 2001 g.; Ekaterinburg, Rossiya* [Linguistic and cultural problems of tolerance. Proceedings of reports of the International scientific conference; 2001 October 24–26; Ekaterinburg, Russia]. Ekaterinburg: Ural State University; 2001. p. 331–332. Russian.
9. Shcherbinina YuV. *Verbal'naya agressiya* [Verbal aggression]. Moscow: LKI; 2008. 360 p. Russian.
10. Tret'yakova VS. [Conflict as a phenomenon of language and speech]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2003;27:143–152. Russian.
11. Pushina MP. Communicative conflict in the Internet comment genre. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2018;28(5):824–831. Russian. EDN: YMJYHR.
12. Gulakova II. *Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedeniya v konfliktnoi situatsii obshcheniya* [Communication strategies and tactics of speech behaviour in conflict communication situations] [dissertation]. Orel: Orel State University; 2004. 152 p. Russian.
13. Ishmuratov AT. *Ratsional'nost', rassuzhdenie, kommunikatsiya: logiko-metodologicheskii analiz* [Rationality, reasoning, communication: logical and methodological analysis]. Kyiv: Naukova dumka; 1987. 220 p. Russian.
14. Samoilenko LV. E-chatting of the users of computer network as a newspeak of the Russian language (by the example of chat). *Vestnik of Astrakhan State Technical University*. 2014;1:66–70. Russian. EDN: SEMJSN.
15. Issers OS. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Kupina NA, editor. Moscow: KomKniga; 2006. 288 p. Russian.
16. Kicheva IV. [Expression of the category of assessment in a conflict-prone text]. In: Zavrumov ZA, editor. *Universitetskie chteniya – 2013. Materialy nauchno-metodicheskikh chtenii Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta; 10–11 yanvarya 2013 g.; Pyatigorsk, Rossiya* [University readings – 2013. Proceedings of scientific and methodological readings of Pyatigorsk State University; 2013 January 10–11; Pyatigorsk, Russia]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University; 2013. p. 5. Russian.
17. Shchipitsina LYu. [Stylistic-linguistic and genre approaches to the study of computer-mediated communication]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009;5:155–161. Russian. EDN: KOHJFJ.
18. Mironova NI. Linguistic analysis of a conflict: reaction to different conflict causes. *Journal of Psycholinguistics*. 2015;26:109–121. Russian. EDN: VGHIZR.
19. Sedov KF. [Speech behaviour and types of linguistic personality]. In: Sedov KF, editor. *Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoi Rossii* [Cultural and speech situation in modern Russia]. Ekaterinburg: Ural Federal University; 2000. p. 298–312. Russian.
20. Budantsev YuP. *V kontekste zhizni: sistemnyi podkhod i massovaya kommunikatsiya* [In the context of life: system approach and mass communication]. Moscow: Mysl'; 1979. 262 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 22.04.2024.
Received by editorial board 22.04.2024.

НИВЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЛАКУН В БЕЛОРУССКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

А. А. ЛАВИЦКИЙ¹⁾, А. Л. ДЕДИНКИН¹⁾

¹⁾Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
ул. Марка Шагала, 8А, 210015, г. Витебск, Беларусь

Аннотация. Показаны возможности современной юрислингвистики, в частности ее подотрасли – судебной лингвистической экспертиологии, в решении вопросов нивелирования законодательных лакун. На материале подготовленных авторами по заданию органов следствия и дознания экспертиз конфликтных текстов, судебных постановлений, опубликованных в открытом банке данных, а также диспозиций отдельных статей административного, гражданского и уголовного кодексов представлены предложения по внесению изменений в белорусское национальное законодательство. Обоснована необходимость уточнения и юридического закрепления определения понятия вербального экстремизма как формы реализации экстремизма, обнаруживаемой в содержании продуктов речевой деятельности, в том числе продуктов, сгенерированных программами имитации человеческого поведения. Даны формулировки категорий вражды и розни, которые квалифицируют состав преступления, предусмотренного ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также категорий чести, достоинства и деловой репутации как понятийных компонентов ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Аргументирована потребность в дополнении формулировки ст. 188 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Клевета», а именно во включении в ряд клеветнических высказываний измышлений как формы распространения заведомо ложной информации в косвенных речевых актах. Предложено извлечь характеристику умышленности из диспозиции ст. 10.2 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь из-за несоответствия своему юридическому значению в формулировке понятия оскорбления.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; вербальный экстремизм; вражда; рознь; оскорбление; угроза; клевета.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта Г24-008.

Образец цитирования:

Лавицкий АА, Дединкин АЛ. Нивелирование терминологических лакун в белорусском законодательстве: вопросы теории и практики. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2024;2:96–105.
EDN: YVWFOA

For citation:

Lavitski AA, Dziadzinkin AL. Levelling terminological gaps in the Belarusian legislation: questions of theory and practice. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2024;2: 96–105. Russian.
EDN: YVWFOA

Авторы:

Антон Алексеевич Лавицкий – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин.

Александр Леонидович Дединкин – кандидат исторических наук, доцент; профессор кафедры правоведения и социально-гуманитарных дисциплин.

Authors:

Anton A. Lavitski, PhD (philology), docent; head of the department of law and social sciences and humanities.

anton_lavitski@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9102-4440>

Aliaksandr L. Dziadzinkin, PhD (history), docent; professor at the department of law and social sciences and humanities.

alexanderdedinkin@yandex.by
<https://orcid.org/0000-0003-1029-0788>

НІВЕЛІРАВАННЕ ТЭРМІНАЛАГІЧНЫХ ЛАКУН У БЕЛАРУСКІМ ЗАКАНАДАЎСТВЕ: ПЫТАННІ ТЭОРЫІ І ПРАКТЫКІ

А. А. ЛАВІЦКІ^{1*}, А. Л. ДЗЯДЗІНКІН^{1*}

^{1*} Віцебскі філіял Міжнароднага ўніверсітэта «МІТСО»,
вул. Марка Шагала, 8А, 210015, г. Віцебск, Беларусь

Анацыя. Паказаны магчымасці сучаснай юрыслінгвістыкі, у прыватнасці яе падгаліны – судовай лінгвістычнай эксперталогіі, у вырашэнні пытанняў нівеліравання заканадаўчых лакун. На матэрыяле падрыхтаваных аўтарамі па заданні органаў следства і дзялення экспертыз канфліктагенных тэкстаў, судовых пастаноў, апублікаваных у адкрытым банку дадзеных, а таксама дыспазіцый асобных артыкулаў адміністрацыйнага, грамадзянскага і крымінальнага кодэксаў прадстаўлены прапановы па ўнясенні змен у беларускае нацыянальнае заканадаўства. Абгрунтавана неабходнасць удакладнення і юрыдычнага замацавання азначэння паняцця вербальнага экстрэмізму як формы рэалізацыі экстрэмізму, якая выяўляецца ў змесце прадуктаў маўленчай дзейнасці, у тым ліку прадуктаў – вынікаў генерыравання праграмамі імітацыі чалавечых паводзін. Дадзены фармулёўкі катэгорый варожасці і звады, якія кваліфікуюць склад злачынства, прадугледжанага арт. 130 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь, а таксама катэгорый гонару, годнасці і дэлавой рэпутацыі як паняццёвых кампанентаў арт. 153 Грамадзянскага кодэкса Рэспублікі Беларусь. Аргументавана патрэбнасць у дапаўненні фармулёўкі арт. 188 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь «Паклёп», а менавіта ў прылічэнні да разраду паклёпніцкіх выказванняў выдумаў як формы распаўсюджвання загадзя ілжывай інфармацыі ва ўскосных маўленчых актах. Прапанавана выключыць характарыстыку наўмыснасці з дыспазіцыі арт. 10.2 Кодэкса аб адміністрацыйных правапарушэннях Рэспублікі Беларусь з-за неадпаведнасці свайму юрыдычнаму значэнню ў фармулёўцы паняцця абразы.

Ключавыя словы: судовая лінгвістычная экспертыза; вербальны экстрэмізм; варожасць; звада; абраза; пагроза; паклёп.

Падзяка. Работа выканана пры падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонду фундаментальных даследаванняў у рамках навуковага праекта Г24-008.

LEVELLING TERMINOLOGICAL GAPS IN THE BELARUSIAN LEGISLATION: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

A. A. LAVITSKI^a, A. L. DZIADZINKIN^a

^aVitebsk Branch of the International University «MITSO»,
8A Marka Shagala Street, Viciebsk 210015, Belarus

Corresponding author: A. A. Lavitski (anton_lavitski@mail.ru)

Abstract. The article shows the possibilities of modern legal linguistics and, in particular its sub-branch – judicial linguistic expertise, in solving the problem of eliminating legislative gaps. Based on the material prepared by the authors on the instructions of the investigation and inquiry bodies conducting special studies of conflict-prone texts, court decisions published in an open bank as well as dispositions of individual articles of the administrative, civil and criminal codes, proposals for amendments to the Belarusian national legislation are presented. The study substantiates the need to clarify and legally consolidate the definition of verbal extremism as a form of extremism found in the content of speech products, including those generated by software products of imitation of human behaviour. The formulations of the categories of enmity and discord that qualify the crime under art. 130 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, as well as the categories of honor, dignity and business reputation, as conceptual components of art. 153 of the Civil Code of the Republic of Belarus are proposed. The necessity of supplementing the wording of art. 188 of the Criminal Code of the Republic of Belarus «Libel» is substantiated: the inclusion of fabrications into the category of slanderous statements as a form of dissemination of knowingly false information in indirect speech acts. It is proposed to extract the characterisation of premeditation from the disposition of art. 10.2 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Belarus as not corresponding to its legal meaning in the formulation of the concept of insult.

Keywords: forensic linguistic expertise; verbal extremism; enmity; discord; insult; threat; libel.

Acknowledgements. This work was supported by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research according to the research project G24-008.

Введение

Несмотря на преодоление лингвистикой границ языка, который в понимании Ф. де Соссюра рассматривается в самом себе и для себя, очевидно, что потенциал ее взаимодействия с другими отраслями науки реализован далеко не в полной мере [1, с. 135]. Еще в середине XX в. Э. Сепир прозорливо писал: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют – и обвиняют справедливо – в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще» [2, с. 237–238]. Современная лингвистика серьезно обогатила гуманитарное знание изысканиями интегративного характера, выполненными на стыке диалектических интересов языка и культуры, психологии, социологии, истории и т. д. Возникли и утвердились соответствующие научные направления, к числу которых относится и юридическая (правовая) лингвистика.

Как научное направление юрислингвистика сформировалась относительно недавно, хотя еще в начале прошлого столетия исследователи обращались к изучению проблемных аспектов интерпретации юридического тезауруса (В. Д. Катков [3], М. Гредингер [4]), правовой коммуникации (Б. Врублевский [5]) и др. Однако первые концептуальные работы в данном русле появились в зарубежном языкознании лишь в конце 1970-х – начале 1980-х гг., а в отечественной (советской) лингвистике на полтора десятилетия позже. За короткий период своего существования юрислингвистика внесла вклад в развитие теории коммуникации, прагматической лингвистики и социолингвистики, стилистики, лексикологии и лексикографии, психологии поведения, а также непосредственно юриспруденции, которая, в свою очередь, по справедливому замечанию А. С. Александрова, в новом тысячелетии уже «не может оставаться только на собственно юридической почве» [6, с. 4]. В связи с этим чаще всего отмечают работы прикладного характера, выполненные в рамках такой юрислингвистической подотрасли, как судебная лингвистическая экспертиза, которая самым тесным образом взаимодействует с криминологией, криминалистикой, информационным, уголовным, административным и гражданским правом и др. Если первоначальные задачи судебной экспертизы текста были сужены до решения отдельных вопросов герменевтики и классификации языковых единиц (установления содержания исследуемых единиц и их отнесения к какому-либо классу [7, с. 237–238]), то современное взаимодействие языка и права реализуется в судебном процессе, деятельности органов следствия и дознания, медиации.

Период интенсивной практической работы по изучению продуктов речевой деятельности, точнее по анализу соответствия их содержания правовым нормам, позволил белорусским специалистам накопить достаточно богатый экспертный опыт, интенсифицировать изыскания теоретического характера. В совокупности с высоким уровнем востребованности в судебных исследованиях языкового материала данный факт потребовал введения соответствующих учебных предметов в образовательный процесс учреждений высшего образования и дополнительного образования взрослых. Кроме того, отечественным ученым удалось решить отдельные вопросы экспертной методологии и нормализации терминологического аппарата юрислингвистики, разработать методические рекомендации для экспертов-лингвистов [8–11].

Парадоксально, но, успешно выполняя свои исследовательские задачи, современная правовая лингвистика не уменьшает их числа, так как постоянно расширяет границы интегративного взаимодействия с объектами системы общественных отношений. При этом юрислингвистический взгляд на некоторые нерешенные вопросы правового поля отличается продуктивностью, так как подобная аналитика не только имеет критическую составляющую, но и позволяет сформулировать предложения по нивелированию недостатков. Декларируя проблемы в экспертной лингвистической работе, правоохранительные органы часто не видят, что их истоки кроются в несовершенстве законодательной базы. Например, еще в апреле 2019 г. на заседании межведомственной рабочей группы^{1*}, в состав которой входили представители Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь, озвучивались факты, свидетельствующие о значительном количестве отказов экспертных организаций от разрешения вопросов, связанных с изучением материалов на предмет наличия в них признаков нарушения ст. 130 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) «Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни». Ключевой проблемой в данном случае являлась невозможность квалификации содержания противоправного деяния в отсутствие правовой трактовки понятий вражды и розни. Однако, к сожалению, спустя пять лет этот вопрос законодательно не был разрешен.

Сущностно идентичные (имеющие терминологическую основу) трудности обнаруживаются и в отношении других категорий, которые культивируются в правоприменительной практике. В их число входят

^{1*} Протокол заседания комиссии не имеет грифа секретности. В печатном виде он был разослан заинтересованным организациям, включая учреждения высшего образования. Копия протокола имеется у авторов.

несоответствие понятия умысла юридической трактовке формы вины при идентификации оскорбления, отсутствие юридически закрепленных определений триады субъективных нематериальных благ *честь – достоинство – деловая репутация*, коррелирующих с содержанием ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), а также толкование клеветы (ст. 188 УК) как информации, реализующейся только в качестве утверждения о факте (фактах).

Указанное выше подталкивает к выводу о том, что следующим логичным шагом в развитии не только лингвистической экспертизы текста, но и всей юрислингвистики является выход на уровень нивелирования отдельных законодательных лакун. Для решения этой задачи имеются все предпосылки, хотя в Республике Беларусь, к сожалению, до сих пор не сформировалась национальная юрислингвистическая научная школа. В настоящей статье наглядно демонстрируются возможности современной юрислингвистики в области законотворчества, что предопределяет цели исследования – выявление правовых лакун в белорусском законодательстве и предложение вариантов их нивелирования с позиции современной лингвистической экспертизы текста.

Материалы и методы исследования

Авторами использованы языковые материалы из собственной практики проведения по заданиям органов следствия и дознания экспертиз конфликтогенных текстов, отдельные положения УК, Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (КоАП), ГК, Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, а также комментарии к ним. Кроме того, изучению подвергнуты сведения, полученные из открытого банка данных судебных решений (<https://service.court.gov.by>).

Методология работы включала общенаучные методы обобщения, систематизации, анализа и дедукции, а также статистические методы сбора и обработки данных. В процессе исследования речевого материала применялись специальные методы, верифицированные в судебной лингвистической экспертиологии (параметризация, логико-семантический, лексико-центрический, сравнительно-сопоставительный, словарный, стилистический, синтаксический, жанрово-стилистический и прагмалингвистический анализ).

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим наиболее прецедентные противоправные деяния, при изучении состава которых органы следствия и дознания чаще всего обращаются к судебной лингвистической экспертизе текста. Речь идет о вербальных проявлениях экстремизма, совершении угрозы, нанесении оскорбления и распространении клеветы. В современных процессуально-следственной и судебной практике административного, уголовного производства и частных обвинений, сопряженных с указанными правонарушениями, назначение судебной лингвистической экспертизы не является обязательным. Результаты анализа материалов из банка данных судебных решений, а также сведения, полученные от органов следствия и дознания, свидетельствуют о том, что чаще всего специальная экспертиза текста назначается по делам, связанным с экстремистской деятельностью, нанесением оскорбления. В последние годы также наблюдается рост количества обращений к экспертизе речевых материалов на предмет наличия в их содержании признаков клеветы.

При проведении судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь используются типовые методики, методические рекомендации и информационно-методические письма, разработанные Экспертно-криминалистическим центром Министерства внутренних дел Российской Федерации и Научно-практическим центром Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. В Реестре методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности^{2*} содержатся сведения о 16 таких документах, из которых только 4 документа являются методиками проведения специального исследования. Отдельно следует отметить, что для экспертного изучения признаков правонарушений, представляющих интерес для настоящей работы, в реестре отсутствуют комплексные типовые методики. Указанное выше объективизирует реальное положение дел, когда заинтересованные органы, суды, в соответствии со ст. 227 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, обращаются для проведения специального исследования текста во внеэкспертные организации, т. е. учреждения, не имеющие лицензионного разрешения на проведение судебной экспертизы текста.

Полагаем, что одна из главных причин данного факта кроется в наличии в национальном законодательстве правовых лакун, в первую очередь лакун понятийного характера. Так, например, повсеместно распространенный термин «вербальный экстремизм» не имеет законодательно закрепленной формулировки, что

^{2*}Реестр методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности // Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь : сайт. URL: <https://sudexpert.gov.by/ru/registry-materials.html> (дата обращения: 12.04.2024).

предопределяет разночтения в его толковании. Схожая проблема обнаруживается в правовом поле других стран. Идентичная ситуация в Российской Федерации позволяет отдельным специалистам рассматривать вербальный экстремизм как особый вид противоправного деяния (см. работы Н. С. Громовой [12], А. Л. Южаниновой [13]). Однако, очевидно, в юридическом смысле такая трактовка невозможна, ибо речь идет о форме имплементации экстремистской активности. В связи с этим следует согласиться с А. А. Кирдун, полагавшей, что «... в преступлениях экстремистского характера вербальная составляющая имеет не только “функцию” сопровождения основного (физического) действия. Содержательная часть объективной стороны преступлений... актуализирует вербальный способ их совершения, а также наличие речевого произведения... как конечного продукта речевой деятельности» [14, с. 570]. Подтверждение обнаруживаем в белорусском национальном законодательстве. Так, ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» дает основания считать самостоятельной формой правонарушений экстремистского толка вербальную активность личности: распространение ложных сведений, пропаганду, публичные призывы и т. д.

Предугадывая перспективы применения технологического инструментария в сфере массовой коммуникации, стоит сказать, что использование некоторых его возможностей (например, генерация текста искусственным интеллектом или нейросетями) может стать одним из способов ухода от риска юридической ответственности за вербальные проявления экстремизма через деавторизацию текста как предмета правового разбирательства. Исходя из этого, при рассмотрении преступлений экстремистской направленности логичным видится закрепить авторство текстов, подготовленных с помощью компьютерно-информационных технологий имитации человеческого поведения, за лицом, непосредственно осуществляющим подготовку технического задания для соответствующих программ.

Кроме того, законодательно не закреплены и характерные черты отдельных видов экстремизма (национального, религиозного, политического и др.), хотя такая необходимость имеется, поскольку перед экспертами-лингвистами ставится задача по определению в спорном тексте конкретного признака возбуждения вражды или розни. С видами экстремизма, а также с речевыми формами его реализации, указанными в обозначенном выше законе, коррелируют соответствующие преступления, отраженные в УК (пропаганда войны (ст. 123), разжигание вражды или розни (ст. 130), реабилитация нацизма (ст. 130¹), отрицание геноцида белорусского народа (ст. 130²), публичные призывы к санкциям (ст. 361), угроза в отношении должностного лица (ст. 366), клевета в отношении Президента Республики Беларусь (ст. 367), оскорбление Президента Республики Беларусь (ст. 368), оскорбление представителя власти (ст. 369) и др.), КоАП (пропаганда или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики (ст. 19.10), распространение, изготовление, хранение, перевозка информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность (ст. 19.11), незаконное изготовление и (или) распространение методик либо иных материалов о способах изготовления взрывных устройств и взрывчатых веществ (ст. 19.12)).

Более серьезной видится проблема дифференциации понятий вражды и розни. Дело в том, что ст. 130 УК устанавливает ответственность за умышленные действия, направленные на возбуждение расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности. Однако ни содержание статьи, ни комментарии к ней не включают дефиниций понятий вражды и розни. При этом для квалификации преступления органу, ведущему следствие, необходимо четко определить состав вменяемого деяния, т. е. указать, что конкретно реализует содержание конфликтного текста – разжигание вражды или розни.

Лексикографические источники не вносят ясности в решение обозначенного вопроса и отличаются непоследовательностью в трактовке изучаемых категорий, рассматривая одно понятие через другое. В толковых словарях^{3*} вражда трактуется как «недоброжелательные, неприязненные, проникнутые ненавистью отношения и действия», «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью», а рознь – как «вражда, несогласие, ссора». В свою очередь, предложим следующие дефиниции для использования данных понятий в правовой сфере: рознь – воззрения, эксплицирующие различия между оппозиционными социальными группами, их противоположность и несовместимость; вражда – отношения и действия одной группы лиц, мотивированные неприязнью или ненавистью к другой группе. Такой подход не только позволяет четко дифференцировать вербальные проявления экстремизма, но и не противоречит диспозиции ст. 130 УК.

Разжигание розни означает содействие тому, чтобы представители одной группы понимали противоположность своих интересов устремлениям членов другой группы и их несовместимость. Тем самым

^{3*} Современный толковый словарь русского языка Ефремовой // Академик : сайт. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 12.04.2024) ; Толковый словарь Ушакова // Там же. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 12.04.2024).

посредством укоренения соответствующих воззрений в сознании людей между группами формируется непреодолимое отчуждение. Механизмом разжигания розни является использование высказываний о превосходстве или исключительности одной группы в сопоставлении с биологической, социальной, нравственной дефективностью или порочностью другой группы. Разжигание вражды означает содействие тому, чтобы представители доминантной группы начали борьбу (в физической или вербальной форме) с рецессивной группой. Существует ряд механизмов разжигания вражды, например возложение вины за возникающие социальные проблемы на рецессивную группу, требования ограничить права и свободы ее представителей, обоснование исключительного права доминантной группы на «жизненное пространство» и др.

Терминологические проблемы обнаруживаются и в отношении триады *честь – достоинство – деловая репутация*. Данные понятия считаются важнейшими нематериальными субъективными правами человека. Уточнить различия между ними важно в аспекте квалификации содержания правонарушения: следственное и судебное производство требует однозначного указания на вид нарушаемого права. Очевидно, что категория деловой репутации имеет явную специфику. Более того, ее определение отражено в комментариях Верховного Суда Республики Беларусь (см. об этом ниже). Категории чести и достоинства обладают междисциплинарным характером и входят в терминологический аппарат многих гуманитарных наук (философии, педагогики, психологии и др.). Их понимание обусловлено авторским подходом и исследовательским направлением, а принципы разграничения не унифицированы. При этом считается, что честь и достоинство могут быть умалены посредством самоинтерпретации устного или письменного текста вне зависимости от уровня коммуникативной публичности и канала речевого взаимодействия.

Непоследовательны в терминологическом определении чести и достоинства и юридическая наука и практика. В них оба понятия рассматриваются семантически достаточно тесно и через призму некоторых трактовок выглядят как синонимы [15, с. 145], обозначающие морально-нравственные качества человека в контексте их общественной и личностной оценки. Так, в издании «Большой юридический словарь» под редакцией А. В. Малько честь интерпретируется как «категория, означающая моральную оценку человека обществом, а также самооценку»^{4*}, а достоинство – как «морально-нравственная категория, означающая уважение и самоуважение человеческой личности»^{5*}.

Данный подход не соответствует юридическим аспектам следствия и судебного процесса: хотя честь и достоинство имеют одинаковую аксиологическую правовую основу, по механизмам и объему защиты они не идентичны. Также указанные формулировки не могут быть экстраполированы в сферу лингвистической экспертологии, так как они не позволяют задать предметную область специального исследования речевого материала.

Для выхода из сложившейся ситуации необходимо: 1) концептуально разрешить вопрос о сущностном значении понятий чести и достоинства; 2) разработать соответствующие формулировки; 3) законодательно их зафиксировать. Современной юрислингвистикой успешно выполнены первые две задачи (третья, очевидно, не входит в ее компетенцию). В частности, практика экспертной работы показывает, что логичным является подход, при котором обе рассматриваемые категории идентифицируются как набор положительных морально-нравственных характеристик. Однако честь эксплицируется как положительное восприятие личностных качеств со стороны социального окружения, достоинство же интерпретируется как интровертная пресуппозиция личностной самооценки, т. е. «совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе»^{6*}.

Успешность представленного подхода обусловлена не только отсутствием противоречий с действующим законодательством, но и возможностью его использования в практике судебной экспертизы текста. Так, покушение на достоинство личности осуществляется только в том случае, если автор отрицает положительные морально-нравственные качества, которые объект речевой агрессии предписывал себе ранее:

– *Я всегда был честным и справедливым человеком.*

– *Смешно... Вы самый бесчестный человек, которого я когда-либо встречала. А Ваша ангажированность не дает права говорить о справедливости.*

В этом примере диалогового взаимодействия сначала адресант конфликтогенного высказывания вербализует элементы собственного достоинства (*честный и справедливый человек*), а затем адресат утверждает об их отсутствии, т. е. отрицает положительные характеристики самооценки коммуникативного оппонента. Обратный порядок речевых действий участников общения, когда обидчик порицает моральные качества человека, который, в свою очередь, возражает ему, не выступает признаком покушения на достоинство. Приведенная трактовка коррелирует с юридическим пониманием вины как осознания субъектом

^{4*} Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2009. С. 631.

^{5*} Там же. С. 237.

^{6*} Толковый словарь Ожегова // Академик: сайт. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 12.04.2024).

собственных деяний до момента совершения правонарушения («вина – это психическое отношение субъекта к своим действиям и последствиям, выражающееся в осознании, предвидении, желании наступления вредных последствий»^{7*}).

Таким образом, нарушение права на достоинство требует обязательной первичной констатации со стороны потенциально пострадавшего лица своих положительных морально-нравственных качеств. На практике указанная особенность может быть реализована на контекстуальном или интертекстуальном уровне: *Вчера в интервью центральному телевидению Колокольцев говорил, что трудолюбие – это его жизненное кредо. Но это полное вранье: он лодырь, каких свет не видывал!* В отсутствие такой первичной констатации или без указаний объектом речевой агрессии на собственные позитивные морально-нравственные характеристики содержание конфликтного текста умаляет честь: *Депутат Руденский – хам и беспринципный человек; Ты настоящий пример безответственности и нравственной распушенности.*

Понятийно-правовой коллизией является и категория деловой репутации. Ее значение разъясняется постановлением Пленума Верховного Суда от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» и постановлением Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 апреля 2005 г. № 16 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации». Так, деловая репутация – это положительная оценка хозяйственной (экономической) деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица как участника хозяйственных (экономических) правоотношений другими участниками имущественного оборота, формирование и поддержание которой способствует осуществлению предпринимательской деятельности. Однако в такой трактовке просматривается узкое понимание атрибутивного значения лексемы «деловой», так как в качестве носителей обсуждаемого блага называются только субъекты хозяйственной (хозяйственно-предпринимательской) деятельности. В сложившейся ситуации прослеживается искусственное сужение возможности судебной защиты деловой репутации [16, с. 69], поскольку правовой защиты лишены работники, функционально не занимающиеся хозяйственной и распорядительной деятельностью (врачи, учителя, ученые и т. д.). Кроме того, в белорусском законодательстве деловая репутация является компонентом системы гражданских прав, а в ст. 153 ГК обозначено, что ее правила распространяются и в отношении юридических лиц.

Еще больше в этом вопросе запутывает содержание ст. 47 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, в которой устанавливается специальная подведомственность, уполномочивающая экономические суды рассматривать вопросы о защите деловой репутации. В связи с обозначенными выше постановлениями Верховного Суда Республики Беларусь и Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь в стране достаточно длительное время отсутствовала реальная возможность защиты деловой репутации граждан, не осуществляющих хозяйственную деятельность. Только в последние несколько лет такие иски стали рассматриваться судами общей юрисдикции, хотя понятийная лакуна осталась.

Таким образом, уточнение формулировки термина «деловая репутация» требует обращения к более широкой трактовке прилагательного «деловой» как слова, которое используется для обозначения любой функционально-служебной, профессиональной деятельности, выполняемой в том числе на общественных началах. Следовательно, деловая репутация может быть определена как совокупность профессиональных и (или) служебных качеств личности, отраженная в сложившемся у окружающих (общераспространенном) и (или) у работодателя мнении.

Практика лингвоэкспертной работы показывает, что ряд проблем у правоохранительных органов, судов вызывает и диспозиция ст. 188 УК «Клевета». Дело в том, что данное противоправное деяние законодательно идентифицируется как «распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи, либо клевета, содержащая обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления». Белорусское национальное законодательство исходит из прагматической коммуникативной основы клеветы как распространения сведений («известия, уведомления, сообщения о чем-нибудь»^{8*}). По этой причине в правоприменительной, равно как и в лингвоэкспертной, практике при изучении текстов, имеющих признаки клеветы, необходимо различать информацию, выраженную в форме сведений, т. е. утверждение, и мнение. Таким образом, только фактологическое высказывание может с правовой точки зрения реализовывать клевету. Речевые акты, идентифицируемые как оценочные (или как предположение [17, с. 53]), не подлежат юридическому преследованию.

^{7*}Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник. М. : Юрайт, 2002. С. 307.

^{8*}Толковый словарь Ушакова // Академик : сайт. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 12.04.2024).

Для судебной экспертологии подробно рассмотренная выше диспозиция ст. 188 УК в ряде случаев вызывает сложности, касающиеся установления соответствия оспариваемой информации характеристике порочности, ибо данная категория не только не определяется в законодательстве, но и неоднозначно интерпретируется в гуманитарном знании. Кроме того, с позиции теории коммуникации и прагмалингвистики утверждение о фактах может реализовываться и в косвенных речевых актах (*Ни для кого не секрет, что ты казнокрад и взяточник*). В связи с этим логичным видится правовое закрепление термина «измышление» в общелингвистическом значении «выдумка, вымысел, не соответствующий истине»^{9*}. Именно эта категория длительное время использовалась в диспозиции уголовной статьи о клевете в СССР, а также была унаследована отдельными странами, ранее в него входившими. Например, в Латвийской Республике клевета – это распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений в печатном или иным способом размноженном произведении, а также устно, публично [18, с. 211].

Терминологическая проблема обнаруживается и при детальном изучении определения оскорбления. Данное преступление относится к наиболее распространенным противоправным деяниям, при расследовании которых назначается судебная лингвистическая экспертиза текста. Оскорбление включено в ряд статей УК: ст. 368 «Оскорбление Президента Республики Беларусь», ст. 369 «Оскорбление представителя власти», ст. 391 «Оскорбление судьи или народного заседателя» и др. КоАП содержит две соответствующие статьи (ст. 10.2 «Оскорбление» и ст. 24.4 «Оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий»), в первой из которых оскорбление идентифицируется как «умышленное унижение чести и достоинства, выраженное неприличным способом».

Реальное положение дел свидетельствует о том, что как в экспертной практике, так и в правоприменительной деятельности умышленность оскорбления не рассматривается как юридическая категория. Данный факт вызван тем, что умысел в праве – это форма вины («осознание субъектом возможности или неизбежности и желание наступления негативных последствий его противоправных действий»^{10*}). При этом установление наличия умысла относится к компетенции суда. При назначении же экспертизы органы следствия и дознания ставят перед специалистом вопрос о присутствии в тексте высказываний, негативно характеризующих какое-либо лицо, имеющих неприличную речевую форму и выраженных как утверждение о факте (фактах). В итоге эксперт рассматривает в качестве одного из параметров идентификации оскорбительного речевого акта его фактологичность, хотя законодательная диспозиция этого не требует (напомним, что оскорбление – это умышленное унижение чести и достоинства). Вероятно, сложившаяся ситуация обусловлена тем, что в данную формулировку законодателем вложено отличное от юридической трактовки значение умышленности как дифферента выражения мнения – феномена, не подлежащего юридическому преследованию в силу соответствующего конституционного права (согласно ст. 33 Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение). Однако, так как это право является безусловным, дополнительно фиксировать его в законодательном акте более низкой легитимности видится необязательным.

Заключение

Практика проведения специальных судебных лингвистических исследований потенциально конфликтогенных продуктов речевой деятельности, а также результаты анализа диспозиций отдельных статей белорусского административного, гражданского и уголовного законодательства и комментариев к нему показывают наличие ряда терминологических лакун, требующих нивелирования. В частности, предлагается осуществить следующие процедуры по нормализации понятийного правового аппарата:

- подготовить разъяснения с уточнением понятия вербального экстремизма как формы реализации экстремизма, обнаруживаемой в содержании продуктов речевой деятельности человека, а также законодательно ввести норму закрепления авторства текстов, созданных с помощью компьютерно-информационных технологий имитации человеческого поведения, за лицом, непосредственно осуществляющим подготовку технического задания для соответствующих программ. Последнее позволит избежать возможности ухода от ответственности за совершение вербальным способом экстремистских преступлений посредством апелляции к отсутствию авторской принадлежности к конфликтогенному тексту – предмету совершения противоправного деяния;
- юридически зафиксировать следующие определения категорий вражды и розни как понятийных компонентов ст. 130 УК. Рознь – воззрения, эксплицирующие различия между оппозиционными социальными группами, их противоположность и несовместимость. Вражда – отношения и действия одной

^{9*} Современный толковый словарь русского языка Ефремовой // Академик : сайт. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 12.04.2024); Толковый словарь Ушакова // Там же. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 12.04.2024).

^{10*} Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. С. 58.

группы лиц, мотивированные неприязнью или ненавистью к другой группе. Представленный подход позволит не только дифференцировать вербальные проявления экстремизма, но и достоверно квалифицировать действия по указанной уголовной статье;

- законодательно закрепить формулировки понятий чести, достоинства и деловой репутации, которые должны коррелировать с содержанием ст. 153 ГК. Честь предлагается рассматривать как достойные уважения и гордости моральные качества человека в восприятии окружающих, его соответствующие принципы, хорошую, незапятнанную репутацию, достоинство – как интровертный феномен, т. е. социальную самооценку личности, положительное качество, совокупность высоких моральных качеств, уважение этих качеств в самом себе, а деловую репутацию – как совокупность профессиональных и (или) служебных качеств личности, отраженную в сложившемся у окружающих (общераспространенном) и (или) у работодателя мнении;

- дополнить формулировку ст. 188 УК, включив в разряд клеветнических высказывания, которые содержат не только сведения, но и измышления, являющиеся заведомо ложными и порочащие другое лицо. Предлагаемый подход отвечает обыденному восприятию клеветы как информации, выражающейся в форме утверждения о фактах и косвенных речевых актах;

- внести изменения в ст. 10.2 КоАП, изложив понятие оскорбления как унижение чести и (или) достоинства, выраженное неприличным способом. Необходимость извлечения характеристики умышленности деяния из формулировки оскорбления обусловлена несоответствием сущностного значения категории умышленности в составе терминологического определения правонарушения (умысел в праве – это форма вины, отягчающая наказание) ее фактическому использованию как дифферента выражения мнения.

Библиографические ссылки

1. Маслова ВА, Пивовар ЕС. Монодисциплинарность в гуманитарных науках – тупиковый путь развития науки. *Метафизика*. 2022;3:129–137. DOI: 10.22363/2224-7580-2022-3-129-137.
2. Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Кибрик АЕ, переводчик и редактор. Москва: Прогресс; 1993. 656 с.
3. Катков ВД. *К анализу основных понятий юриспруденции*. Харьков: Университетская типография; 1905. 462 с.
4. Гредингер М. *Избранные труды*. Минск: ЮрСпектр; 2023. 544 с.
5. Wroblewski B. *Język prawny i prawniczy*. Krakow: PWN; 1948. 244 s.
6. Александров АС. *Введение в судебную лингвистику*. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия; 2003. 420 с.
7. Бринев КИ. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции. *Юрислингвистика*. 2008; 9:232–249.
8. Лапунина ТА, Богинская ДС, Карпенко ДД. *Методика установления наличия негативной оценки лица и нормативности/ненормативности формы ее речевого выражения в спорном тексте*. Минск: Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь; 2021. 75 с.
9. Дода ИГ. Возможности судебной лингвистической экспертизы в Республике Беларусь: современное состояние и перспективы развития. В: Цыганов ВИ, Тихонова СС, Юматова ВА, редакторы. *Естественно-научные методы исследований в теории и практике производства судебных экономических и речеведческих экспертиз. Материалы Всероссийской научно-практической конференции; 20–21 августа 2016 г.; Нижний Новгород, Россия*. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского; 2017. с. 46–52.
10. Кирдун АА, Андреева АВ, Михайленко ГВ. Лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. *Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы*. 2015;2:95–100. EDN: YSENPf.
11. Тихомирова ЕА. Коммуникативная ситуация оскорбления: анализ экспертом. В: Швед АИ, редактор. *Евразийское партнерство судебных экспертов: вызовы, проблемы, пути решения и перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции; 19–20 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Право и экономика; 2018. с. 146–148.
12. Громова НС. Вербальный экстремизм как особый вид преступлений: правовая и лингвистическая природа. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015;11–1:51–55. EDN: SKYZIX.
13. Южанинова АЛ. Вопросы методики судебной психологической экспертизы вербального экстремизма. *Судебная экспертиза*. 2008;3:43–50. EDN: JUZHML.
14. Кирдун АА. К вопросу о сущности судебной лингвистической экспертизы, назначаемой по делам, связанным с противодействием вербальному экстремизму. В: Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. *Борьба с преступностью: теория и практика. Материалы VIII Международной научно-практической конференции; 23 апреля 2020 г.; Могилёв, Беларусь*. Могилёв: Могилёвский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь; 2020. с. 570–573. EDN: KAQMBK.
15. Парыгина НН. Деловая репутация в системе нематериальных благ. *Теория и практика общественного развития*. 2017; 1:143–147.
16. Потапенко СВ. Судебная защита деловой репутации юридических лиц от диффамации в СМИ. *Право и экономика*. 2000; 6:69–71.
17. Иванченко ГС. *Лингвистическая экспертиза текста в процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации*. Челябинск: Полиграф-мастер; 2006. 228 с.
18. Фролова ИН. Уголовная ответственность за клевету по уголовным кодексам стран ближнего зарубежья. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2009;4:210–214.

References

1. Maslova VA, Pivovarov ES. Monodisciplinarity in human sciences is a dead-end path of scientific development. *Metafizika*. 2022; 3:129–137. Russian. DOI: 10.22363/2224-7580-2022-3-129-137.
2. Sepir E. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Kibrik AE, translator and editor. Moscow: Progress; 1993. 656 p. Russian.
3. Katkov VD. *K analizu osnovnykh ponyatii yurisprudentsii* [On the analysis of the basic concepts of jurisprudence]. Kharkiv: Universitetskaya tipografiya; 1905. 462 p. Russian.
4. Gredinger M. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Minsk: YurSpektr; 2023. 544 p. Russian.
5. Wroblewski B. *Jezyk prawny i prawniczy*. Krakow: PWN; 1948. 244 s.
6. Aleksandrov AS. *Vvedenie v sudebnuyu lingvistiku* [Introduction to forensic linguistics]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy; 2003. 420 p. Russian.
7. Brinev KI. [Linguistic expertise: types of expert tasks and methodological presumptions]. *Legal Linguistics*. 2008;9:232–249. Russian.
8. Lapunina TA, Boginskaya DS, Karpenko DD. *Metodika ustanovleniya nalichiya negativnoi otsenki litsa i normativnosti/normativnosti formy ee rechevogo vyrazheniya v spornom tekste* [A method for determining the presence of a negative assessment of a person and the normativity/non-normativity of the form of her speech expression in a controversial text]. Minsk: Scientific and Practical Centre of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus; 2021. 75 p. Russian.
9. Doda IG. Possibilities of forensic linguistics in the Republic of Belarus: current situation and development prospects. In: Tsyganov VI, Tikhonova SS, Yumatova VA, editors. *Estestvenno-nauchnye metody issledovaniy v teorii i praktike proizvodstva sudebnykh ekonomicheskikh i rechevedcheskikh ekspertiz. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 20–21 avgusta 2016 g.; Nizhnii Novgorod, Rossiya* [Natural scientific research methods in the theory and practice of forensic economic and speech science examinations. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference; 2016 August 20–21; Nizhny Novgorod, Russia]. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 2017. p. 46–52. Russian.
10. Kirdun AA, Andreeva AV, Mihailenko GV. [Linguistic expertise in insult cases]. *Issues of Criminology, Criminology and Forensic Examination*. 2015;2:95–100. Russian. EDN: YSENPf.
11. Tikhomirova EA. [The communicative situation of the insult: analysis by an expert]. In: Shved AI, editor. *Evrasiiskoe partnerstvo sudebnykh ekspertov: vyzovy, problemy, puti resheniya i perspektivy razvitiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 19–20 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus* [Eurasian partnership of forensic experts: challenges, problems, solutions and development prospects. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2018 April 19–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2018. p. 146–148. Russian.
12. Gromova NS. Verbal extremism as a special kind of crimes: legal and linguistic nature. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2015;11–1:51–55. Russian. EDN: SKYZIX.
13. Yuzhaninova AL. [Questions of the methodology of the forensic psychological examination of verbal extremism]. *Forensic Examination*. 2008;3:43–50. Russian. EDN: JUZHML.
14. Kirdun AA. [On the issue of the essence of the forensic linguistic expertise appointed in cases related to countering verbal extremism]. In: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 23 aprelya 2020 g.; Magiliow, Belarus* [Fighting crime: theory and practice. Proceedings of the 8th International scientific and practical conference; 2020 April 23; Magiliow, Belarus]. Magiliow: Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; 2020. p. 570–573. Russian. EDN: KAQMBK.
15. Parygina NN. Business reputation in the system of intangible benefits. *Theory and Practice of Social Development*. 2017;1:143–147. Russian.
16. Potapenko SV. [Judicial protection of the business reputation of legal entities from defamation in mass media]. *Pravo i ekonomika*. 2000;1:69–71. Russian.
17. Ivanchenko GS. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii* [Linguistic expertise of the text in the processes of protecting honour, dignity and business reputation]. Chelyabinsk: Poligraf-master; 2006. 228 p. Russian.
18. Frolova IN. [Criminal liability for defamation under the criminal codes of neighbouring countries]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 2009;4:210–214. Russian.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024.
Received by editorial board 03.05.2024.

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕИ

JUBILEE

Ирина Энгелевна
РАТНИКОВА

Ірына Энгелеўна
РАТНІКАВА

Irina Engelevna
RATNIKOVA

10 апреля 2024 г. отметила юбилей доктор филологических наук, профессор Ирина Энгелевна Ратникова – профессор кафедры русского языка Белорусского государственного университета, известный ученый и педагог, специалист по ономастике, лексикологии, семантике, сопоставительному языкознанию, автор учебников по русскому и белорусскому языкам для учреждений высшего и среднего образования.

В 1986 г. Ирина Энгелевна закончила филологический факультет БГУ и начала работать преподавателем кафедры русского языка. В 1993 г. она защитила кандидатскую диссертацию, в 2003 г. – докторскую. В 2010 г. И. Э. Ратникова получила ученое звание профессора. В настоящее время она читает на филологическом факультете БГУ лекции по дисциплинам «Лексикология. Фразеология», «Морфология», «Синтаксис» (модуль «Современный русский язык») и «Актуальные вопросы современного

русского языкознания» для студентов специальностей «русская филология» и «романо-германская филология», а также по дисциплинам «Теория имени собственного» и «Юрислингвистика» для магистрантов специальности «языкознание».

Ирина Энгелевна – автор более 200 научных трудов, опубликованных в Беларуси и за рубежом. Она многократно представляла результаты своих исследований на международных научных конференциях и конгрессах в России, Украине, Молдове, Болгарии, Чехии, Словакии, Польше, Венгрии, Испании и Финляндии. Главное место в сфере научных интересов И. Э. Ратниковой занимают различные вопросы ономастики: имена как этнокультурные стереотипы и константы культуры, антропонимные коды русской и белорусской лингвокультур, антропонимическая языковая личность, роль имени в метафорическом осмыслении социальных процессов и др. Ее работы по теории имени собственного

(книги «Антиномия узуса и возможностей языка в ономастической семантике» (1999) и «Имя собственное: от культурной семантики к языковой» (2003), статьи о прагматике прецедентных антропонимов и топонимов, функциональном семантическом наполнении ономастических знаков, опубликованные в разных городах Беларуси, а также стран зарубежья: Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Астрахани, Киеве, Варне, Пловдиве, Братиславе, Оломоуце, Будапеште, Вроцлаве, Кельце, Жешуве, Познани, Ольштыне и др.) содержат тонкую филологическую интерпретацию интересного и яркого языкового материала. Ирина Ангелевна занимается также сопоставительными исследованиями, сотрудничая с зарубежными лингвистами (см. некоторые публикации последних лет: «Антропонимические универсалии в китайской и русской лингвокультурах» (2015), «Русские и китайские литературные псевдонимы: мотивы и прагматика “самономинаций”» (2015), «Лингвистические и историко-культурные характеристики антропонимов в русском и китайском языках» (2017), «Статус и перспективы русского языка как одного из иностранных во Вьетнаме» (2018), «Зарубежная русистика в XXI в.: традиционные ценности и новый опыт преподавания РКИ во Вьетнаме» (2019), «Сопоставительные исследования вьетнамского и русского языков в этнолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах» (2020), «Национальная специфика метафорической номинации (на материале белорусских и вьетнамских коммерческих названий)» (2022), «Национальная культура сквозь призму антрапонімнага коду в вьетнамской и белорусской мовах» (2023) и др.).

И. Э. Ратникова активно работает в области подготовки кадров высшей квалификации, участвует в двух докторских советах в качестве ученого секретаря (специальности 10.02.01 «Русский язык», 10.02.02 «Белорусский язык», 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание») и члена совета (специальности 10.02.19 «Теория языка», 10.02.03 «Славянские языки»). Под ее руководством защищено пять кандидатских диссертаций, в том числе соискателями из Китая и Вьетнама. Сейчас Ирина Ангелевна руководит докторантом, а также двумя соискателями. Ее вклад в подготовку кадров высшей квалификации был отмечен Почетной грамотой Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (2017).

Кроме того, И. Э. Ратникова известна своей научно-организационной активностью. На протяжении 20 лет она работает в составе организационного комитета Международной научной конференции «Русский язык: система и функционирование», регулярно проводимой на филологическом факультете БГУ. Ирина Ангелевна является членом редколлегии журналов «Русский язык и литература» (Минск) и «Логос ономастики» (Донецк), заме-

стителем главного редактора журнала «Русистика в Беларуси. Вестник БООПРЯЛ» (Минск).

Одно из направлений научной деятельности И. Э. Ратниковой состоит в развитии сотрудничества между белорусскими филологами и русистами других стран. Так, в течение последних 5 лет она разрабатывает вопросы сопоставительной ономастики совместно с учеными из Китая и Вьетнама. Ирина Ангелевна – член Белорусского общественного объединения преподавателей русского языка и литературы, а также Общественного совета базовой организации государств – участников Содружества Независимых Государств по преподаванию русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина. За плодотворное сотрудничество с российскими учеными она была награждена медалью «Живое слово» I степени фонда имени А. А. Хованского (2014).

На рубеже XX–XXI вв. И. Э. Ратникова вместе с другими белорусскими лингвистами и педагогами стояла у истоков новой концепции национального языкового образования, активно участвуя в разработке современных программ и учебников по русскому и белорусскому языкам для школ и филологических факультетов университетов. Она является одним из авторов более 20 учебников и учебных пособий. За создание учебно-методического комплекса по белорусскому языку для учащихся 1–4-х классов школ Беларуси Ирина Ангелевна в составе авторского коллектива была награждена премией имени В. И. Пичеты (2014).

Научный потенциал и педагогическое мастерство И. Э. Ратниковой реализовались и в работе с талантливыми школьниками – участниками республиканских олимпиад и научных конференций. Она занималась составлением заданий, подготовкой команды учащихся Минска к заключительному этапу республиканской олимпиады по русскому языку и литературе, в течение 8 лет (с 2005 по 2012 г.) была председателем жюри второго этапа олимпиады по этим учебным предметам. За результативную работу по развитию интеллектуальных способностей школьников Ирина Ангелевна была удостоена благодарности председателя Мингорисполкома (2008) и благодарности председателя Комитета по образованию Мингорисполкома (2011).

И. Э. Ратникова неоднократно была отмечена наградами БГУ и Министерства образования Республики Беларусь: грамотой БГУ (2001), благодарностью ректора БГУ (2006), грамотой Министерства образования Республики Беларусь (2009), нагрудным знаком «Отличник образования» (2014), Почетной грамотой БГУ (2019). За многолетнюю безупречную работу в университете и достижение высоких результатов в научно-педагогической деятельности по подготовке высококвалифицированных

специалистов она была удостоена почетного звания «Заслуженный работник Белорусского государственного университета» (2024).

Почти 40 лет жизнь Ирины Энгелевны связана с филологическим факультетом БГУ. Преподаватели и студенты ценят ее за профессионализм, целеустремленность, творческий подход к работе.

И. Э. Ратникова – интеллигентный и доброжелательный человек, которого уважают и любят в коллективе. Коллеги сердечно поздравляют ее с юбилеем и желают ей здоровья, благополучия, вдохновения и творческих удач.

Т. Н. Волынец¹, И. С. Ровдо²

¹*Татьяна Николаевна Волынец* – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета.

Тацяна Мікалаеўна Валынец – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Tatyana N. Volynets, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: tatka6148@gmail.com

²*Иван Семенович Ровдо* – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка филологического факультета Белорусского государственного университета.

Іван Сямёнавіч Роўда – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры рускай мовы філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Ivan S. Rovdo, doctor of science (philology), full professor; head of the department of Russian language, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: rovdois@bsu.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский язык) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 7-07-0533-01 «Фундаментальная физика», 7-07-0533-02 «Ядерная физика и технологии» / БГУ ; сост. Е. В. Чвей. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 51 с. : табл. Библиогр.: с. 50–51. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309178>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.02.2024, № 001512022024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский язык)» предназначен для студентов физического факультета специальностей 7-07-0533-01 «Фундаментальная физика», 7-07-0533-02 «Ядерная физика и технологии» 1-й степени высшего образования. ЭУМК содержит пояснительную записку, методические рекомендации для преподавателя и студентов, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы грамматических тестов, требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский язык) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0533-04 «Компьютерная физика», 6-05-0533-02 «Прикладная физика» / БГУ ; сост. Е. В. Чвей. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 44 с. : табл. Библиогр.: с. 42–44. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309189>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 13.02.2024, № 001613022024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский язык)» предназначен для студентов физического факультета специальностей 6-05-0533-04 «Компьютерная физика», 6-05-0533-02 «Прикладная физика» 1-й степени высшего образования. ЭУМК содержит пояснительную записку, методические рекомендации для преподавателя и студентов, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы грамматических тестов, требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский). Английский язык [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0533-06 «Математика», 6-05-0533-07 «Математика и компьютерные науки», 6-05-0533-08 «Компьютерная математика и системный анализ», 6-05-0533-13 «Механика и математическое моделирование» / БГУ ; сост. Т. А. Кашкан. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 47 с. :

табл. Библиогр.: с. 46–47. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309190>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 13.02.2024, № 001713022024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский). Английский язык» предназначен для студентов естественно-научных факультетов 1-й ступени высшего образования. ЭУМК содержит пояснительную записку, методические рекомендации для преподавателя и студентов, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111'276.6:91(075.8)

Иностранный язык (английский) (профессиональная лексика) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0532-01 «География», 6-05-0532-02 «Гидрометеорология», 6-05-0521-03 «Геоэкология», 6-05-0532-05 «Космоаэрокартография и геодезия», 6-05-0532-06 «Геоинформационные системы», 6-05-0532-07 «Геотехнологии туризма и экскурсионная деятельность» / БГУ ; сост.: И. Л. Шарейко, А. А. Селиванова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 59 с. : табл. Библиогр.: с. 58–59. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309200>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 13.02.2024, № 001813022024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский) (профессиональная лексика)» предназначен для студентов факультета географии и геоинформатики 1-й ступени высшего образования. ЭУМК содержит пояснительную записку, методические рекомендации для преподавателя и студентов, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы тестов, требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.161.3'276.6:33(075.8)

Губкіна А. В. Беларуская мова (прафесійная лексіка) [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метад. комплекс для спец.: 1-96 01 02 «Эканамічная бяспека», 6-05-0311-01 «Эканоміка», 6-05-0311-05 «Эканамічная інфарматыка», 6-05-0411-02 «Фінансы і крэдыт», 6-05-0412-01 «Менеджмент», 6-05-1036-02 «Эканамічная бяспека», 6-05-1036-03 «Дзяржаўны аўдыт» / А. В. Губкіна ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2023. 39 с. : табл. Бібліягр.: с. 24–26, бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309276>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 19.02.2024, № 002219022024.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс прызначаецца студэнтам спецыяльнасцей 1-96 01 02 «Эканамічная бяспека», 6-05-0311-01 «Эканоміка», 6-05-0311-05 «Эканамічная інфарматыка», 6-05-0411-02 «Фінансы і крэдыт», 6-05-0412-01 «Менеджмент», 6-05-1036-02 «Эканамічная бяспека», 6-05-1036-03 «Дзяржаўны аўдыт». Ён змяшчае тэарэтычны матэрыял па асноўных раздзелах курса «Беларуская мова (прафесійная лексіка)». Для засваення і замацавання тэарэтычнага матэрыялу, павышэння культуры маўлення прапануюцца прафесійна арыентаваныя заданні і практыкаванні.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0533-05 «Радиофизика и информационные технологии», 6-05-0533-11 «Прикладная информатика», 6-05-0533-12 «Кибербезопасность» / БГУ ; сост. О. А. Кучук. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 72 с. : ил. Библиогр.: с. 71–72. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309528>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.02.2024, № 002420022024.

Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский)», разработанный в соответствии с учебной программой «Иностранный язык (английский)» от 2 июня 2023 г. № УД-305/б, содержит пояснительную записку, теоретический и практический разделы, раздел контроля знаний, включающий образцы лексико-грамматических тестов, перечень рекомендуемых средств диагностики компетенций и методику формирования итоговой отметки, требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических

рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов, перечня рекомендуемой литературы и электронных ресурсов, используемых в образовательном процессе.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-31 01 01-01 «Биология (научно-производственная деятельность)», 1-31 01 01-02 «Биология (научно-педагогическая деятельность)», 1-31 01 01-03 «Биология (биотехнология)», 1-33 01 01 «Биоэкология», 1-31 01 04 «Биоинженерия и биоинформатика» / БГУ ; сост. В. И. Корнакова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 86 с. : табл. Библиогр.: с. 85–86. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309985>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 04.03.2024, № 003304032024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский)» предназначен для студентов биологического факультета 1-й ступени высшего образования. ЭУМК содержит пояснительную записку, методические рекомендации для преподавателя и студентов, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы тестов, требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-07-0511-01 «Фундаментальная и прикладная биотехнология», профилизации: «Молекулярная биотехнология», «Клеточная биология», «Фундаментальная и прикладная геномика» / БГУ ; сост. В. И. Корнакова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 66 с. : табл. Библиогр.: с. 66. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309988>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 04.03.2024, № 003404032024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский)» предназначен для студентов биологического факультета 1-й ступени высшего образования. ЭУМК содержит пояснительную записку, методические рекомендации для преподавателя и студентов, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы тестов, требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный (английский) язык (общее владение). Иностранный (английский) язык (профессиональный) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0521-01 «Экология» / БГУ ; сост. В. И. Корнакова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 77 с. : табл. Библиогр.: с. 77. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309989>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 04.03.2024, № 003504032024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебным дисциплинам «Иностранный (английский) язык (общее владение)» и «Иностранный (английский) язык (профессиональный)» предназначен для студентов биологического факультета 1-й ступени высшего образования. ЭУМК содержит пояснительную записку, методические рекомендации для преподавателя и студентов, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы тестов, требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0511-01 «Биология», профилизации: «Биоразнообразие», «Общая физиология и биохимия», «Генетика и молекулярная биология»; 6-05-0511-02 «Биохимия», профилизация «Аналитическая и фармацевтическая биохимия»; 6-05-0511-03 «Микробиология», профилизации: «Молекулярная микробиология»,

«Прикладная микробиология»; 6-05-0511-04 «Биоинженерия и биоинформатика» / БГУ ; сост. В. И. Корнакова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 77 с. : табл. Библиогр.: с. 77. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309991>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 04.03.2024, № 003604032024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский)» предназначен для студентов биологического факультета 1-й ступени высшего образования. ЭУМК содержит пояснительную записку, методические рекомендации для преподавателя и студентов, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы тестов, требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский язык) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. углубл. высш. и спец. высш. образования естеств.-науч. профиля / БГУ ; сост. А. Э. Черенда. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 66 с. : ил. Библиогр.: с. 39. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/309994>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.03.2024, № 003705032024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский язык)» предназначен для студентов и слушателей специальностей углубленного высшего и специального высшего образования естественно-научного профиля. ЭУМК состоит из пояснительной записки, теоретического раздела, практического раздела, раздела контроля знаний, вспомогательного раздела.

УДК 811.111'276.6:91(075.8)

Иностранный язык (английский) (профессиональная лексика) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0532-01 «География», 6-05-0532-02 «Гидрометеорология», 6-05-0521-03 «Геоэкология», 6-05-0532-05 «Космоаэрокартография и геодезия», 6-05-0532-06 «Геоинформационные системы», 6-05-0532-07 «Геотехнологии туризма и экскурсионная деятельность», 1-31 02 04 «Геотехнологии туризма и экскурсионная деятельность», 1-56 02 02 «Геоинформационные системы (по направлениям)», 1-56 02 02-01 «Геоинформационные системы (земельно-кадастровые)» / БГУ ; сост.: И. Л. Шарейко, А. А. Селиванова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 59 с. : табл. Библиогр.: с. 58–59. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/310027>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.03.2024, № 004006032024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский) (профессиональная лексика)» предназначен для студентов факультета географии и геоинформатики 1-й ступени высшего образования. ЭУМК содержит пояснительную записку, методические рекомендации для преподавателя и студентов, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, включающий формы диагностики компетенций, образцы тестов, требования к зачету и экзамену, вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, методических рекомендаций по организации самостоятельной работы студентов и списка рекомендуемой литературы.

УДК 811.124(072)(06)

Методика преподавания латинского языка и дисциплин классического цикла [Электронный ресурс] : материалы Межунив. круглого стола (Минск, 24 янв. 2024 г.) / БГУ ; [редкол.: А. В. Кириченко (отв. ред.), Д. Г. Минкевич]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 92 с. : ил. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/310060>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 11.03.2024, № 004811032024.

В сборнике представлены материалы Межуниверситетского круглого стола «Методика преподавания латинского языка и дисциплин классического цикла», который состоялся 24 января 2024 г. на филологическом факультете БГУ. Материалы охватывают широкий спектр вопросов, касающихся преподавания древнегреческого и латинского языков, особенностей перевода текстов с классических языков, подготовки преподавателей латинского языка, а также рецепции античной культуры.

Сборник адресуется преподавателям латинского и древнегреческого языков, студентам специальности «классическая филология» и всем интересующимся вопросами методики преподавания классических языков.

УДК 811.112.2'276.6:33(075.8)

Иностранный язык (немецкий, модуль профессионального общения) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-1036-03 «Государственный аудит», 6-05-0412-01 «Менеджмент», 6-05-0411-02 «Финансы и кредит», 6-05-0311-01 «Экономика», 6-05-1096-02 «Экономическая безопасность», 6-05-0311-05 «Экономическая информатика» / БГУ ; сост. А. Н. Воробьева. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 54 с. : табл. Библиогр.: с. 29–30. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/310083>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.03.2024, № 004912032024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 6-05-1036-03 «Государственный аудит», 6-05-0412-01 «Менеджмент», 6-05-0411-02 «Финансы и кредит», 6-05-0311-01 «Экономика», 6-05-1096-02 «Экономическая безопасность», 6-05-0311-05 «Экономическая информатика», выпускаемых экономическим факультетом БГУ.

Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов профессионального и производственного общения: структуры и характера профессиональной деятельности, требований к личностным характеристикам при устройстве на работу, норм делового общения, ведения рабочей документации, межкультурных аспектов в деловых отношениях, реферирования и аннотирования экономических статей и др.

УДК 811.112.2'276.6:33(075.8)

Профессионально ориентированный немецкий язык [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-1036-03 «Государственный аудит», 6-05-0412-01 «Менеджмент», 6-05-0411-02 «Финансы и кредит», 6-05-0311-01 «Экономика», 6-05-1096-02 «Экономическая безопасность», 6-05-0311-05 «Экономическая информатика» / БГУ ; сост. А. Н. Воробьева. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 57 с. Библиогр.: с. 33–34. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/310177>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 14.03.2024, № 005413032024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 6-05-1036-03 «Государственный аудит», 6-05-0412-01 «Менеджмент», 6-05-0411-02 «Финансы и кредит», 6-05-0311-01 «Экономика», 6-05-1096-02 «Экономическая безопасность», 6-05-0311-05 «Экономическая информатика», выпускаемых экономическим факультетом БГУ.

Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов профессионального и производственного общения: структуры и характера профессиональной деятельности, требований к личностным характеристикам при устройстве на работу, норм делового общения, ведения рабочей документации, межкультурных аспектов в деловых отношениях, реферирования и аннотирования экономических статей и др.

УДК 811.161.3(075.8)

Губкіна А. В. Беларуская мова (прафесійная лексіка) [Электронны рэсурс] : электрон. вучэб.-метада. комплекс для спец. 1-21 03 02, 6-05-0222-02 «Рэгіёназнаўства» / А. В. Губкіна, С. М. Запрудскі ; БДУ. Электрон. тэкставыя дан. Мінск : БДУ, 2023. 45 с. : табл. Бібліягр.: с. 26–27, бібліягр. у тэксце. Рэжым доступу: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/310231>. Загал. з экрана. Дэп. у БДУ 15.03.2024, № 005715032024.

Электронны вучэбна-метадычны комплекс (ЭВМК) прызначаецца студэнтам спецыяльнасці 1-21 03 02, 6-05-0222-02 «Рэгіёназнаўства». ЭВМК змяшчае тэарэтычны матэрыял па асноўных раздзелах курса «Беларуская мова (прафесійная лексіка)». Для засваення і замацавання тэарэтычнага матэрыялу, павышэння культуры маўлення прапануюцца прафесійна арыентаваныя заданні і практыкаванні.

УДК 811.1/.8(072)(06)

Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе [Электронный ресурс] : материалы VIII Респ. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Минск, 25 янв. 2024 г.) / БГУ, ; [редкол.: А. Э. Черенда (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 417 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/310428>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.03.2024, № 005920032024.

Сборник материалов VIII Республиканской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе» включает статьи, рассматривающие вопросы педагогики, психологии и методики преподавания иностранных языков, а также значимые вопросы внедрения инновационных технологий в образовательный процесс. Авторская редакция текстов сохранена.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 6-05-0533-09 «Прикладная математика», 6-05-0533-10 «Информатика», 6-05-0533-11 «Прикладная информатика», 6-05-0533-12 «Кибербезопасность» / БГУ ; сост.: С. К. Видишева, Т. В. Ситникова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 51 с. : табл. Библиогр.: с. 43. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/311356>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.04.2024, № 007117042024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Иностранный язык (английский)» предназначен для студентов естественно-научных факультетов 1-й ступени высшего образования. ЭУМК содержит пояснительную записку, теоретический раздел, практический раздел, раздел контроля знаний, образцы грамматических тестов, вспомогательный раздел, который состоит из учебно-методической карты, списка рекомендуемой литературы и электронных ресурсов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Давыденко Д. К.</i> Стена как символ (ложного) познания в произведениях австрийских писателей второй половины XX – начала XXI в.	5
<i>Цзюй Хунянь.</i> Сетевая литература и традиционная литература: сравнительный анализ	13
<i>Иванова Н. С.</i> Литературный кубизм в научном дискурсе XX–XXI вв.	19

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Супринович О. Е.</i> Структурно-семантические и лингвокультурные особенности медицинских терминов с зоо- и фитокомпонентами (на материале немецкого языка)	28
<i>Гутовская М. С., Шайбакова Д. В.</i> Метафорическое представление феномена «знание» во фразеологии русского и английского языков: продуктивность макрометафор	41
<i>Гао Ваньжоу.</i> Частотные характеристики метаязыковых слов в русском и китайском языках (по данным частотных словарей)	51
<i>Жэнь И.</i> Трансформация языка китайских средств массовой информации под влиянием цифровой среды	60
<i>Михальчук Н. А.</i> Особенности косвенных речевых актов со значением побуждения в русской прозе 1920-х гг.	66
<i>Задворная Е. Г., Витченко Л. В.</i> Семантические типы директивных комплексов и отношения между их компонентами (на материале русскоязычного художественного диалога)	80
<i>Пискун Е. В.</i> Коммуникативный конфликт в жанре интернет-комментария (на материале комментариев в социальной сети «ВКонтакте»)	89
<i>Лавицкий А. А., Дединкин А. Л.</i> Нивелирование терминологических лакун в белорусском законодательстве: вопросы теории и практики	96

ЮБИЛЕИ

Ратникова Ирина Энгелевна	106
Аннотации депонированных в БГУ работ	109

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Давыдзенка Д. К.</i> Сцяна як сімвал (памылковага) пазнання ў творах аўстрыйскіх пісьменніц другой паловы XX – пачатку XXI ст.	5
<i>Цзюй Хунянь.</i> Сеткавая літаратура і традыцыйная літаратура: параўнальны аналіз	13
<i>Іванова Н. С.</i> Літаратурны кубізм у навуковым дыскурсе XX–XXI стст.	19

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Супрыновіч А. Я.</i> Структурна-семантычныя і лінгвакультурныя асаблівасці медыцынскіх тэрмінаў з заа- і фітакампанентамі (на матэрыяле нямецкай мовы).....	28
<i>Гутоўская М. С., Шайбакова Д. В.</i> Метафарычнае прадстаўленне феномена «веды» ў фразеалогіі рускай і англійскай моў: прадуктыўнасць макраметафар	41
<i>Гао Ваньжоў.</i> Частотныя характарыстыкі метамоўных слоў у рускай і кітайскай мовах (па дадзеных частотных слоўнікаў)	51
<i>Джэн І.</i> Трансфармацыя мовы кітайскіх сродкаў масавай інфармацыі пад уплывам лічбавага асяроддзя	60
<i>Міхальчук Н. А.</i> Асаблівасці ўскосных маўленчых актаў са значэннем падахвочвання ў рускай прозе 1920-х гг.	66
<i>Задворная А. Г., Вітчанка Л. В.</i> Семантычныя тыпы дырэктыўных комплексаў і адносіны паміж іх кампанентамі (на матэрыяле рускамоўнага мастацкага дыялогу)	80
<i>Піскун К. В.</i> Камунікатыўны канфлікт у жанры інтэрнэт-каментарыя (на матэрыяле каментарыяў у сацыяльнай сетцы «УКантакце»)	89
<i>Лавіцкі А. А., Дзядзінкін А. Л.</i> Нівеліраванне тэрміналагічных лакун у беларускім заканадаўстве: пытанні тэорыі і практыкі	96

ЮБІЛЕІ

Ратнікава Ірына Энгелеўна	106
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац	109

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Davydzenka D. K.</i> The wall as a symbol of (false) knowledge in the works of Austrian women writers in the second half of the 20 th – beginning of the 21 st century	5
<i>Tzui Hunyan.</i> Network literature and traditional literature: comparative analysis	13
<i>Ivanova N. S.</i> Literary cubism in the scientific discourse of the 20 th –21 st centuries	19

LINGUISTICS

<i>Suprynovich O. E.</i> Structural-semantic and linguocultural peculiarities of medical terms with zoo- and phytocomponents (on the material of German language)	28
<i>Gutovskaya M. S., Shaibakova D. V.</i> Metaphorical representation of the phenomenon of knowledge in the phraseology of the Russian and English languages: productivity of macrometaphors	41
<i>Gao Wanrou.</i> Frequency characteristics of meta-language words in Russian and Chinese languages (according to frequency dictionaries data)	51
<i>Ren Yi.</i> Transformation of Chinese media language under the influence of digital environment	60
<i>Mikhalchuk N. A.</i> Features of indirect speech acts with the meaning of motivation in Russian prose of the 1920s	66
<i>Zadvornaya E. G., Vitchenko L. V.</i> Semantic types of directive complexes and relations between their components (based on material taken from the Russian literary dialogue)	80
<i>Piskun E. V.</i> Communicative conflict in the genre of Internet comment (on the material of comments of the social network «VKontakte»)	89
<i>Lavitski A. A., Dziadzinkin A. L.</i> Levelling terminological gaps in the Belarusian legislation: questions of theory and practice	96

JUBILEES

Ratnikova Irina Engelevna	106
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	109

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 2. 2024**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 2. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редактор *М. И. Дикун*
Технический редактор *М. М. Баулина*
Корректоры *М. Д. Баранова, С. Р. Пинчук*

Подписано в печать 28.06.2024.
Тираж 60 экз. Заказ 621.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 2. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jphil@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology» published since January, 1969. Until 2017 named «Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika» (ISSN 2308-9180).

Editor *M. I. Dikun*
Technical editor *M. M. Baulina*
Proofreaders *M. D. Baranova, S. R. Pinchuk*

Signed print 28.06.2024.
Edition 60 copies. Order number 621.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024